

ГОДЪ 2.

1908.

ОТКАЗКИ НАРОДНАГО УЧИТЕЛЯ

ЭТО ДОСУГИ.

№ 5 и 6

май и июнь

ТИПОГРАФИЯ К. А. БАРАНЬЕВА. - ВСОЛДА

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
I. Правительственныя распоряженія	3
II. На Пасху. Стихотвореніе <i>Н. С.</i>	17
III. Какъ мы смотримъ на воспитаніе дѣтей. <i>Леонида Мищенко</i>	18
IV. Учительскіе силуэты. З. Маркуша, <i>Копчика</i>	24
V. Самоучка. <i>Наивнаго</i>	42
VI. Школа и жизнь. <i>Новаго</i>	57
VII. По поводу статьи г. Данненберга. <i>Я. Зеленковича</i>	60
VIII. Очерки школьнаго дѣла въ Россіи. <i>Л. Мищенко</i>	64
IX. Школа въ нѣмецкихъ колоніяхъ. <i>Сергія Жабокрикі</i>	87
X. Антирусскому—Травиновцу Гавріилу. <i>Учителя Гавріила Молчанова</i>	91
XI. Изъ дорожныхъ впечатлѣній. <i>Усипина</i>	94
XII. Библиографическій отдѣлъ. О книгѣ Малайревскаго. <i>Л. Мищенко</i>	102
XIII. Въ С.-Петербургскомъ Обществѣ народныхъ университетовъ (<i>отъ нашего корреспондента</i>)	109
XIV. Письмо въ редакцію. <i>П. Шестакова</i>	111
XV. Временные курсы для народныхъ учителей въ С.-Петербургѣ. <i>А. Гороздина</i>	113
XVI. Правда ли?	114
XVII. Къ читателямъ. <i>Леонида Мищенко</i>	118
XVIII. Объявленія	119
XIX. Сказки, басни и другія стихотворенія. <i>Учителя П. Вересова</i> . Въ приложеніи	1-32

Экземпляры журнала «Отклики народного учителя и его досуги» за 1907 годъ высылаются за 3 р. 50 коп., а подписчикамъ 1908 года за 3 р.

Годъ 2.

1908.

ОТКЛИКИ

НАРОДНАГО УЧИТЕЛЯ

— И —

ЕГО ДОСУГИ.

№№ 5 и 6

Май и Июнь

ТИПОГРАФІЯ К. А. БАРАНЪЕВА. г. ВОЛОГА

Редакторъ-издатель А. Ө. Знаменскій.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ

Высочайшія награды.

(1-го января 1908 года, № 1). Награждаются орденами: *Св. Анны 2-й степени*: надворные совѣтники: учителя-инспекторы городскихъ училищъ С.-Петербургскаго Воздвиженскаго, Михаилъ **Скородумовъ** и Славянскаго, Никаноръ **Воронковъ**; штатный смотритель Ковельскаго городского училища Николай **Доброгаевъ**.

Св. Анны 3-й степени: врачъ Астраханскаго городского училища Иванъ **Еллинекій** и учителя Рижскаго городского женскаго училища: Николай **Троицкій** и Карлъ **Рихтеръ** и городскихъ училищъ: Кишиневскаго второго, Петръ **Добрянскій** и Березовскаго, Евгенийъ **Поповъ**; надворные совѣтники: учителя-инспекторы городскихъ училищъ: Опочецкаго, Иванъ **Скоковъ**, Тотемскаго, Николай **Созыкинъ**, Алексинскаго, Виталій **Юдинскій**, Бѣжецкаго, Михаилъ **Тюленевъ**, Епифанскаго, Николай **Баршевъ**, Иваново-Вознесенскаго, Александръ **Городскій**, Шуйскаго, Алексѣй **Мокровский**, Астраханскаго пятаго, Николай **Мордвинкинъ**, Бузулукскаго, Петръ **Нѣжковъ**, Евотаевскаго, Николай **Пуховъ**, Козьмодемьянскаго, Иванъ **Ильинскій**, Слободскаго, Ефимъ **Оргинъ**, Ядринскаго, Ѳеодоръ **Лазаревъ**, Екатеринбургскаго, Дмитрій **Сандригайло**, Илецкаго, Владиміръ **Никитинъ**, Борисовскаго, Иванъ **Поповъ**, Каменскаго, исправляющій должность, Ѳеодоръ **Ястребовъ**, Симферопольскаго, Петръ **Запорожецъ**, Новгородъ-Сѣверскаго, Иванъ **Ивженко**, Бѣльскаго, Иванъ **Трасковскій**, Минскаго второго, Алексѣй **Федоровичъ** и Юрьевскаго, Павелъ **Сироткинъ**; штатные смотрители городскихъ училищъ: Балтскаго, Андрей **Зленко**, Каменецкаго, Дѳметій **Опатскій** и Кременецкаго, Александръ **Палѣй**; учителя городскихъ училищъ: при С.-Петербургскомъ учительскомъ институтѣ, Василій **Баданинъ**, Тотемскаго, Михаилъ **Евгеньевъ**, Мологскаго.

го, Михаилъ Пустоваловъ, Рыбинскаго, Тимоѣей Екимовъ, Астраханскаго второго, Иванъ Чернышевъ, Царевококшайскаго, Николай Мошковъ, Челябинскаго, Иванъ Искосковъ, Могилевскаго, Иванъ Гнѣдовскій, Рижскаго Императрицы Екатерины II: Епифаній Патрицкій и Иванъ Дружинскій и Тобольскаго, Василій Боголюбовъ; учитель Уманскаго городского училища: Фотій Щербинскій; коллежскіе ассессоры: учителя-инспекторы городскихъ училищъ: Яренскаго, Константиновъ Поповъ, Брянскаго перваго, Алексѣй Сычевъ, Чебоксарскаго, Кириль Корниловъ, Рѣжидскаго, Иванъ Юшко и Свенцянскаго, Илья Рублевскій, и школъ ремесленныхъ учениковъ: Чистопольской, Николай Порманъ и Усольской, Евгенийъ Кучерговъ; учителя городскихъ училищъ: Порховскаго, Василій Васильевъ, Шлиссельбургскаго, Александръ Прохоровъ и Хабаровскаго Николаевскаго, Иванъ Поляничкинъ, Кіевскаго городского училища Имени Ихъ Императорскихъ Величествъ, Константинъ Карповъ.

Св. Станислава 2-й степени: учителя-инспекторы городскихъ училищъ: Одесскаго „Эфрусси“, Теодоръ Воронцовъ, Верхотенскаго, Александръ Михайловъ и Нижнеудинскаго, Сергѣй Шамаховъ; надворные совѣтники: учителя—инспекторы городскихъ училищъ: Кадниковскаго, Николай Писаревъ, Кемскаго, Николай Серебровъ, Мальскаго, Иванъ Прохоровъ, Островскаго, Анатолій Ильинскій, Повѣнецкаго, Александръ Щедровъ, Бронницкаго, Владиміръ Ильинъ, Костромскаго, Василій Кларкъ, Ярославскаго перваго, Владиміръ Орлеанскій, Балашовскаго, Сергѣй Праховъ, Бугурусланскаго, Леонидъ Тихонравовъ, Вольскаго, Петръ Чербовъ, Яранскаго, Александръ Поликарповъ, Красноярскаго, Василій Михайловъ-Дойниковъ, Таганрогскаго, Михаилъ Козловъ, Гауховскаго, Викторъ Кирилловъ, Кролѣвцаго, Александръ Новицкій и Везенбергскаго, Алексѣй Душечкинъ; штатные смотрители городскихъ училищъ: Кіевскихъ: второго, Петръ Мезько и четвертаго, Иванъ Шебета и Луцкаго, Павелъ Савченко; управляющій Красноуфимской низшей сельско-хозяйственной школой Константинъ Оболенскій; врачъ Ревельскаго городского училища Петръ Таннебаумъ; сверхштатный учитель Орловскаго городского училища Михаилъ Козловскій.

Св. Станислава 3-й степени: надворные совѣтники: учителя-инспекторы городскихъ училищъ: Звенигородскаго, Мат-

вѣй **Смирновъ**, Ельнинскаго, **Михаилъ Моховской**, Свѣжскаго, **Александръ Акатьевъ**, Пензенскаго второго, **Николай Жунѣвъ**, Липецкаго, исправляющій должность, **Николай Рудницкій**, Волковысскаго, **Иванъ Данилевичъ**, **Александрійскаго**, **Митрофанъ Долининъ**, Гостынинскаго, **Василій Гурба** и **Копальскаго**, **Кириллъ Яковлевъ** и **Арзамасской школы ремесленныхъ учениковъ**, **Алексѣй Колесниковъ**; смотрителя училищъ: **Турьинскаго горнаго**, **Иванъ Александровъ** и **Барскаго городского**, штатный, **Федоръ Дмитренко**; учителей городскихъ училищъ: **Калужскаго братьевъ Малютиныхъ**, **Александръ Бѣловъ**, **Духовщинскаго**, **Иванъ Смирновъ**, **Смоленскаго перваго**, сверхштатный, **Василій Федоровъ**, **Новооскольскаго**, исправляющій должность, **Павелъ Морозовъ**, **Рыльскаго**, **Корнилій Шпакъ**, **Тимскаго**, исправляющій должность, **Веніаминъ Поповъ** и **Везенбергскаго**, **Мартинъ Окасъ** и **Бѣжецкой школы ремесленныхъ учениковъ** **М. К. Тенишевой**, **Сергѣй Донченковъ**; коллежскіе ассессоры: учителя-инспекторы городскихъ училищъ: **Тихвинскаго**, **Иванъ Завьяловъ**, **Волоколамскаго**, **Михаилъ Мыльниковъ**, **Александровскаго**, **Константинъ Райчевъ**, **Туккумскаго**, **Христанъ Рышко** и **Устькаменогорскаго**, **Николай Осиповъ**, учителя городскихъ училищъ: **Демянскаго**, **Петръ Николаевъ**, **Арзамасскаго**, **Николай Козыревъ**, **Епифанскаго**, **Василій Юдинскій**, **Малоярославецкаго**, **Константинъ Халкинъ**, **Александровскаго евангелическаго въ Москвѣ**, **Дмитрій Щегловъ**, **Рославльскаго**, **Александръ Комарницкій**, **Старицкаго**, **Иванъ Голубевъ**, **Оренбургскаго перваго**, **Петръ Антоновъ**, **Уфимскаго второго**, **Илья Логиновъ**, **Чердынскаго**, **Иванъ Рукавишниковъ**, **Грайворонскаго**, **Германъ Матвѣйченковъ**, **Донскаго перваго**, **Иванъ Самсоновъ**, **Алешковскаго**, **Николай Шматовъ**, **Верхнедѣпровскаго**, **Лука Мариничевъ**, **Ренискаго**, **Николай Корецкій**, **Сорокскаго**, **Тарасій Шикъ**, **Виленскаго перваго**, **Алексѣй Розинъ**, **Ревельскаго**, **Федоръ Рехинъ**, **Тюменскаго**, **Федоръ Сеньковъ**, учитель-завѣдующій **Таганрогскимъ пятымъ городскимъ начальнымъ училищемъ** **Александръ Антоновъ**; титулярные совѣтники: учителя-инспекторы городскихъ училищъ: **Маріинско-посадскаго**, **Николай Никитинъ**, **Александровскъ-Грушевскаго**, **Борисъ Журковскій**, **Зиѣвскаго**, **Петръ Красовскій** и **Люцинскаго**, **Василій Попретинскій** и **Сѣдлецкой школы ремесленныхъ учени-**

ковъ, Николай **Николаевъ**, врачъ Вереѣйскаго городского училища Григорій **Гамбурцевъ**, почетный смотритель Бобринецкаго городского училища, Алипій **Деревянкинъ**, первый учитель Зайсанскаго городского училища Иванъ **Жилинъ**, учителя городскихъ училищъ: Костромскаго, Сергѣй **Горячкинъ**, Нижегородскаго, Павелъ **Лебедевъ**, Мөнзелинскаго, Леонидъ **Вавиловъ**, Курскаго, Иванъ **Кудряевъ**, Харьковскаго, Павелъ **Птахинъ** и Рижскаго Петропавловскаго, Иванъ **Федюшинъ**, учитель Москвѣнскаго городского Солодовниковскаго училища Александръ **Захаровъ**; коллежскіе секретари: учителя-инспекторы городскихъ училищъ: Ханекоставочнаго, Дмитрій **Губинъ** и Лемзальскаго, Николай **Чебурахинъ**; штатный смотритель Таращанскаго городского училища. Андрей **Хоменко**; учителя городскихъ училищъ: Варнавинскаго, Петръ **Оглоблинъ**, Каширскаго, Гавріиль **Петровъ**, состоящаго при Бѣлгородскомъ учительскомъ институтѣ, Алексѣй **Пановъ**, Харьковскаго, Александръ **Ермаковъ** и Игнатій **Лобойко**, Новогрудскаго, Павелъ **Демидовичъ** и Иркутскаго Императора Александра III, Даніиль **Никифоровъ**; губернскіе секретари: учитель-инспекторъ Суражскаго городского училища, Антонъ **Рафаловичъ**; учителя: Плескаго городского училища, Василій **Бекаревичъ**, Кіевскаго третьяго городского училища, Семень **Конопацкій**; старшій учитель Бѣльскаго приходскаго училища Осипъ **Грудзинскій**; учителя-завѣдывающіе училищами городскими приходскими: Галпчскимъ, Григорій **Невзоровъ**, Тамбовскими: четвертымъ, Семень **Кряжевъ** и пятымъ, Михаилъ **Николаевскій**, Пензенскимъ первымъ, Петръ **Стекловъ**, Ростовскимъ-на-Дону первымъ, Григорій **Сватиковъ**, Аккерманскимъ Пушкинскимъ, Василій **Контарь**, Бобринецкимъ Руцинскимъ, Михаилъ **Ганчо**, Севастопольскимъ, Лука **Ивановъ**, Вѣрненскимъ, Михаилъ **Катышевъ**, Любовинскимъ, Алексѣй **Кудринъ**, Никольскимъ, Василій **Астафьевъ**, Ташкентскими: третьимъ, Василій **Васильевъ** и Жуковскимъ, Степанъ **Дорошевъ**, Чуйскимъ, Евгеній **Замятинъ** и Житомирскимъ вторымъ, Евгеній **Крушинскій**, Токмакскимъ русско-туземнымъ, Василій **Ровнягинъ** и Казатинскимъ сельскимъ, Митрофанъ **Михайловскій**, учителя приходскихъ училищъ: Великолуцкаго, Гавріиль **Кужелевъ**, Вологодскаго третьяго, Владиміръ **Соколовъ**, Новгородскаго второго, Иванъ **Яхонтовъ**, Жиздринскаго, Тихонъ

Макаровъ, Козельскаго перваго, **Александръ Селивановъ**, Букановскаго, **Даніилъ Солдатовъ**, Каменскаго перваго, **Петръ Салтыковъ**, Новониколиевскаго, **Григорій Насоновъ**, Слободскаго, **Иванъ Бѣлоусовъ**, Моршанскаго, **Федоръ Синцеровъ**, Новочеркаскаго, **Степанъ Пономаревъ**, Манычскаго, **Василій Луковский**, Малонесвѣтайскаго, **Александръ Ренсковъ**, Евпаторійскихъ: перваго, **Ипполитъ Цюрупа** и второго, **Иванъ Розенбергъ**, Борзненскаго **Усовскаго**, **Викторъ Балабанъ**, Тростянскаго, **Семенъ Ковалевичъ**, и Егорьевскаго женскаго, **Маркіанъ Добрынинъ** и учительскіе помощники городскихъ училищъ: **Бѣжецкаго**, **Василій Сетлицкій**, и **Кашинскаго**, **Григорій Смирновъ**; коллежскіе регистраторы: учителя городскихъ училищъ: **Иркутскаго**, исправляющій должность, **Викторъ Фатуевъ** и **Такшентскаго**, **Александръ Выпоградскій**; учитель-завѣдывающій **Илекскимъ русско-киргизскимъ училищемъ** **Георгій Токмаковъ**; завѣдывающіе училищами: **Аскызскимъ**, **Никифоръ Потемкинъ**, **Тесинскимъ**, **Викентій Крейсбергъ** и **Троицкимъ приходскимъ**, **Александръ Михайловъ** и учителя училищъ городскихъ приходскихъ: **Владимірскаго перваго**, **Иванъ Георгіевскій**, **Данковскаго**, **Федоръ Шевляковъ**, **Коломенскаго перваго**, **Александръ Нечаевъ**, **Шуйскаго перваго**, **Владиміръ Лекторскій**, **Арженовскаго**, **Филиппъ Ларинъ**, **Верхне-Кундрюческаго**, **Александръ Саввинъ**, **Каменскаго второго**, **Иосифъ Наугольновъ**, **Кумылженскаго**, **Федоръ Крымцевъ**, **Магудинскаго**, **Иванъ Любимовъ**, **Парамонскаго**, **Александръ Кузнецовъ**, **Сорокинскаго**, **Ефимъ Плѣшаковъ**, **Хомутовскаго**, **Иванъ Леоновъ** и **Кіево-Лыбедскаго**, **Михаилъ Пашинскій**, и **Юрьевскаго перваго** правительственнаго начальнаго, **Мартъ Рейникъ**; немѣющіе чина: учитель **Бирской инородческой школы**, **Николай Холодовъ**; учитель-инспекторъ **Московского городского ремесленнаго училища**, имени **Григорія Шелалутина**, **Карлъ Кихлевельтъ**; штатный смотритель **Черкаскаго городского училища** **Антонъ Масловскій**; инспекторъ **Варшавскаго ремесленнаго училища**, имени **М. Конарскаго**, **Николай Федоровъ**; врачъ **Вятскаго городского училища** **Иванъ Завалишинъ**; завѣдывающіе низшими ремесленными школами: **Орловской**, **Андрей Черниковъ**, **Ставропольской**, **Николай Гемельманъ** и **Симекой**, **Георгій Костаревъ**; учитель-техникъ **Елабужской Александровской школы ремесленныхъ учениковъ**

Дмитрій Прямухинъ: учителя городскихъ училищъ: Переславскаго, Сергѣй Ганцовъ, Камышинскаго, Михаилъ Борисовъ, Чебоксарскаго, Иванъ Болдыревъ, Феллинскаго, Михаилъ Глаголевскій, Омскаго, Александръ Шайтановъ и Самаркандскаго, Владиміръ Доппельбергъ, стирпій учитель Могилевскаго третьяго приходскаго училища Константинъ Васильевъ.

Занимается въ дѣйствительную государственную службу время, вольнонаемныхъ занятій: учителю Кунгурскаго городского училища, Сергѣю Богородскому—въ должности учителя народнаго училища, съ 18-го октября 1886 по 18-го октября 1889 г.; дѣлопроизводителю) дирекціи народныхъ училищъ Пермской губерніи Павлу Тимофееву—въ должности учителя народнаго училища, съ 19-го сентября 1888 по 19-е сентября 1886 г.; учителю Митавскаго перваго городского начальнаго училища св. Анны Альфреду Гудже—въ должности учителя начальнаго училища при Иезуитскомъ сиротскомъ домѣ въ г. Митавѣ, съ 1-го августа 1894 по 1-е августа 1897 г.

Опредѣленія, основнаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

Опредѣленіями основнаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія; утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

Признать заслуживающими вниманія при пополненіи учебно-учебныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній слѣдующія книги:

— *Богородицкій, В. А.* Общій курсъ русскои граматки (Изъ университетскихъ чтеній). Изданіе 2-е, испр. и доп. Казань. 1907. Стр. IV+271. Цѣна 2 р.

— *Висертъ, Э.* Введеніе въ геодезію. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе «Mathesis». Одесса. 1907. Стр. IV+74. Цѣна 35 коп.

— *Кайгородовъ, Дм.* Древесный календарь Европейской Россіи. Изд. А. С. Суворина. С.-Пб. 1907. Цѣна 40 коп.

— *Винишевскій, С. М.* Какъ намъ жить, чтобъ здоро-

выми быть. Изданіе 4-е, испр., бр. Башмаковыхъ. С.-Пб. 1907. Стр. IV+388. Цѣна 1 р.“

— „Вопросы физики. Изданіе физическаго отдѣленія русскаго физико-химическаго общества. Редакторъ В. К. Лебединскій. С.-Пб. 1907. Выпуски 1—10. Стр. 405. Цѣна по подпискѣ 2 р.“

— «Гоголь на родинѣ. Альбомъ художественныхъ фотографий и гелиографуръ, относящихся къ памяти Н. В. Гоголя. Изданіе И. Ц. Хмѣлевскаго въ Полтавѣ. Стр. 8+42 табл. Цѣна 10 руб., въ перепл. 12 руб.»

— «Грибовскій, В. М. Памятники русскаго законодательства XVIII столѣтія. Вып. I. (Эпоха Петровская). С.-Пб. 1907. Стр. 208».

— «Дестунисъ, Сифія. Библія, пересказанная дѣтямъ старшаго возраста. Изд. И. Л. Тузова. С.-Пб. 1906. Стр. 708+4 Цѣна 4 р.»

— „Козеровскій, П. И. Доблести русскихъ воиновъ. Издано при содѣйствіи канцеляріи Императорской Главной Квартиры. С.-Пб. Стр. 131. Цѣна не обозначена.“

— «Лезинъ, В. А. Вопросы теоріи и психологіи творчества. Харьковъ. 1907. Стр. 2+445. Цѣна 2 р. 50 к.»

— «Павловскій, И. Фр. Битва подъ Полтавой 27-го іюня 1709 года и ея памятники. Полтава. 1908. Стр. VII+243+XXXIII. Цѣна 2 руб.»

— „Сигалъ, С. Л. Курсъ гігіены. Изданіе (второе) Донскаго общества воспитанія бѣдныхъ дѣтей. Новочеркасскъ. 1907. Стр. 195+III. Цѣна 1 р.“

“Опредѣленіеиъ основнаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденнымъ г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Pachalery, A. Anthologie des prosateurs et des poètes français du XIX-me Siècle. I. Prosateurs de la période romantique 1800—1850. 2-e édition entièrement refondue. Odessa. Pages XV+254. Prix 1 r. 30 cop.“—признать неподлежащему допущенію къ употребленію въ учебныхъ заведеніяхъ министерства.

Опредѣленія отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію.

Опредѣленіями отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „Бубликовъ, М., и Н. Гольденбергъ. Русская литература. Хрестоматія. С.-Пб. 1907. Стр. IV+448. Цѣна 1 р. 20 коп.“ (для городск. по Пол. 1872 г. учил.).

— „Ельцовъ, П. И., А. Г. Миронова и М. И. Назаровъ. 1) Прописи наклоннаго письма для начальныхъ училищъ. Москва. Вып. I. Стр. 16.—Вып. II. Стр. 16.—2) Прописи прямого письма для начальныхъ училищъ. Москва. Вып. I. Стр. 16.—Вып. II Стр. 16 Цѣна кажд. вып. 10 коп.“

— „Киселевъ, А. Краткая ариметика. Изд. 12-е, В. В. Думнова. М. 1908. Стр. 140. Цѣна 35 коп.“ (для городскихъ училищъ и низшихъ женскихъ уч. зав.).

— „Львовичъ, А. Родная рѣчь. Часть I. Одесса. 1908. Стр. 175. Цѣна 25 коп.“ (для еврейск. нач. учил.).

— „Нотная азбука. Изд. 2-е, исп. и доп. С.-Пб. Стр. 8. Цѣна 2 коп.“

б) въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „Демковъ, М. И. Курсъ педагогики. Часть I. Основы педагогики, дадактики и методики. М. 1907. Стр. VII+315. Цѣна 1 руб. 50 коп.“

— „Поповъ, В. И. Самодѣльный физическій кабинетъ. Курскъ. 1907. Стр. VIII+155. Цѣна 1 р. 25 коп.“

в) въ учебныя библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „Алтаевъ, А. Янъ Гусъ изъ Гусинца. Историческая повѣсть. 2-е изд. ред. жур. «Юная Россія» (Библиот. для семьи и школы). М. 1907. Стр. 139. Цѣна 40 коп.“

— «Въ первый разъ вокругъ свѣта. «Книжка за книжкой», кн. 133-ья. Изд. М. Н. Слѣпцовой. С.-Пб. 1905. Стр. 72. Цѣна 20 к.»

— „*Кайгородовъ, Дм.* Древесный календарь Европейской Россіи. Изд. А. С. Суворина. С.-Пб. 1907. Цѣна 40 коп.“ (для городск. по Полож. 31-го мая 1872 г. учил.).

— „*Киплингъ, Р.*, и др. Эскимосы. „Книжка за книжкой.“ кн. 129-ая. Изд. М. Н. Слѣпцовой. С.-Пб. 1904. Стр. 64. Цѣна 17 к.“

— „*Коваленская, Марія.* Ожерелье королевы. (Со шведскаго). М. 1907. Стр. 32. Цѣна 7 коп.“

— „*Любичъ-Комуровъ, Г. А.* Сѣрый герой. (Рядовой Рябовъ). Эпизодъ изъ русско-японской войны. Изд. 2-е, испр. и доп., В. Д. Карчагина. М. 1908. Стр. 52. Цѣна 20 коп.“

— „*Нарская, В.* Швейцарія и швейцарцы. „Книжка за книжкой“, кн. 134-ая. Изд. М. Н. Слѣпцовой. С.-Пб. 1904. Стр. 144. Цѣна 40 коп.“

— „*Немировичъ-Данченко, В. И.* На краю свѣта другъ за друга. Повѣсть для дѣтей изъ жизни на крайнемъ сѣверѣ. 4-е изд. ред. жур. „Юная Россія“. (Библиот. для семьи и школы). М. 1908. Стр. 222. Цѣна 75 коп.“

— „*Чеговъ, Н. В.*, и *Н. А. Скорцовъ.* Родные поэты. Для средняго отдѣленія. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1908. Стр. 80+П. Цѣна 30 коп.“

— „*Ассонова, Олга.* Святая война. Повѣсть для юношества изъ временъ перваго крестоваго похода. М. 1905. Стр. 63. Цѣна 30 коп.“

— „*Вульфсонъ, Э. С.* Эсты, ихъ жизнь и нравы. Изд. А. С. Панафидиной. (Гдѣ на Руси какой народъ живетъ и чѣмъ занимается). М. 1908. Стр. 74. Цѣна 15 коп.“

— „Для младшихъ. 1-я книжка. Изд. М. Н. Слѣпцовой. („Книжка за книжкой“). С.-Пб. 1907. Стр. 137. Цѣна 40 коп.“

— „*Іоаннъ Златоустъ.* Золотое слово вселенскаго учителя нынѣшнему вѣку. Избранныя бесѣды. Къ 1500-лѣтію со дня кончины святителя. Изд. маг. «Вѣра и знаніе». С.-Пб. 1907. Стр. VI+136. Цѣна 60 коп.“ (для городск. учил.).

— „*Кирюшинъ, Е. Д.* Вычисленіе на счетахъ. М. 1907. Стр. 109. Цѣна 75 коп.“

— „*Круммагеръ.* Двадцать избранныхъ притчъ. («Книжка за книжкой», кн. 23-я). Изд. М. Н. Слѣпцовой. С.-Пб. 1903. Стр. 39. Цѣна 10 коп.“

— „*Лонгъ, В.* Школа лѣсовъ. Раасказы. Вып. III. Бо-

гатырь лѣсовъ и др. рассказы. Переводъ съ англ. А. Ульяновой. (Библиот. И. Горбунова-Посадова). М. 1907. Стр. 100. Цѣна 40 коп.“

— «*Мироносицкій, П.* Лента. 3-е изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1908.¹ Стр. 31. Цѣна 10 коп.»

— „*Никольскій, А. М.* Подъ открытымъ небомъ. Рассказы для дѣтей. Харьковъ. 1908. Стр. 250. Цѣна 1 р. 80 к.“

— «*Романовъ, Е. Р.* Старина донисторическая Сѣверо-Западнаго края. Популярный очеркъ. Вильна. 1908. Стр. 46. Цѣна 20 коп.» (для городск. учил.).

— „*Томсонъ-Сетонъ, Э.* По слѣдамъ оленя. Изд. В. М. Саблина. М. Стр. 68. Цѣна 75 коп.“

— „*Чистякова-Вэръ, Е. М.* Въ добрый часъ. Сборникъ рассказовъ для дѣтей, составленный по англійскимъ и американскимъ писателямъ. Изд. В. И. Губинскаго. С.-Пб. Стр. 211. Цѣна 1 р. въ папкѣ“.

2. Допустить ¹⁾ условно слѣдующія книги: ,
къ класеному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Уттрикинъ, Д.* Записки по естественной исторіи. 3-е изд. Екатеринбургъ. 1907. Стр. 288+IV. Цѣна 65 коп.“ (для 2-хъ класен. учил., съ предупрежденіемъ автора, что если 4-е изданіе не будетъ во всемъ тщательно исправлено согласно замѣчаніямъ ученаго комитета, то оно вовсе не будетъ допущено къ употребленію въ 2-хъ кл. учил.).

— „*Ярошевскій, К. О.* Краткій курсъ естественной исторіи. Часть 3-я. Описаніе человѣческаго тѣла съ гигиеническими указаніями, общій обзоръ животныхъ и растений и краткія свѣдѣнія изъ физической геологіи. Изд. 21-е. М. 1907. Стр. 341+VII. Цѣна 1 р. 55 к.“ (для городскихъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы слѣдующее изданіе было исправлено согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

Опредѣленіемъ отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію, утвержденнымъ г. товарищемъ министра, постановлено:

— Сохранить въ настоящее время за журналомъ «Юная Россія.¹⁾ Журналъ для семьи и школы, подъ ред. Д. И. Тихомирова.»²⁾ Москвѣ допущеніе къ выпискѣ лишь въ ученическія бібліотеки городскихъ, по Положенію 1872 года, училищъ, и притомъ на одинъ только 1908 годъ.

Опредѣленія отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессиональному образованію.

Опредѣленіями отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессиональному образованію, утвержденными министерствомъ, постановлено:

— 1) „*П. И. Межеричеръ*. Техническое черченіе. Разсчеты вычерчиванія главнѣйшихъ деталей машинъ. Изд. 3-е С.-Пб. 1907. Цѣна 2 р. 25 коп.“—признать заслуживающимъ допущенія въ качествѣ учебнаго пособія въ ремесленныя и низшія техническія училища, при условіи пониженія цѣны книги для пріобрѣтенія ея учебными заведеніями до 1 р. 50 к. за экземпляръ;

— 2) „*Гедеръ*. Большой двигатель внутренняго горѣнія. Перев. съ нѣм. В. В. Варенова. С.-Пб. 1907 г. Цѣна 50 к.“—признать заслуживающимъ одобренія въ качествѣ учебнаго пособія, для ученическихъ библіотекъ ремесленныхъ и техническихъ училищъ;

— 3) „*М. Е. Соловьевъ*. Элементарная геологія. Курсъ среднихъ горно-техническихъ училищъ. С.-Пб. 1907 г.“—допустить, въ качествѣ пособія, въ библіотеки тѣхъ среднихъ и низшихъ техническихъ училищъ, въ которыхъ преподается геологія, и

— 4) „*М. Е. Соловьевъ*. 16 кристаллографическихъ сѣтокъ. С.-Пб. 1907 г.“—допустить, въ качествѣ пособія, въ библіотеки тѣхъ среднихъ и низшихъ техническихъ училищъ, въ которыхъ преподается кристаллографія.

СПИСОКЪ КНИГЪ,

разсмотрѣнныхъ ученымъ комитетомъ и признанныхъ заслуживающими вниманія при пополненіи бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

А. С.

— „*Буллина, А.* Руководство къ веденію дѣтскихъ подготовительныхъ школъ. С.-Пб. 1907. Стр. 51. Цѣна 50 коп.“

— „*Вульфсонъ, Э. С.* Какъ живутъ сарты. Изд. А. С

Панафидиной. (Гдѣ на Руси-какой народъ живетъ и чѣмъ занимается). М. 1908. Стр. 117. Цѣна 30 коп.

— „Дневникъ писателя. Ежемѣсячное общедоступное изданіе А. В. Круглова“. Годъ 1-й. Январь по декабрь. М. 1907. Цѣна за годъ съ перес. 3 р.⁴

— „*Іоаннъ Златоустъ*“. Золотое слово вселенскаго учителя нынѣшнему вѣку. Избранныя бесѣды. Къ 1500-лѣтію со дня кончины святителя. Изд. маг. «Вѣра и знаніе» С.-Пб. 1907. Стр. VI+136. Цѣна 60 коп.⁴

— „*Козеровскій, Н. І.* Доблести русскихъ воиновъ. Издано при содѣйствіи канцеляріи Императорской Главной Квартирѣ. С.-Пб. Стр. 131. Цѣна не обозначена⁴“.

— „*Печасвъ, А. П.* Очерки изъ жизни и исторіи земли. Изд. т-ва И. Д. Сытина. (Библіотека для всѣхъ). М. 1908. Работа льда. Стр. 95. Цѣна 35 коп.—Работа рѣкъ и ручьевъ. Стр. 128. Цѣна 40 коп.—Работа подземной воли. Стр. 103. Цѣна 40 коп.⁴

— „*Никольскій, А. М.* Подъ открытымъ небомъ. Разсказы для дѣтей. Харьковъ. 1908. Стр. 250. Цѣна 1 р. 80 к.⁴

— „*Павловскій, Н. Фр.* Битва подъ Полтавой 27-го іюня 1709 года и ея памятники. Полтава. 1908. Стр. VII+243+XXXIII. Цѣна 2 р.⁴

— „*Романовъ, Е. Р.* Старинна доисторическая Сѣверо-Западнаго края. Популярный очеркъ. Вильна 1908. Стр. 46. Цѣна 20 коп.⁴

— „*Алмасвъ, А.* Янгъ Гусъ изъ Гусинца. Историческая повѣсть. 2-е изд. ред. жур. «Юная Россія». (Библіот. для семьи и школы). М. 1907. Стр. 139. Цѣна 40 коп.⁴

— „*Архангельскій, И.* Вразумитель истинно-христіанской жизни. Сборникъ. Изд. Е. Коновалова и К^о. М. 1907. Стр. 320. Цѣна 1 р.⁴

— „*Архангельскій, И.* Сѣятель христіанскаго благочестія. Сборникъ. М. 1904. Стр. 377+V. Цѣна 1 р.⁴

— „*Берлинъ, Я. А.* Стариніе братья въ семьѣ народовъ. Изд. ред. жур. «Юная Россія». (Библіот. для семьи и школы). М. 1907. Очеркъ 3-й. Царица міра машина и король капиталъ. Стр. 71. Цѣна 12 к.—Очеркъ 4-й. Среди труженниковъ. Стр. 107. Цѣна 20 коп.⁴

— „*Ивановъ, Ив. Ив.* Учитель взрослыхъ и другъ дѣтей. (Бичеръ-Стоу). Біографическій очеркъ. 3-е изд. ред. жур.

«Юная Россія». (Библиот. для семьи и школы). М. 1907. Стр. 126. Цѣна 50 коп.»

— „Киплингъ, Р., и др. Эксимосы. „Книжка! за книжкой“, кн. 129-ая. Изд. М. Н. Сяѣнцовой. С.-Пб. 1904. Стр. 64. Цѣна 17 коп.»

— „Немировичъ-Данченко, Вас. Тихій свѣтъ. Повѣсти и рассказы. Изд. А. С. Суворина. С.-Пб. 1898. Стр. 392. Цѣна 75 коп.»

Отъ управленія пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ.

На 1-ое января 1908 года по отдѣлу XXX спеціальныхъ средствъ министерства народнаго просвѣщенія „капиталъ пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ“ состояло на лицо суммъ, поступившихъ по квитанціямъ главнаго казначейства:

Наличными деньгами 19.458 р. 73 к.

Процентными бумагами на нар. сумму 5.270.790 „ 15 „

Изъ нихъ:

4 ¹ / ₂ % закл. лист. Моск. земел. банка.	220.000	„	—	„
„ „ „ Бессар.-Таврич.	224.700	„	—	„
„ „ „ Донск. земельн.	233.400	„	—	„
„ „ „ Полтав. земельн.	223.900	„	—	„
„ „ „ Кіевск. земельн.	235.300	„	—	„
„ „ „ Яросл.-Костром.	220.500	„	—	„
„ „ „ Виленс. земельн.	225.600	„	—	„
„ „ „ Нижег.-Самарск.	225.100	„	—	„
„ „ „ С.-Пб.-Тул. поз. банка	166.500	„	—	„
„ „ „ Харьк. земельн.	198.600	„	—	„
3,8% конверсіонныя облигаціи . . .	132.000	„	—	„
5% закл. лист. Тифлиск. двор. банка	127.600	„	—	„
4% свидѣт. Крестьянск. позем. банка	500	„	—	„
5% свидѣт. Крестьянск. позем. банка	30.200	„	—	„
6% именныя обязат. Крест. поз. банка	1.040.065	„	15	„
4% свидѣт. государственной ренты .	596.700	„	—	„
4 ¹ / ₂ % закл. лист. земск. банка Херс. губ.	229.600	„	—	„
„ облигаціи Моск. гор. кред. обществ.	225.800	„	—	„
„ „ С.-Петерб. кред. обществ.	228.700	„	—	„

5% внутренній заемъ 1905 г. I выпуска	148.900	„	—	„
„ „ „ II выпуска	188.000	„	—	„
„ Россійскій государст. заемъ 1906 г.	98.062	„	50	„
4% конс. обл. Россійск. ж. д. 1 и 2 серий	50.062	„	50	„
Итого . . 5.270.790 руб. 15 к.				

На Пасху

Солнышко свѣтлое, солнышко лаское
Ласково свѣтитъ и ярко горитъ...
Утро весеннее, утро прекрасное
Радуетъ сердце и душу живить...

Любо глядѣть: вереницы нарядныя
Люда крестьянскаго въ церковь идуть...
Птички въ лазури небесной чуть видныя
Солнцу весеннему славу поютъ...

Гулъ колокольный по степи разносится,
Къ общей молитвѣ могуче зоветъ...
Сердце на вольную волюшку просится,
Съ птичками славу Творцу воздаетъ...

Горе, заботы и думы печальныя
Всѣми забыты и словно ихъ нѣтъ:
Радуетъ всѣхъ это утро пасхальное
Пѣсенки птичекъ и солнышка свѣтъ...

Вмѣстѣ съ людьми свѣтлый праздникъ встрѣчаютъ
Поле широкое, рѣчка и лѣсъ;
Радостнымъ эхо они отвѣчаютъ
Вѣсти церковной: „Христосъ днесь воскресъ“

Н. С.

Какъ мы смотримъ на воспитаніе дѣтей.

Какъ ужасенъ былъ бы міръ, если бы не рождались постоянно дѣти, несущія съ собою невинность и возможность всякаго совершенства.

Рескинъ.

Что значитъ понятіе:-воспитаніе?

Въ латинскомъ и нѣмецкомъ словахъ—*educatio* и *Erziehung*,—обозначающихъ это понятіе, можно яственно отличить корень, общій съ глаголами вести, тянуть—*ducere*, *ziehen*.

Русское слово—*воспитаніе*—имѣетъ корень общій съ глаголомъ *питать*, что гораздо правильнѣе и ближе выражаетъ сущность понятія.

„Слово воспитаніе“—какъ справедливо говорить извѣстный русскій педагогъ К. Д. Ушинскій—„прилагается не къ одному человѣку, но также къ животнымъ и растеніямъ, а равно къ историческимъ обществамъ, племенамъ и народамъ, то есть къ *организмамъ* всякаго рода, и воспитывать въ обширнѣйшемъ смысла этого слова значитъ способствовать развитію какого нибудь организма посредствомъ свойственной ему пищи, матеріальной или духовной“.

Дѣлая объединительный обзоръ исторіи, философіи и современныхъ системъ воспитанія, К. Сентъ-Илеръ такими чертами рисуетъ содержаніе и объемъ интересующаго насъ понятія: „Въ отношеніи къ человѣку воспитаніе опредѣляется слѣдующимъ образомъ—это есть преднамѣренное воздѣйствіе взрослого человѣка на ребенка или юношу, имѣющее цѣлью довести его до той доли самостоятельности, которая необходима человѣку для исполненія своего назначенія человѣка на землѣ. Но такъ какъ назначеніе человѣка на землѣ понимается различными людьми не одинаково, то и цѣль воспитанія опредѣляется различнымъ образомъ“.

Очевидно, что искусство воспитанія возникло съ самаго начала появленія человѣка на землѣ.

Та новая школа свободнаго воспитанія, предвѣстникомъ которой былъ еще Сократъ,² идеологами которой по праву считаются Руссо и отчасти Базедовъ, философомъ—истолкователемъ и учителемъ которой по справедливости является гр. Л. Н. Толстой,—смотреть на воспитаніе, какъ на дѣлъ глубокой важности, серьезнаго значенія для всего человѣчества, безпощадно исключаетъ изъ сферы этого святаго искусства всякое насиліе, принужденіе, лицемѣріе, ложь, отличія, награды, наказанія, и, придавая трудовой жизни ея истинную цѣну, не спѣшитъ засаживать дѣтей въ школьные департаменты и упражнять ихъ въ чисто словесномъ, діалектическомъ, не глубокомъ, почти механическомъ обученіи.

Будучи разумнымъ поклонникомъ этой новой школы, разумнымъ, такъ какъ я все же вижу и ея неизбѣжные недостатки, я попытаюсь здѣсь возможно кратче и проще изложить ея принципиальныя основанія и главнѣйшія отличія отъ господствующей нынѣ системы воспитанія примѣнительнаго, поддѣлывающагося подъ временные идеалы націи, господствующей религіозной общины, сословія, социальное-экономическаго класса и т. д.—Взгляды крупныхъ и выдающихся представителей новой школы воспитанія я приведу *in extenso*, въ подлинныхъ выдержкахъ.

Друзьямъ старой школы съ обветшавшими принципами, часто весьма далекими отъ христіанскаго идеала, могу только посовѣтовать вспомнить два сказанныя слова покойнаго Шелгунова, обращенныя, именно, къ нимъ: „У васъ нѣтъ силы создавать людей и потому предоставьте имъ создаться самимъ. Вы знаете только свое прошлое, но ваше прошлое не есть законъ будущаго и не обязательно для вашихъ дѣтей. Навязывая дѣтямъ свои тенденціи, свои предвзятыя идеи и убѣжденія мы создаемъ изъ нихъ рабовъ, а не свободныхъ людей“.

Никто лучше великаго Гете не выразилъ этого естественнаго права дѣтей на свободу: „Мы почему-то думаемъ, что дѣти, которыя во сто разъ лучше насъ, должны быть нашими слугами и рабами, должны всегда исполнять наши приказанія, а не свою волю. Отецъ, который на небесахъ, видитъ оттуда только малыхъ и большихъ дѣтей, а о томъ, которые

пзъ, нихъ болѣе угодилъ ему, уже давно сказали: его (Сынъ: „если не будете какъ дѣти, не войдете въ царство небесное“.

Эти слова Гете утверждаютъ великое право дѣтей на свободу, отъ всяческаго насилія на основаніи болѣе прочномъ и вѣрномъ, чѣмъ всѣ политическія партіи и акты договоровъ и гарантій. Прекрасная мысль эта высказана Гете много лѣтъ тому назадъ, но, думается, что именно теперь, въ наше время новой школы и обновленія воспитанія, особенно необходимо вспомнить ее, сродниться, облизиться съ нею, вполне проинкнуться ея глубокимъ содержаніемъ. „Спокойно предоставляй природѣ свободу помогать самой себѣ и не ускорять эту самопомощь, а только слѣдить, чтобы окружающія обстоятельства и обстановка поддерживали работу природы,—вотъ въ чемъ“—по словамъ Элленъ Кэй— „заключается воспитаніе“.

Исканіе законовъ жизни, внимательное и бережное отношеніе къ внутренней интимной жизни ребенка, непрестанцыя, наблюденія надъ природой дѣтей—только эти пути приведутъ, наконецъ, воспитателей къ познанію и проникновенію, вполне очевидными, глубокими истинами, къ которымъ вдумчивые ученые уже давно подошли другими путями.

„Чѣмъ болѣе наука знакомитъ насъ съ природою вещей, тѣмъ болѣе раскрывается для насъ сила этой природы. Чѣмъ болѣе повышается наше знаніе, тѣмъ болѣе мы склоняемся ограничивать собственное наше вмѣшательство въ работу природы“ (Спенсеръ).

„По мѣрѣ приобрѣтенія болѣе глубокаго познанія законовъ жизни человѣкъ становится все менѣе довѣрчивымъ къ себѣ и все болѣе довѣрчивымъ къ природѣ“ (Джонъ Форбсъ).

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ дѣти не являются вѣстниками изъ лучшаго міра, развѣ не проще, не глубже, не нравственнѣе дѣти, они насъ, своихъ отцовъ и матерей, своихъ воспитателей и учителей.

Сколько скромныхъ и вмѣстѣ мощныхъ силъ въ безошибочномъ и деликатномъ инстинктѣ справедливости ребенка! Какія сокровища нѣжныхъ чувствъ таятся въ его сердцѣ! Кто скорѣе и правдивѣе ребенка откликается на чужое горе, на случайно подмѣчанное страданіе? Мало ли истинно геройскихъ примѣровъ самоотверженія показавали дѣти? Сколько благородныхъ порывовъ, тончайшихъ и прекрасныхъ душев-

ныхъ движеній въ существѣ ребенка! Сколько хорошихъ за-
датковъ, какое благодарное, животворное поле для посѣва
всего „разумнаго, добраго, вѣчнаго“....

И при всемъ томъ способности дѣтей не отягощены ня-
чѣмъ, не извращены; самое незначительные предметы, просе-
тенскія коллекціи, совѣтъ несложный приборъ, не большая
прогулка, работа на вольномъ воздухѣ, въ саду, въ полѣ—все
это служить для нихъ развлеченіемъ; все это интересуе-
тъ ихъ, занимаетъ.

Дѣло воспитателя—удовлетворить естественнымъ запро-
самъ дѣтей, помогать ихъ естественному развитію. Дѣло вос-
питателя—использовать силы ребенка, открыть его умствен-
ныя и нравственныя сокровища, опредѣлять много обѣщаю-
щія задатки, дать волю и направленію душевнымъ порывамъ,
движеніямъ чувствъ, оплодотворить богатое нетронутое поле.

„И нѣтъ обязанности радостнаго этой, потому что нѣтъ
ничего трогательнаго сердца, которое проникается добромъ,
характера, который становится твердымъ и прямымъ, мысли,
которая проясняется“—говоритъ Себастьянъ Форъ. „Это—цвѣ-
токъ, распускающійся во всемъ блескѣ своихъ красокъ, во
всей упительности своихъ благоуханій“.

И въ другомъ мѣстѣ: „И не признаю за собою права
навязывать ребенку свои убѣжденія, къ которымъ я припе-
ляю лишь вполне духовно зрѣлымъ и самостоятельнымъ. „Малень-
кій“ не долженъ быть блѣдною тѣнью „большого“; роль отца
не въ томъ, чтобы пережить себя, увѣковѣчить себя въ по-
томствѣ. Воспитатель не долженъ стремиться перевоплотить
себя въ воспитанника, подставить свои сужденія и стремле-
нія на мѣсто сужденій и стремленій послѣдняго.

Не такъ понимаю я роль „старшихъ братьевъ“ какими
являемся мы.

Задача „старшаго“,—задача самая высокая, достойная¹
и благодарная, но въ то же время требующая громадной вни-
мательности и чуткости,—состоять въ томъ, чтобы бросать въ
темный мозгъ ребенка лучи свѣта, которые помогли бы ему
ориентироваться въ окружающемъ, привить хрупкой, неус-
тойчивой волѣ навыки, ее развивающіе и укрѣпляющіе, про-
будить въ сердцѣ „младшаго“ чувства, направляющія его
къ добру и истинѣ.

Воспитатель долженъ быть примѣромъ, руководителемъ и опорой, ни болѣе, ни менѣе, если онъ хочетъ, чтобы ребенокъ остался самимъ собой, чтобы развилась его индивидуальность, чтобы онъ сталъ существомъ прекраснымъ, сильнымъ и свободнымъ“ . . .

Итакъ, подѣ воспитаніемъ, иными словами, мы понимаемъ любовное, мягкое, бережное воздѣйствіе взрослыхъ на подрастающихъ, воздѣйствіе, поднимающее ихъ до существующаго уровня жизни. Отношенія къ дѣтямъ должны быть проникнуты любовью; въ дѣтяхъ мы видимъ существа разумныя, способныя все понять, все впитать. Причужденіе замѣняется доводами, страхъ—довѣріемъ, строгость—добротой, невниманіе—стремленіемъ все объяснить, отвѣтить на всѣ запросы...

Окруживъ дѣтей тихой, спокойной, любовной атмосферой, надо устроить вокругъ нихъ такую обстановку жизни, которая своимъ примѣромъ создавала бы у нихъ привычки, соотвѣтствующія требованіямъ идеаловъ нравственности и справедливости. По этому не слѣдуетъ представлять дѣтямъ жизнь, какъ игру въ мячъ, въ крокетъ или кегли; они должны знать, что жизнь есть трудъ.

„Превращеніе работы и обученія въ игру, правильно говорить Гюйо, плохая подготовка къ жизни. Развѣ жизнь есть игра?“

Вполнѣ былъ правъ Кантъ, говоря, что, приучая ребенка на все смотрѣть, какъ на игру, мы впадаемъ въ пагубную ошибку. Для Спенсера высшимъ критеріемъ хорошаго метода служить удовольствіе дѣтей. Мы думаемъ, что такимъ критеріемъ долженъ быть интересъ, вдохновеніе, но никакъ не удовольствіе въ смыслѣ забавы.

Больше того, трудъ человѣка въ борьбѣ съ силами природы—есть источникъ всѣхъ знаній. Поэтому самая исторія познанія, исторія накопленія, распредѣленія и синтезирования (обобщенія) свѣдѣній науки должна быть восстановлена для использованія ея въ видахъ воспитанія дѣтей. Только когда многое будетъ сдѣлано непосредственно дѣтьми, такъ сказать, изобрѣтено, открыто ими самими, только тогда можно будетъ ручаться, что знанія эти не будутъ затвержены лишь внѣшнимъ образомъ, лишь механическою работою памяти.

Вотъ почему, думается мнѣ, правильно поставленное воспитаніе, то есть хорошо поставленная жизнь и дѣтей и

большихъ, которымъ ни на минуту не слѣдуетъ забывать заповѣди: „врачу, исцѣлся самъ“, дать гораздо больше, чѣмъ сотни нравственныхъ правилъ, прописныхъ наставлений или скучный, отвлеченный курсъ морали. Мораль-это вся жизнь, та жизнь, которая въ тысячѣ мелкихъ фактовъ и черточекъ неизмѣнно пробуждаетъ лучшія чувства дѣтей и безъ принужденія создаетъ устойчивый критерій нравственности въ ихъ сознаніи.

Какова же цѣль, преслѣдуемая моею литературною дѣятельностью въ области воспитанія дѣтей?

Для взрослыхъ я стараюсь неустанно напоминать о великомъ значеніи будущихъ поколѣній, выдвигая воспитаніе дѣтей, какъ центральную, главную задачу общественной жизни, призывая къ работѣ на этой нивѣ всѣхъ родителей и воспитателей, указывая имъ практическіе способы осуществленія хорошихъ идей, литературу, пособія, давая имъ отъ сердца идущіе совѣты, раздѣляя ихъ радости и горе.

Для дѣтей и юношества я имѣю цѣлью способствовать развитію и укрѣпленію въ юной душѣ широкихъ, всеобъемлющихъ и активныхъ, дѣятельныхъ симпатій ко всему живому—человѣку, животному, растенію; выяснить лучшія стороны человѣческаго духа и возвышенныя цѣли человѣческой жизни, близко и вѣрно знакомить ихъ съ жизнью природы, ничего не утаивая и не скрывая противорѣчій науки; вызывать интересъ къ полезнымъ работамъ и занятіямъ, къ самостоятельности и творчеству.

Нашъ призывъ:

Не угашайте въ дѣтяхъ духа жива.

Леонидъ Миценко.

Учительскіе силуэты.

3. МАРКУША.

Это было неопрятное и грубое, но рослое, здоровое и сильное животное. Звали его Маркуша, а учился онъ въ духовной семинаріи.

Впрочемъ, слово *учился* не совсѣмъ точно опредѣляло жизнь Марка Попова, такъ какъ онъ исключительно посвятилъ себя теперь физическому воспитанію. Прежде онъ кое что и кое какъ зубрилъ, чтобы съ грѣхомъ пополамъ переползати изъ класса въ классъ, но то было прежде...

Какъ только добрался Маркуша до четвертаго класса семинаріи (а добрался онъ до него чуть не саженымъ дѣтиной), немедленно порѣшилъ, что теперь онъ «все равно, что кончилъ». На основаніи столь разумнаго и неопровержимаго довода и видя въ перспективѣ близкую цѣль своихъ научныхъ изысканій, Поповъ забросилъ книги и сталъ заниматься ѣдой и моціономъ.

— Ты хоть бы немного подчиталъ, Маркуша: вѣдь завтра спросятъ,—посоветуетъ бывало кто-нибудь изъ товарищей, добродушно улыбаясь.

— И пусть.... лѣниво отвѣтитъ Маркуша. Нашелъ, чѣмъ испугать... Боюсь я что ли...

— А единицу влѣпять,—не унимался товарищъ. Стыдно будетъ! Такой дѣтища, и единицу въ журналъ...

— Это миѣ-то? удивляется въ свою очередь Маркуша и любовно оглядываетъ мускулы своихъ рукъ и высокую грудь. Оставшись доволенъ осмотромъ, онъ такъ бывало зычно и весело заржетъ, что всѣмъ невольно становилось смѣшно. Зубреніе съ преподавателями и отмѣтками уходило куда-то вдалѣ, казались ненужными, лишними, жестокими. На лицо былъ сильный, здоровый Маркуша, съ добродушными глазами

и улыбкой, съ упругими красными щеками, съ твердыми овальными мускулами.... Всѣмъ было пріятно смотрѣть на атлета товарища.. И пріятно и завидно.

Часто, впрочемъ, въ пылу горячихъ споровъ трепали Маркушино имя семинарскіе ораторы, называли его животнымъ, упрекали въ преобладаніи физики надъ психикой и т. д. Но мало ли чего не выдумываютъ наши доморощенные Демосѣены и Цицероны? Въ такихъ случаяхъ Поповъ (если, конечно, онъ былъ тутъ; а бывалъ онъ рѣдко, — ибо все возможно свободное время проводилъ за гимнастикой или на кухнѣ) съ широчайшей и благодунѣйшей улыбкой подходилъ къ оратору и закрывалъ своей громаднѣйшей ладонью не только ротъ, но все лицо послѣдняго и ласково говорилъ: «Слушай-ка, слушай»...

Тотъ, понятно, вертѣлся; кто-нибудь взбирался на могучія Маркушины плечи среди громкихъ аплодисментовъ и хохота всего класса....

— Вотъ видишь,—разсуждалъ дальше Маркуша. Ты все зубришь, все читаешь, а что толку? Я такихъ-то во какъ... (и Геккулесъ поднималъ одной рукой чахлаго товарища и относилъ его на соответствующее мѣсто). Ты кончишь и я кончу—какая разница? Ты выйдешь чахоточнымъ и скоро издохнешь, а я... Вотъ смотри!.. и Поповъ торжествующе обнажалъ руку и сжималъ на показъ свои стальные мускулы.

Аудиторія съ нескрываемымъ восхищеніемъ каждый разъ обозрѣвала Маркушины добродѣтели. Многіе пробовали даже пальцами упругость ихъ, точно оправдывая пословицу: «русскій глазамъ не вѣрить,— дай пощупать.»

— То-то же и оно,—заключалъ Маркуша. Я жить хочу и буду жить. На кой чортъ мнѣ всѣ эти дурацкія науки, коли я все равно буду пошъ... презрительно силевывалъ онъ на полъ и отправлялся въ гимнастическій залъ.

По уходѣ его въ классѣ снова возникалъ споръ. Ученическая масса была всецѣло на сторонѣ Попова и съ глубокой завистью смотрѣла на его силу и здоровье. Многіе старались даже подражать. За то кучка бурсацкой интеллигенціи, такъ называемый, мыслящій и безпокойный ея элементъ, искренно возмущалась этимъ скотскимъ довольствомъ и почвеннымъ міросозерцаніемъ. Они зажигательными рѣчами старались взбаломутить стоячее, плѣснѣлое болото и произвести въ немъ

хоть малѣйшее движеніе. Они звали къ свѣту къ просвѣщенію, и указывали яркій, свѣтлый идеаль. Старались разбудить интеллектъ, привлекая товарищей интересомъ къ чтенію. Но споры оставались неизбѣжно спорами, а жизнь шла жизнью. Масса была инертна, дальше учебниковъ не шла и не хотѣла идти. Переводная отмѣтка въ журналѣ—ну, и слава Богу; не переводная—пу, надо поправить и опять слава Богу. Чего больше? Тишь, гладь, а главное — покой. Изъ ста учениковъ четвертаго класса едвали было десять человѣкъ, которые бы серьезно относились къ своему образованію, а не выполняли каторжную повинность изъ—подъ палки. Остальные же не учились, а лишь состояли учениками и подчитывали во время учебники для того, чтобы занять соответствующій номеръ въ разрядномъ спискѣ. Остальное время употребляли на мечтанія и разговоры о будущемъ поповскомъ житѣ, волочились за городскими дѣвками и пьянствовали.

Господа преподаватели отлично знали любовь своихъ питомцевъ къ паукѣ и интересъ къ ней, а потому относились къ дѣлу тоже сообразно состоянію умовъ. Всегда можно было знать, кого спросать завтра, а потому—вольному воля.

Смѣшно смотрѣть, какъ положенные полчаса преподаватель разжевываетъ взрослымъ юношамъ слова учебника и на другой день съ серьезнымъ видомъ спрашиваетъ это же самое. И никто не смѣется-никому не смѣшна эта комедія. Что дѣлать? Одни служатъ и получаютъ жалованье, а другіе учатся и получаютъ дипломъ, чтобы за него кушнуть мѣсто и присосаться къ мірскому пирогу. Такъ было и такъ будетъ....

— Маркушка, ты хоть бы къ экзаменамъ-то подчиталь малую толику,—вѣдь не хорошо, какъ срѣжешься,—совѣтують все тому же козлу отпущенія для семинарскаго остроумія — Маркушѣ.

— Нашли дурака,—добродушнаго улыбаясь, отвѣчаетъ тотъ. А это что?—показываетъ онъ на свои усы и лихо ихъ закручиваетъ. За то что я выйду къ столу—они должны мнѣ тройку поставить, а какъ грѣшнымъ дѣломъ еще чего—нибудѣ поговорю изъ билета. тогда меньше четырехъ и не помирюсь.

Дѣйствительно, въ большинствѣ случаевъ ученикъ удостоивалъ экзаменаторовъ лишь своимъ выходомъ къ столу, а говорилъ путнаго мало.

Чтобы скорѣе отвязаться и не конфузить усатаго вер-

зиду, а главное его преподавателя, обыкновенно ставили несчастную тройку,—и все обстояло благополучно.

Болѣе приткимъ ученикамъ на помощь готовились „кованные“ конспекты. Передъ преподавателями лежали узаконенные конспекты, а для учениковъ спеціальные, контрабандные. Въ первыхъ помѣщались только заголовки содержанія билета, а во вторыхъ такимъ же шрифтомъ написано столько изъ самого билета, чтобы отвѣтъ нельзя было назвать полнымъ незнаніемъ и съ чистой совѣстью можно было поставить тройку, а то и больше. Многіе изъ учениковъ считали для себя даже совершенно излишнимъ перечитывать сотни страницъ учебника, а готовились къ экзаменамъ прямо по такимъ конспектамъ. Были и такія фрукты, что совсѣмъ не готовились, надѣясь ориентироваться въ конспектѣ у экзаменаціоннаго стола... И такъ шла наука.

Все это разумѣется было въ послѣднихъ классахъ, когда уже каждый юноша считалъ, что онъ—все равно, что кончилъ. Изъ послѣднихъ классовъ увольняютъ очень рѣдко; развѣ за очень громкое поведеніе при весьма тихихъ успѣхахъ.

Начальство старшимъ классамъ ставить въ заслугу то, что они прошли искусь и пытки младшихъ классовъ, гдѣ семинаристовъ тщательно просѣиваютъ. Въ младшихъ классахъ для семинарскаго юношества предлагается египетская работа и адскія пытки безтолковой зубрежки и ломка міросозерцанія подъ угломъ начальственнаго кодекса. Здѣсь молодежь тщательно сортируется и окрашивается въ желательный цвѣтъ. Кто пестритъ и не подходитъ подъ общій фонъ, того немилосердно изгоняють. Плевелы вонъ,—нужна пшеница! Вотъ эта-то „пшеница“ дотягиваетъ до послѣднихъ классовъ въ лѣни и пьянствѣ, кончаетъ семинарію и идетъ въ попы...

Съ горечью приходится соглашаться, что семинарія выпускаетъ бездарныхъ и тупыхъ кандидатовъ духовенства. Все, что бодро, свѣже, жизненно, изгоняется изъ учебнаго заведенія и искореняется въ самомъ зародышѣ. Остается въ благоволеніи у чернаго и бѣлаго начальства одна тупая, инертная масса, смиренная до святости. Она—то и заполняетъ кадры духовенства, проповѣдую рабство, униженіе, долготерпѣніе и подхалимство, обѣщая людямъ *все на небо*, а себя, *огребая все на землю*.

Въ пятнадцатомъ классѣ семинаристы готовятся еще...

ціально въ священники и учителя, но эти классы проходятся еще лѣнивѣе, чѣмъ четвертый.

Будущая служба никого нисколько не интересуетъ, такъ какъ всѣ проникнуты непоколебимымъ убѣжденіемъ, что преподаваемое здѣсь въ жизни примѣнить во вѣки вѣкомъ не придется. Такъ оно на самомъ дѣлѣ.

Каждый семинаристъ отлично насмотрѣлся на жизнь отца, брата или другого какого родственника и згаеть, поскольку приложимы въ жизни всѣ эти богословія и гомилетики. Даже педагогика никого не интересуетъ. Правда, пишутъ семинаристы дневники по школѣ, протоколы и конспекты занятій, ходятъ въ школу и занимаются тамъ по назначенію, но вѣдь правда и то, что они считаютъ учительство и народную школу первымъ этапомъ по пути жизненнаго благополучія... Но „что имъ Гекуба и что они Гекубѣ?“

Кончилась учеба, проговорены папыщенныя прощальныя рѣчи, устроена прощальная пирушка и разъѣхались наши богословы по разнымъ угламъ російскихъ палестинъ. Многіе растались чтобы ужъ никогда болѣе не встрѣтиться. У большинства вмѣсто научнаго багажа оказались въ результатѣ только наивные дневники, куча старыхъ семинарскихъ сочиненій, никуда ненужныхъ, да пѣсенники... О, эти пѣсенники! Съ какой любовью они писались и какъ бережно хранились... Тутъ неизбежное — *..знають турки насъ и шведы, Ut in monte stabat querqus, я одинъ безъ отца безъ родимой жижи* и т. д. и т. д. и т. д.

И будетъ пылкій юноша со слезами умиленія и тихой радости рассказывать своимъ внукамъ про доброе старое время. Покажетъ и этотъ пѣсенникъ, а глупые ребятишки его, быть можетъ, осмѣютъ: „какой, скажутъ, у насъ глупый дѣдушка и какія у него смѣшныя пѣсни“. Но у старика болѣе ничего нѣтъ. Онъ и теперь, еще будучи свѣжимъ бодрымъ юношей, вынесъ только этотъ маленькій, но дорогой ему багажъ....

Семинаристы того выпуска, въ которомъ кончилъ Маркъ Поповъ, почему-то первымъ этапомъ на жизненномъ пути взяли народную школу, а не дьячковщину, какъ ихъ предшественники.

Это было бы хорошо, если бы юноши шли въ нашу убогую народную школу съ болѣе чистыми и честными намереніями. Но... хорошо оказалось лишь для нихъ самихъ. Земство заполняло школьную сѣть и понаоткрывало новыхъ

школь, такъ что учителя были нужны, да и въ церковныя школы окончившій духовную семинарію всегда является желательнымъ кандидатомъ. Въ числѣ другихъ подалъ прошеніе инспектору народныхъ училищъ и Маркуша. Подалъ, а самъ тотчасъ же отправился къ отцу на полевые работы, что неизмѣнно дѣлалъ онъ каждыя каникулы.

«Работа заставляетъ бѣть и развивасть мускулы, а бѣда даетъ силу и здоровье», разсуждалъ Маркуша. Дѣйствительно, онъ и пахалъ и косилъ и молотилъ. Отецъ очень любилъ сына, какъ хорошаго, сильнаго работника. Самъ онъ былъ псаломщикъ и работалъ, какъ заправскій рядовой мужикъ. Въ сынѣ видѣлъ лишь изображеніе себя и нисколько не интересовался его научными подвигами.

Говаривалъ иногда, чтобы тотъ бросилъ науку, коли та Маркушѣ надобна: «Поучился—и будетъ, говорилъ онъ. Въ псаломщики и теперь пустять, а то смотри, пожалуй, и въ дьяконы»...

Но сынъ упрямо твердилъ, что хочетъ кончить и быть пономъ.....

— Не всѣмъ же идти въ попы,—возражаетъ отецъ. Надо кому-нибудь и въ дьяки. Иной попъ хуже моего живетъ. Я, слава Тебѣ Господи, тридцать пять лѣтъ прожилъ на одномъ мѣстѣ, а безъ ужину спать не разу не ложился,—молитвенно кончалъ онъ свою рѣчь.

Какъ ни тупъ былъ Маркуша, а наивная гордость отца своимъ экономическимъ благополучіемъ даже у него невольнo вызывала улыбку.

— Въ попы пойду,—твердилъ онъ на всѣ доводы отца.

— Ну, какъ знаешь,—соглашался и отецъ. Твое дѣло...

Теперь, когда уже Маркуша кончилъ, старому дьячку было и пріятно, что его сынъ не хуже батюшки по ученью; и было жаль, что лишается хорошаго работника.

— Последнее лѣто работаетъ,—съ горечью думалъ старикъ, восторгаясь могучимъ размахомъ сына на сѣнокосѣ.

«Экъ садить, экъ садить,—именно, что садило,—не мимо сказано»—шепчутъ беззвучно губы и старикъ подолгу заглядывается на сына, точно запечатлѣвая себѣ на память дорогой образъ и всѣ его движенія.

— А что, батька, покуримъ,—кричитъ Маркуша и весь горячій, свѣтящійся, дышущій силой, молодостью и здоровь-

емъ подходить къ старику и вмѣстѣ усаживается въ тѣнь подъ кустики... Солнце стоитъ неподвижно и печетъ грѣшную землю, а воздухъ точно накалился и застылъ.

— Ну, и жара! Эка благодать! говоритъ отецъ, утирая потъ съ лица рукавомъ мокрой уже рубахи.

— Да-а, — равнодушно соглашается сынъ, раскуривая махорку.

— Будетъ бы косить-то.. Послѣ обѣда пора за уборку... Какъ ты думаешь, Маркуша?

— Мнѣ все равно, — лѣнливо отзывается сынъ. Только обѣдать-то еще рано.. Лѣнь тебѣ, старому, работать....

— Какъ рано? ужасается дядюшкѣ. У пона ужъ ушли...

— Ну, и чортъ съ ними, выругался сынъ. Дадимъ еще прокосъ по два, и мы пойдемъ. Согласенъ?

Старикъ задумчиво качаетъ головой и, какъ бы про себя, говорить:

«И лють же ты, Маркушка, на работу, ой какъ лють! Не даромъ батюшка и прозвалъ тебя садиломъ, — садило и есть»

— Застынь, — обрываетъ сынъ, — дадимъ по прокосью, да обѣдать пора. Отецъ соглашается и двое работниковъ снова принимаются рубить траву. При чемъ старикъ не можетъ утерпѣть, чтобы не полюбоваться на своего богатыря... «Вотъ сила, вотъ сила»,... — блаженно шепчетъ онъ и точно въ своихъ жилахъ чувствуетъ приливъ молодой крови, бодрости и энергии...

Наработавшись такимъ образомъ, оба веселые и довольные отправляются домой. Отецъ усталъ, но бодрится, а сынъ только возбужденъ... Дома ждетъ неприхотливый обѣдъ изъ рѣдьки съ лукомъ и квасомъ, картошки и пустыхъ щей. Но все это пожирается съ такимъ аппетитомъ и въ такомъ количествѣ, что не испытавшему подобныхъ состояній на себѣ покажется прямо таки невѣроятнымъ.

— Напрасно, Маркуша, въ учителя подалъ, — находясь все еще въ обаяніи сыновней работоспособности, говоритъ отецъ за обѣдомъ... Тамъ, братъ, эдакъ не поѣшь... Тебѣ прямо за землю надо браться... Чего тутъ бездомкомъ-то болтаться... Избалуеться только... Посмотри ты на себя... Какой же ты бѣлоручка? Ышь за троихъ, работаешь за десятерыхъ.. Землица матушка любить такихъ-то.. А тамъ, братъ, не то...

— А что? поднимаетъ глаза сынъ, прожевывая хлѣбъ.

— Не проработаешься—не устанешь, а не устанешь—не будешь и ѣсть... Безъ ѣды, извѣстно, какой ужъ человѣкъ.

— Ой, что ты, отецъ, недовольно хмуришься, возражаетъ дьячиха... Какъ же ему не ѣсть.. Вишь онъ какой, Господь съ нимъ... И мать съ нѣжною гордостью обозрѣваетъ своего богатыря, котораго выводила и вынянчила сама.

— Ростила, ростила, а ты болѣсти накликаешь, — ворчить старуха. Тѣфу! и слушать то не охота...

Отецъ и сынъ покровительственно выслушиваютъ воркотню старухи, а сынъ даже поддерживаетъ ее противъ отца.

— «Вѣрно, мама, вѣрно! говорить онъ, ласково обнимая мать. Какія тамъ болѣзни, на что онѣ? Я здоровъ и отъ работы никогда не отстану... Люблю я ее, эту крестьянскую работу» ...

— Ладно, голубчикъ, ладно, — весело тараторить дьячиха. Одинъ ты у насъ, какъ свѣченька свѣтлая. На радость и утѣшеніе Богъ послалъ... И боялась же я... Думала и ты умрешь. До тебя-то всѣ ребята у насъ не жили, все умирали.....

И старуха въ тысячу первый разъ принималась протяженно рассказывать, какъ она выводила ненагляднаго Маркушу.

Отецъ и сынъ много разъ все слышали въ различныхъ вариантахъ, а потому безцеремонно встаютъ изъ за стола и начинаютъ вертѣть цыгарки. Дьячиха какъ будто обидѣлась или слѣлала видъ, что обидѣлась. «Опять ыгарки», ругается она:— «хоть бы на улицу шли... Лѣто вѣдь теперь»...

Отецъ и сынъ весело переглянулись и засмѣялись.

— Мы, мама, въ окошечко, — ласково оправдывался Маркуша, подмигивая отцу и погладивъ громадной мозольной ладоницей мать по головѣ.

— Ну, и верзило же ты, Маркушка, — захохоталъ отецъ. Мать-то втрое тебя меньше... Да, задумался онъ. Именно что, говорить, изъ маленькаго сѣмечка вырастаетъ большое дерево.

— Вѣрно, старикъ, вѣрно, — подтвердилъ сынъ: только не философствуй...

Всѣ весело засмѣялись.

Почти не замѣтно для счастливой дьячковой семьи прошло лѣто съ ея страдой. Свезены были уже на гумно

споны и началась молотьба. Это результатъ лѣта. «Нѣтъ выгоднѣй работы — передь овиномъ съ молотиломъ», — говорятъ старики.

Въ одинъ изъ почтовыхъ дней приходитъ къ старому дьячку самъ батюшка и приноситъ какой то пакетъ. Явленіе экстрѣ—ординарное! Дьячокъ ни газетъ, ни писемъ кажется отъ роду не получалъ, особенно первыхъ. Писемъ тоже не ждалъ, такъ какъ Маркуша былъ дома.

— Кому это? — смущенно бормоталъ онъ, не рѣшаясь взять пакетъ.

— Да бери, — сердито сказалъ батюшка, — не укусить... Гдѣ Маркъ Ильичъ?

— Въ овинѣ, батюшка, ушелъ. — откликнулась дьячиха. Появленіе страшной бумаги переполошило наивную старуху еще болѣе, чѣмъ ея благовѣрнаго.

— Ему передайте, какъ придетъ, — рѣшилъ батюшка. Ему это, — отъ инспектора.. Ишь, гордецы, — не хотятъ по духовной части идти. Всѣмъ надо по свѣтской. Ну, да ладно! посмотримъ тамъ, — зловѣше гудить басикъ батюшки, который былъ недоволенъ лично инспекторомъ

— Нѣтъ, батюшка, робко возразилъ старикъ. Мой Маркуша по свѣтской части не пойдетъ. Нѣтъ ему на то моего благословленія... Да и самъ онъ говоритъ, что обязательно приметъ священный санъ... Теперь-то онъ въ учителя на время только.. Молодъ вѣдь еще для сана, бормоталъ старикъ, испуганный зловѣщимъ тономъ попа.

Священникъ ушелъ, недовольно бормоча что-то, а смущенный псаломщикъ тотчасъ побѣжалъ къ сыну на гумно.

— Маркуша, — закричалъ онъ издали, увидя сына. Тотъ вопросительно уставился на отца.

— Тебѣ, братъ, казенная бумага пришла...

— Казенная, говоришь?

— Да, казенная... На, — читай скорѣе.. Попъ сердится, задыхался старикъ, подавая сыну страшный пакетъ.

— Ну, я чортъ съ нимъ, коли сердится, — хладнокровно отвѣтилъ сынъ, разрывая закорюзлыми руками конвертъ.

Переполошившая мирный муравейникъ бумага была простымъ извѣщеніемъ о назначеніи окончившаго полный курсъ ученія въ N духовной семинаріи Марка Попова на должность учителя въ одну изъ школъ съ предоставленіемъ ему права

преподаванія закона Божія... Вотъ и все... Маркуша прочиталъ се отцу. Тотъ внимательно выслушалъ, слезливо мигая глазами и глубоко вздыхая.

— Такъ, стало, ѣхать надо? глухо спросилъ онъ, не вѣря скорой разлукѣ...

— Да, надо, — твердо отвѣтилъ сынъ.

— А когда?

— Завтра, — отрѣзалъ Маркуша и направился къ дому, шагая рядомъ съ отцомъ.

Онъ былъ сосредоточенъ и свирѣпо выступалъ по жнивью, раскачивая на ходу могучимъ тѣломъ. Отецъ какъ-то весь съежился и тоже ушелъ въ себя. Онъ привыкъ уже къ тайной надеждѣ, что сына не назначать въ земскую школу и онъ поживетъ дома. Разочарованіе было и горько и обидно...

— Отдохнуть надо Маркушѣ, — разсуждалъ старикъ. Пусть у насъ поживетъ... И безъ того съ этимъ ученіемъ отвыкъ отъ дома и отъ насъ стариковъ... Наживется еще на своихъ-то хлѣбахъ...

Старуха робко выслушивала и покорно соглашалась съ мужемъ. Однако теперь эта несчастная бумага рушила своимъ появленіемъ тайныя думки и яркія надежды простодушныхъ стариковъ. Пробовали было они говорить сыну, но тотъ только засмѣялся въ отвѣтъ.

— Чудаки вы, право! Да отъ чего я буду отдыхать? Гдѣ я усталъ? — говорилъ онъ.

— Всетаки, — возражала мать. Наука-то не свой братъ. Махонькимъ былъ свезенъ... двѣнадцать годиковъ учился..

— Да — двѣнадцать, — соглашался улыбаясь сынъ: потому-что два раза зимовалъ...

— Какъ хотите, а поѣду въ учителя, — твердо заявилъ сынъ. Здѣсь безъ дѣла по посидѣлкамъ буду шляться... Здѣсь-то скорѣе избалуюсь...

— Какъ хочешь, — неохотно соглашались старики: твоя воля... Самъ знаешь: не махонькій...

Когда мать узнала, что ея ненаглядный Маркуша завтра уѣзжаетъ, то просто на просто взвыла, какъ по покойникѣ... Если бы среди яркаго солнечнаго дня грянулъ надъ дьячковской избой громъ, то вѣроятно онъ не такъ бы поразилъ старую дьячиху, какъ этотъ неожиданный отъѣздъ.

Старуха то плакала, то ласкалась къ сыну и уговаривала его побыть „хоть денечек“.

— Потѣшь старуху, — выпричитывала она, дай мнѣ на тебя наглядѣться-то, соколъ ты мой ясный... и заливалась горькими старушечьими слезами...

— Соколъ не соколъ, а на ворону не похожъ, — пробовалъ было пошутить дьячокъ; но шутка вышла неуклюжая и отзывалась затаенными слезами.

Сборы были не долги... Весь скарбъ Маркуши свободно умѣстился въ небольшой корзинкѣ... Материнское сердце старалось нагрузить больше всякой снѣди, какъ будто сынъ отправлялся къ сѣверному полюсу или въ кругосвѣтное плаваніе... Лошадь была готова. Отецъ самъ ѣхалъ съ сыномъ въ качествѣ ямщика на доморощенной сивкѣ вплоть до города. Передъ отъѣздомъ по древнему обычаю всѣ сѣли. Мать дрожащими руками сняла со стѣны икону и, заливаясь слезами, благословила сына.

Прослезился и отецъ. Сынъ поцѣловалъ серьезно икону, схватилъ въ мощныя объятія сначала мать, потомъ отца, разцѣловалъ обоихъ и спѣшно выбѣжалъ на улицу. Старики едва успѣвали за своимъ богатыремъ.

Осмотрѣвъ, все ли въ порядкѣ, путники тронулись. Старуха долго еще стояла, заливаясь слезами и крестя рукой отъѣзжающихъ. Лишь только когда тѣ скрылись, она сиротливо поплелась въ домъ, слегка пошатываясь...

До города было всего шестьдесятъ верстъ. Вначалѣ отецъ и сынъ ѣхали молча, каждый подавленный своими думами. Но мало по-малу разговоръ настроился и дорога прошла почти незамѣтно, по скольку незамѣтно можетъ пройти на одной безсмѣнной лошади.

Въ городѣ остановились, конечно, на постояломъ дворѣ, а на другой день Маркуша получилъ свое первое жалованье, бумагу объ открытіи училища и подробный маршрутъ поѣздки. Маркуша восчувствовалъ себя капиталистомъ и нардо-стяхъ со старикомъ вынили малую толику...

Они разстались оба довольные другъ другомъ. Недавняя острая боль разлуки улеглась... Отецъ поѣхалъ домой, а сынъ на земскѣхъ лошадяхъ къ мѣсту своей первой службы...

— Ну-съ, посмотримъ, — разсуждалъ юноша, — что это за штука — учительская жизнь... Мало, должно быть, занимательна, да и не особенно питательна.

И подъ аккомпаниментъ дребезжанія тарантаса и толчковъ въ бока и спину стали обсуждать свою будущую дѣятельность на пользу меньшей братіи.

— «Какъ грамотный мужикъ, такъ и подлець»,—почему-то былъ убѣжденъ новопеченный учитель.

И кляузы онъ заводитъ, и съ попомъ ругается, и книжки тамъ всякія читаетъ... «И по всѣмъ деревнямъ школъ настроятъ, будемъ всякія книжки читать», промелькнулъ въ головѣ отрывокъ изъ какой-то пѣсни.

Маркуша сквозь полудремоту сталъ перебирать всѣхъ знакомыхъ мужиковъ и старался въ каждомъ грамотномъ найти только отрицательныя черты, какихъ не было, по его мнѣнію, у неграмотныхъ...

— Н-нда! дѣла,—вслухъ проговорилъ онъ.

— Что, баринъ? обернулся ямщикъ, думая, что сѣдокъ спрашиваетъ у него что-нибудь.

— Поѣзжай,—недовольно отвѣтилъ сѣдокъ.

Но ямщику хотѣлось поговорить, тѣмъ болѣе что отлично зналъ кого везетъ.

— Много я вашего брата перевозилъ,—продолжалъ онъ, ой, много... Эй вы, голуби,—неожиданно крикнулъ ямщикъ лошадямъ. Голуби начали старательнѣе отбивать станціонную дробь.

— Всякіе тоже и изъ вашего брата есть,—заговорилъ ямщикъ, какъ бы про себя, сидя къ Маркушѣ въ пол-оборота. Иной хорошій человекъ, а иной и не приведи Богъ. Иного везешь—самому любо: знаешь, что умный человекъ — пойметъ; а иной опять же... Ты чего, карая,—строго обратился онъ къ приставкѣ и огрѣлъ ее вдоль спины кнутомъ.

— Ишь, подлець, подъ водку подговаривается,—выругался мысленно Маркуша.

Чтобы подтвердить свое предположеніе, онъ спросилъ ямщика: а что, ты, братецъ, грамотный?

Тотъ такъ и просіялъ; точно подарили рублемъ.

— «Какъ же, какъ же», весело заговорилъ ямщикъ въ отвѣтъ. Три зимы въ школу бѣгалъ... Сколько одной обутки прирвалъ... Похвальный листъ получилъ...

— А теперь вѣроятно и читать не умѣешь? охолодилъ восторги грамотѣя сѣдокъ.

— Съ нашимъ удовольствіемъ,—обидѣлся ямщикъ. Въ какой хошь книгѣ прочитаемъ...

— А это не все равно? улыбнулся Маркуша.

— Вѣстимо нѣтъ,—съ апломбомъ отозвался грамотный и съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на повичка-просвѣтителя.

— На то наука нужна, а у насъ прокламація одна.

— Самъ-то ты «прокламація», сязвилъ Поповъ и недовольно замолчалъ.

Ямщикъ, сообразивъ, что баринъ обидѣлся, тоже замолкъ и отвернулся къ лошадямъ.

Стояла осень. По сторонамъ дороги красовались осины и березы въ пестрыхъ осеннихъ узорахъ. Листья густо уже обсыпали землю, но и на деревьяхъ еще ихъ много трепетало. Только грязная дорога зловѣще зіяла своими рывтинами и колеями. Было и тихо, и грустно, и жутко... Даже Маркушъ стало почему-то не по себѣ.

Цѣль путешествія была маленькая деревушка Туницино. Въ ней школу открыли потому, что она была въ центрѣ района. Прїѣздъ учителя всколыхнулъ все населеніе. Отъ мала до велика Туницинцы бѣжали къ избѣ Сидора Карпова, гдѣ нанято было земствомъ помѣщеніе для школы. Болѣе смѣлые пробовали было проникнуть въ квартиру учителя, но Маркуша безъ всякой церемоніи осадилъ любопытныхъ: «чего не видали—крикнуть онъ—не медвѣдь чай»... Публика съ любопытствомъ смотрѣла въ окна квартиры съ улицы...

— Вѣтъ такъ лѣпшій,—говорили съ восторгомъ мужики, умиленные Маркушинымъ дородствомъ.

— Попадись къ нему въ лапы,—заразъ изломаетъ...

— Мамка, я не пойду въ школу,—хныкали ребятишки, учителя боюсь... У насъ и въ волости-то нѣтъ эдаково страшно...

Потолковала публика, потолковала и начала расходиться по домамъ.

Между тѣмъ Маркушъ согрѣли самоваръ, наварили яицъ, а самъ Сидоръ Карповъ притащилъ бутылку водки... Теперь этотъ кулакъ рѣшилъ задобрить своего постояльца. «А тамъ видно будетъ»—рѣшилъ мужикъ, стараясь выказать гостю все свое расположеніе и хлѣбосолюство...

— Выкушай изъ рюмочки-то, Маркъ Ильичъ,—лебезилъ самъ хозяинъ...

— Яичекъ-то тепленькихъ скушай,—угощала хозяйка. Они у насъ супротивныя*)...

*) Самые свѣжія. *Супротивъ*—сей часъ,

Маркуша съ жадностью дорожнаго челоѣка пожираль все съ громаднѣйшимъ удовольствіемъ,

Хозяева на первый разъ были очень довольны своимъ квартирантомъ.

Дальше начиналась уже тягучая учительская жизнь не подготовленнаго семинариста. Прелюдіями къ ней были наборъ ребятишекъ и молебень. Это было почти все, что вынесъ новый учитель изъ семинарской педагогики.

Началось ученье. Тупоголовому Маркушѣ на первыхъ же порахъ пришлось убѣдиться, что его педагогическая подготовка ниже всякой критики. Помнилъ онъ свои «пробные уроки» въ семинарской образцовой школѣ и хотѣлъ было счесть ихъ за образецъ, но это оказалось совершенно невозможнымъ. Тамъ и выручало и помогало товарищество, а тутъ сорокъ плохо вымытыхъ рожницъ смотрѣли на учителя и ждали отъ него одного откровенія.

Хитрые глазенки лукаво смѣялись, когда громоздкая, неуклюжая фигура Маркуши растерянно топталась у классной доски и покашлявала въ кулакъ съ постояннымъ прибавленіемъ ни къ селу ни къ городу словъ «ну дакъ». Маркуша путался и краснѣлъ отъ стыда за свое безсиліе, а ребята съ недоумѣніемъ смотрѣли и изподтишка хихикали.. Это учителя злило, выводило изъ себя, бѣсило, и онъ запутывался еще болѣе. Пробоваль было онъ кричать, пробоваль уголь, вихры, уши, щипки, однако ясно чувствовалъ себя побѣжденнымъ. Словомъ, всѣ средства «научныя» были исчерпаны, а дѣло настраивалось туго и у могучаго Маркуши, что называется, опускались его сильныя мускулистыя руки.

По деревнямъ съ быстротой молніи разнесся слухъ, что «учитель самъ ничего не знаетъ». Мужики злобно обсуждали столь важный міровой вопросъ и высказывали свои педагогическія соображенія.. Однако умиленные Маркушинымъ могуществомъ открыто не протестовали, а ждали, «что будетъ дальше»...

Самъ Маркуша, чую свое безсиліе, поѣхаль за совѣтомъ въ сосѣднюю школу и получилъ тамъ несказанное утѣшеніе. Сосѣдь былъ изъ крестьянскихъ мѣстныхъ парней, тѣхъ, что самъ народъ такъ мѣтко окрестилъ «выжигами».

Онъ саркастически засмѣялся на просьбу новичка и сказалъ ему:

— Охъ, юноша, юноша! Посмотрѣть на Васъ — прямо богатырь; а какой вы въ сущности ребенокъ! Да занимайтесь Вы, какъ Богъ на душу положить — все сойdetъ... Бросьте всѣ эти научные методы, побросайте къ черту или къ его матери (а это будетъ подальше) всѣ методическія руководства: толку ютъ нихъ не выйдетъ все равно никакого... Знаете сами грамотѣ — ну и валяйте безъ всякихъ лукавыхъ умствований. Учили же до насъ деревенскіе грамотѣи, и мы учимъ... Результаты будутъ, а какіе? — намъ что за дѣло! Двадцать бумажекъ въ мѣсяцъ получаемъ — на двадцать и сдѣлаемъ. Больше съ насъ и спрашивать нечего! Право, смѣшно и читать и слышать крики о народной школѣ и просвѣщеніи мужика.. Да ну его къ черту! Что онъ мнѣ и въ самомъ-то дѣлѣ. Онъ живетъ, и я жить хочу... Если бы здѣсь не было у меня домишка, земли и семьи, укатилъ бы я въ городъ... Тамъ бы я эти несчастные двадцать рублей на улицѣ выпиналъ... Плюньте и вы на всю школьную канитель. Живите пока что... А тамъ въ попы съ учительскихъ-то хлѣбовъ... Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше... Вы вѣдь духовную кончили?

— Гость издалъ утвердительное мычаніе..

— То-то оно — возликовалъ гость лукаво улыбаясь.. Всѣ Вы суетесь въ народную школу, а зачѣмъ? Годъ, два проживете, а тамъ — «прости, прощай село родное». Что Вамъ до школы и что она для Васъ?? Законоучительствуютъ наши батюшки чай сами знаете какъ. У нихъ все то «некогда», то «недосугъ»..!

Хозяинъ хлопнулъ гостя по плечу и оба засмѣялись...

Всю обратную дорогу Маркуша блаженно улыбался; ему очень понравились разлагольствованія сосѣда и онъ безповоротнорѣшилъ имъ послѣдовать.

Точка зноря была найдена и повидимому началась новая жизнь. Теперь учитель не стоялъ ужъ безтолково у доски, а властно, съ видомъ укротителя, похаживалъ по классу. Ребята притихли и изъ боязни даже не улыбались при пресловутомъ учительскомъ «ну дакъ»..

И пошла школьная наука на помочахъ Маркуши — строго пошла къ несчастію «безтолковыхъ мужичатъ».

Но кромѣ школы оставалось обжорство и длинные, скучные, деревенскіе вечера. Съ первымъ Маркуша скоро поладили, сторговавшись завтракать, обѣдать и ужинать въ одной

крестьянской семьѣ; за то послѣднихъ положительно призналъ куда и на что убить. Гимнастики не было, а читать онъ не любилъ. Изъ этого несчастья вызволили учителя крестьянскіе парни, съ которыми онъ быстро сошелся на почвѣ, силы — удали — молодечества. Приходилось иногда даже, пить водку; хотя это Маркушѣ и не нравилось, но нужно было поддерживать и закрѣпить новое знакомство.

Шумная компанія съ гикомъ, свистомъ, подъ звонъ «тальянокъ» ходила каждый вечеръ по посѣдкамъ и безобразничала. Маркуша былъ съ нею. Въ началѣ ему было стыдно, но потомъ вошелъ во вкусъ и онъ. Тѣмъ болѣе, что скоро онъ завелъ себѣ «дролю» *). Молодого учителя потянуло къ дѣвушкамъ. Ему захотѣлось любви, женской ласки, словомъ всего такого, что такъ дорого, понятно и естественно въ молодости. Сближеніе началось случайно, но прекратить его казалось трудно, даже невозможно.

Ребята посмѣшили, конечно, использовать по мѣрѣ силъ и возможности учительскій романъ. Каждый вечеръ кто-нибудь изъ главарей этой орды являлся нахально въ квартиру Маркуши и грубо тащилъ учителя на посѣдки.

Иногда Маркушѣ было некогда, и онъ отговаривался. Разъ даже пробовалъ вытолкнуть хулигана изъ квартиры, но ребята съ улицы повыбили въ школъ стекла и пригрозили поколотить самого учителя...

Какъ ни силенъ былъ Маркуша, какъ ни надѣялся, онъ на свои богатырскія мускулы; однако сообразилъ, что ребята его могутъ поймать, когда это имъ заблагоразсудится. ||

У нихъ ножи и гири, а этими орудіями можно убить и медвѣдя, особенно изъ за угла. И Маркуша съ телячьей покорностью поплылъ внизъ по теченію. Мужики сначала косились, но скорѣ помирись, какъ съ неизбежнымъ зломъ, бороться съ которымъ давно признано бесполезнымъ.

Романъ его все шелъ дальше и дальше. Кумушки уже стали поговаривать на своемъ языкѣ, конечно, о «бракѣ чести». Самъ Маркуша злился на себя и тысячу разъ давалъ зарокъ не ходить больше къ Принкѣ. Но... зарокъ зарокомъ, а любовь любовью... ||

*) Дроля—дѣвушка, которую парень постоянно выбираетъ въ играхъ. Такъ же и парень, котораго выбираетъ дѣвушка.

На одной изъ посѣдокъ случился скандалъ. Маркуша поссорился съ ребятами и не удовлетворилъ ихъ водкой. «А коли такъ, то вотъ».. Гиря мягко стукнула и учитель упалъ безъ чувствъ... Вышла безобразная свалка, какія, впрочемъ, перѣдко приходится наблюдать въ настоящее время въ деревняхъ.?

Иришка взвизгнула дикимъ голосомъ и какъ бѣшеная бросилась въ толпу ребятъ и прикрыла своимъ тѣломъ безчувственного учителя. Другія дѣвушки тоже бросились разнимать ребятъ... Пылъ скоро охладился, тѣмъ болѣе что дѣвушка и баба считаются въ тѣхъ мѣстахъ неприкосновенныя... Бесѣда сама собою разбѣжалась изъ боязни уголовщины. Только Иришка со всѣмъ самоотверженіемъ любящей дѣвушки хлопотала около любимаго человѣка. Ей помогали двѣ-три подруги. Дѣвушки омыли кровь и вливали въ ротъ водку, чтобы привести избитаго въ сознаніе... Это имъ долго не удавалось, а фельдшера близко не было. За нимъ уѣхалъ хозяинъ дома, гдѣ была посѣдка..

По деревнѣ съ тайнымъ страхомъ говорили, что учитель убитъ.

Къ пріѣзду фельдшера Маркуша очнулся и дико оглядѣлся кругомъ. Скоро опять наступило забытье.. Фельдшеръ, осмотрѣвъ учителя, оказалъ ему первую помощь и приказалъ немедленно отправить въ городскую больницу. Стоялъ Февраль и дорога не очень истомила больного... Однако выздоровленіе шло медленно...

По уѣзду разнесся слухъ о дикой расправѣ деревенскихъ хулигановъ надъ учителемъ и никто не хотѣлъ идти въ замѣстители Марка Попова.

Школа въ Тупицынѣ пустовала. Погоревали мужики о произшедшемъ, да и забыли. Не забыла только Иришка своего богатыря Маркушу. Ея дѣвичье сердце изболѣлось и извело эту первую красавицу...

— Ой, дѣвонька, съ сердечнымъ соболѣзнованіемъ жалѣли дѣвушку подруги... вотъ она любовь-то... И сушить и губить человѣка... Да...

Маркуша между тѣмъ поправлялся. Его организмъ очевидно выдержалъ бы и не такую ломку. За то воспылалъ онъ ненавистью ко всему, что относилось къ Тупицыну и школѣ. Пріѣзжали не разъ въ больницу мать и отецъ уби-

тые горемъ и, по выпискѣ изъ больницы, взяли его къ себѣ на поправку...

Маркуша немедленно подалъ прошеніе на священническое мѣсто, чтобы замолилъ всѣ вольныя и невольныя прегрѣшенія.

Въ Іюлѣ была его свадьба, а 15 Августа посвященіе въ іерейскій санъ...

Каоedralный соборъ сіялъ огнемъ и золотомъ... Нѣжно замирали и грохотали пѣвческіе голоса... Служба была торжественная и соборъ былъ полонъ городской разряженной публики... Всѣ казались религіозны, чисты и счастливы...

Происходило посвященіе «благговѣйнаго сего мужа-діакона Марка во пресвитера»... Маркуша былъ счастливъ; среди молящихся стояла не менѣе счастливая его жена.

...А тамъ гдѣ-то далеко, далеко отъ этого торжества совершается другой обрядъ..

Въ полѣ былъ поставленъ столъ; около него въ грязномъ фартукѣ съ ножомъ въ рукѣ стоялъ докторъ и вскрывалъ чей-то уже почерпѣвшій трупъ. Кругомъ стояли понятые и отгоняли мухъ, а дальше была громаднѣйшая толпа народа. Всѣ были суровы, многіе плакали... И было тихо, тихо... Изрѣдка подъ ножомъ хрустѣли кости..

...Иришка узнала о женитьбѣ Маркуши и не могла вынести... У ней былъ выкидышъ.

... Покинутая, опозоренная, загаженная и несчастная, она вдругъ отчего-то и сама умерла..

Ее нашли мертвой въ полѣ...

Здѣсь теперь совершается таинство раскрытія причинъ смерти молодой дѣвушки...

Солнце ласково смотритъ, но сильно печетъ... Ничто не шелохнется... Только мухи жужжать надъ трупомъ, да изрѣдка изъ толпы слышны всхлипыванія. Всѣ молчатъ... Докторъ отрывисто бросаетъ слѣдователю результаты вскрытія, тотъ молча записываетъ.

Они узнали драму дѣвушки и прониклись уваженіемъ къ этой неизвѣстной героинѣ...

Но для слѣдствія нужны фізіологическія причины...

Ихъ-то теперь ножъ доктора и ищетъ....

Копчикъ.

САМОУЧКА.

I

Его не поняли... и онъ такъ и остался такимъ же непонятымъ для многихъ другихъ...

А все таки онъ хотѣлъ жить, хотѣлъ пробить себѣ дорогу и выбратъся въ люди.. но „не вышла линія“ и онъ остался непонятымъ, искалѣченнымъ, выбитымъ изъ колеи деревенской жизни...

Въ библіотеку-читальню онъ ходилъ почти каждый день. Книгъ на домъ ему изъ публичной библіотеки безъ залоговъ не давали такъ же, какъ и многимъ другимъ бѣднякамъ, немущимъ, подобнымъ ему... ибо въ библіотекѣ публичной есть такой уставъ, посредствомъ котораго всѣ бѣдняки, не имѣющіе рубля для залога, лишены возможности читать и пользоваться книгами и журналами дома... и онъ не читалъ и не пользовался дома... а ходилъ въ библіотеку каждый день и садился тамъ скромно гдѣ-либо въ уголокѣ и начиналъ читать...

Но и тамъ ему не позволили... Какъ-то разъ онъ взялъ „толстый журналъ“ (по уставу библіотеки журналы, по полученіи ихъ съ почты, лежатъ четыре дня на столѣ въ библіотекѣ, а потомъ отдаются подписчикамъ перваго и втораго разряда...) и сталъ его читать... Но напрасно... Не успѣлъ онъ и половины статьи прочесть, какъ у него потребовали журналъ для тѣхъ, кто дороже платитъ...

Это былъ не высокаго роста молодой человѣкъ. Вѣчно онъ былъ задумчивый, вѣчно волнующійся... иногда ни съ того ни съ сего начиналъ смѣяться и смѣялся такъ весело, такъ пріятно, что трудно глядя на него сказать, что онъ чувствовалъ какое-либо огорченіе или обиду какую...

Не успѣлъ онъ окончить сельскую начальную школу, какъ его родители взвалили на него непосильный трудъ хлѣ-

бонапешства... Трудная это штука—быть въ деревнѣ пахаремъ-земледѣльцомъ... вѣчно работай безъ отдыха и срока и вѣчно голодай.

Какъ ни рвался онъ поступить въ двухклассное министерское училище, но нужда злодѣйка доказала, что «Аркадій Нилычъ въ начальной школѣ блестяще закончилъ курсъ своихъ наукъ и образованія»... а саморазвитіе и самообразование такъ-таки и осталось у него недоконченное... А сколько онъ переболѣлъ изъ-за него, сколько вымучился и перестрадалъ тѣломъ и душой—и учестъ не возможно...

— Извелся малецъ въ конецъ!.. говорили глядя на него престарѣлые родители.—Все читаетъ и читаетъ книжки-то эти всякія!.. ночи не спитъ... сколько онъ «красину» пожегъ за эти зимы... хоть бы Богу шелъ куда помолиться: къ Іоанну Кронштадтскому, въ Кіевъ, либо въ Троице-Сергіеву лавру, авось Богъ и вразумилъ бы, и получилъ бы и пересталъ читать!..

— Выхлопочи ему, Нилочка, изъ волости паспортъ пушкѣй сходить постранствуешь, помолится!.. говорила своему старику мать Аркадія Нилыча.

Рѣшено было стариками выхлопотать паспортъ для Аркадія... и выхлопотали... но не такъ думалъ самъ Аркашка.

— Не пойду я Богу молиться... Ни-зачто.

— Не-пой-ду!.. что, я лѣнтяй не исправный!? Богомолы изъ меня хотятъ сдѣлать!.. Вотъ пойду въ какую либо деревню большую, да и начну учить дѣтишекъ грамотѣ тамъ.. вотъ это будетъ польза для народа, а шарлатанить не буду. И ушелъ.

Сколько ни грозили ему старики, что и Богъ накажетъ и полиція „по этапу назадъ приведетъ“... нѣтъ, не испугался; съ паспортомъ то и Богъ и полиція ничего не подѣлаютъ“...

Вечеромъ, наканунѣ своего ухода, Аркадій Нилычъ по обыкновенію зашелъ къ своему другу старому учителю, Галактиону Виссаріоновичу, который въ это время съ пришедшимъ къ нему поповичемъ—студентомъ распивали чай и мирно бесѣдовали...

— А! легокъ на поминѣ! встрѣтилъ Аркадія Нилыча старый учитель.

— А мы только сейчас говорили про тебя—что молъ, это нашъ Аркашка не появляется на сценѣ.

— Я припелъ къ вамъ проститься!.. нервно началъ Аркадій Нилычъ.

— Что такое? изумленно, полужиспуганно промолвили въ одинъ голосъ студентъ и учитель.

— Жизнь моя есть сплошное страданіе!.. Такъ жить нельзя, какъ я живу!.. Вѣчная борьба съ родителями! Я эту борьбу-пытку больше нести не могу и не стану! Я уже не маленький. Мнѣ семнадцать лѣтъ, и я сижу здраво. „Власть земли“ мнѣ не позволила поступить въ двухклассное училище, я остался дома читать... мнѣ не даютъ керосину въ лампу. «Власть тьмы» меня осмѣиваетъ за то, что я выписалъ газету и журналъ. Это издѣвательство. Среди слезъ и горя жить, среди непросвѣщеннаго и темнаго люда! И я ухажу!.. Ухажу и сдѣлаюсь такимъ же учителемъ, какъ и вы, старый мой другъ... Даже болѣе чѣмъ учителемъ сдѣлаюсь!.. Буду проповѣдникомъ: кричать, вопить, звать къ себѣ на помощь, работать на благо темнаго непросвѣщеннаго народа! кто хочетъ, кто можетъ, кто умѣетъ!.. Скверно быть мужикомъ, терпѣть и унижаться!.. И я не буду... Я хочу быть человѣкомъ и человѣкомъ свободнымъ! Не буду, и не хочу быть, и господиномъ. Ибо позорно быть какъ рабомъ такъ и господиномъ: то и другое унижаетъ человѣка. И я ухажу и буду хотя маленькимъ учителемъ народа. У меня уже и паспортъ въ рукахъ и котомка за плечами. Что ждетъ меня впереди покажетъ будущее... но я ухажу въ народъ, какъ вышедшій изъ народа.

Галактіонъ Виссаріоновичъ съ его посѣтителемъ, студентомъ, поняли, что этотъ человѣкъ не на шутку задумалъ идти и что ему нельзя не помочь. Но какъ и чѣмъ помочь?

Раздумывать было некогда.

— Ты вотъ что, Аркадій!—Насъ хоть два человѣка здѣсь въ селѣ, которые понимаютъ тебя и дорожатъ тобой, началъ учитель, на лицѣ котораго отразилась отъ неожиданности радость и тревога. Сядь и пей чай!.. послѣдній, такъ послѣдній разъ!.. чтожь такое?!. а мы помечтаемъ, какъ лучше устроить, чтобы не возвратиться тебѣ назадъ съ позоромъ и не усугубить твое страданіе!..

— Идея свѣтлая.... а участь твоя горькая!.. Въ лаптахъ и въ такомъ костюмѣ въ учителя тебѣ идти не невозможно, хотя бы и въ школу грамоты. Въ нашъ подлый вѣкъ отдають честь костюму, а не человѣку и его уму и способностямъ... промолвилъ студентъ поповичъ.

— У меня старыя сапоги хорошіе: сейчасъ же и одѣвай!.. вотъ они! На Кавказъ дойдешь и не истопчешь!..

— А у меня студенческое пальто и фуражка!.. Бѣлья по парѣ дадимъ. Да ты будешь... чортъ знаетъ какой учитель въ этомъ костюмѣ!..

Учитель Галактіонъ Виссаріоновичъ недавно получилъ изъ земства свое грошевое жалованіе, и рѣшилъ теперь купить «полдюжины ячменнаго».

Пивныя бутылки стояли подъ столомъ, за которымъ сидѣлъ разряженный въ новый костюмъ будущій молодой учитель.

Галактіонъ Виссаріоновичъ вмѣстѣ со студентомъ, зайдя въ переднюю комнату, горячо спорили. Студентъ доказывалъ необходимость еще „полдюжины“ въ честь новаго работника на нивѣ народнаго образованія, въ котораго онъ вѣрилъ и надѣялся... Учитель напротивъ былъ не идеалистъ и требовалъ реальности... „нужно на дѣлѣ узнать... тогда...“

Долго бы они спорили, еслибы сторожъ Наумъ не посовѣтовалъ бросить жребій: „пиво“, такъ пиво, а „пусто“, такъ пусто. Хотя и самъ испугался, подавая свою рваную шапку („для шаровъ“), чтобы не было пусто, т. е. тогда ему больше и не попадетъ!.. и придется ожидать еще дѣлѣ мѣсяцъ!

Маленькіе жребіи—двѣ желтенькихъ свернутыхъ бумажки—были брошены въ рваную дѣдовскую шапку! Страшно боялся студентъ, когда дѣдъ Наумъ протянулъ свою старческую руку въ шапку, чтобы вынуть оттуда роковую „грамотку“ и въ душѣ злобствовалъ на Наума за его „опрометчивый шагъ“.

— Пусто! громко промолвилъ учитель, развернувъ вынутую изъ шапки „грамотку“.

— Врешь!.. наше выиграло!..

И учитель, снабдивъ сторожа деньгами и корзиной, послалъ не медля въ пивную... Старикъ долго не заставилъ себя ждать. И на столѣ учителя стояла другая „полдюжина“.

— Вотъ, дружокъ Аркадій! началъ учитель—горекъ нашъ хлѣбъ и тяжелъ трудъ, но зато и заслуга велика! Мы носители знанія, свѣта и правды!.. а знаніе великая вещь!.. ибо въ знаніи сила! А у кого сила, у того власть и жизнь!.. Помни.—Развѣ такой бы былъ нашъ многомиллионный народъ, еслибы онъ имѣлъ знаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и силу?! Вѣдь если бѣденъ мужикъ, бѣдно и государство... Богатъ мужикъ,—богато и государство! А у насъ? терпѣніе и смиреніе... Охъ ужъ эти терпѣніе и смиреніе, громадную роль онѣ сыграли въ обнищаніи нашего рядового крестьянства!.. Вы думаете, что я—старый учитель? да, я годами старъ, но умъ мой трезвъ... Я помню „Бутырки“ въ Москвѣ и этапы... и этимъ я горжусь!.. тамъ жизнь, тамъ свобода!.. но ты—молодой человѣкъ: не бойся тюрьмы и гонителей!.. ибо чѣмъ больше тьмы, тѣмъ ближе къ свѣту!.. Вотъ тебѣ рубль на дорожку, „полдюжины“ букварей, задачникъ и пособникъ въ преподаваніи... и... вѣра... въ великое будущее.. а затѣмъ, прощай, другъ...

На же вотъ, и я дамъ!.. и студентъ поповичъ высыпалъ на колѣни Аркадію всѣ имѣвшіяся у него въ кошелькѣ мѣдныя деньги, собранныя съ мужиковъ за упокой ихъ мужичьихъ душъ...

— Мужичьи души!..— пусть онѣ покоятся въ царствѣ небесномъ! въ царствѣ рая... но ты не долженъ стремиться искать этого рая, гдѣ рядомъ съ нимъ пекутся въ гееннѣ огненной и скрежещутъ зубами голодные, холодные, изнуренные, обездоленные твои же братья!.. Это—старая вѣра и старый Богъ; наша вѣра и Богъ новые!.. Богъ братства, равенства, свободы, любви... Вѣра въ справедливость!.. Девизъ нашъ: „Борьба за эту вѣру“. Имѣй дружбу и дѣлись со всѣми и всѣми!.. Будь справедливъ. Нѣтъ въ людяхъ справедливости, но ты ее вщи и она должна быть!.. Отправляйся въ путь и помни старыхъ своихъ друзей, которые не однимъ совѣтомъ хотятъ помочь народу!..

Аркадій Нилычъ, забросивъ за спину свою котомку и нахлобучивъ „свою“ студенческую фуражку, простясь съ своими друзьями, тронутый до слезъ, вышелъ вонъ изъ училища и мѣрными шагами поплелся изъ своего села, оставивъ позади своихъ стариковъ и свое дѣтство.

— Бѣдный самоучка! что его ждетъ?! промолвилъ учитель въ слѣдъ уходящему.

— А и много жь ихъ погибло и погибнетъ на руси много-страдальной!.. сказалъ студентъ.

— Пи-и-ши-и!!! крикнулъ учитель своему бывшему ученику и другу, утирая бѣлымъ платочкомъ свои старческія слезы.

— Двѣ корреспонденціи изъ нашего села напечатаны уже въ газетахъ... Думалъ ли кто, что наше село явится въ печати?! и кто?! мы развѣ!? Нѣтъ, простой бѣдный мужичекъ самоучка!

II

Заря занялась и потухла и на голубомъ небосклонѣ уже былъ замѣтенъ восходъ приближающагося солнца, когда Аркадій Нилычъ, довольно усталый отъ непривычной ему тяжелой ночной ходьбы по большой столбовой шоссеиной дорогѣ, приблизился къ губернскому городу...

Магазины и лавки еще были заперты, когда онъ въ первый разъ вошелъ въ этотъ шумный и незнакомый для него городъ. Въ городъ онъ шелъ тоже съ цѣлью, — найти редакцію и сдать тамъ свой первый литературный очеркъ

Адресъ редакціи ему спрашивать не нужно было, такъ какъ онъ ему давно уже былъ извѣстенъ изъ газетъ, которыя онъ получалъ и въ которыхъ напечатаны были его двѣ корреспонденціи.

Долго пришлось ему ждать приѣма въ редакціи, и онъ, побродивъ по городу, зашелъ въ одну изъ чайныхъ и началъ согрѣвать свои кишки подкрашеннымъ чаемъ.

Въ чайной народу было много. Было отвратительно грязно.. Соръ валялся по полу и подъ столами, на многихъ столахъ было налито... Стирать со столовъ „половые“ не успѣвали.. Посѣтители чайной приходили, пили чай и опять уходили... ихъ мѣсто занималось другими и еще и еще... здѣсь была публика сѣрая... Всѣ какъ будто спѣшили... Мужики приѣзжіе въ городъ спѣшно хлѣбали изъ блюдечекъ грязныхъ немытыхъ „фруктовый чай“ и жадно кусали и глотали баранки.. Нѣкоторые, побогаче, покупали лежавшія на стойкѣ невзрачныя на видъ тонкія калбаски и тоже съѣдали и уходили... Мимо ихъ, бродя отъ одного стола къ другому, шныряли босыки—„торговцы“ и предлагали посѣтителямъ не

завсегдатаямъ крестики, гребенки, колечки, поминальницы, ножницы, нитки. Приходили монахини съ тарелками и просили „на улучшеніе обителѣй“; за ними шли матерые деревенскіе мужчины „сборщики“ съ образками, просящіе на устройство погорѣвшаго храма. Мужики отдавали имъ свои гроши и семитки и, утирая носы полами своихъ полушубковъ и армяковъ, начинали снова пить „фруктовый чай“ и потѣть... Газетчики поминутно вскакивали въ чайную съ свѣжами газетами и предлагали одному-другому №№ газеты, но ихъ никто не покупалъ.—Ня-да-до!. говорили мужики; мы Газетъ не читаемъ!.. «Никчему» они намъ!.. газетчики назойливо навязывали другимъ газеты и иные покупали «по ошибкѣ» газеты, припертые къ стѣнкѣ газетчиками и не найдя, что имъ отвѣтить, какъ отвязаться...

Аркадій Нилычъ, глядя на это, скверно себя чувствовалъ. Поскорѣ вышелъ вонъ изъ чайной и направился по бульвару къ редакціи. Не дойдя немного до редакціи, онъ сѣлъ на лавочку, снялъ свою котомку съ плечъ, досталъ оттуда свой очеркъ и сталъ его проецировать...

Застѣвчивость и робость его чуть было не погубили, но онъ поборовъ себя и подойдя къ дверямъ редакціи, тихо отворилъ ихъ и мгновенно очутился въ пустой и обширной залѣ. За столомъ сидѣлъ высокаго роста молодой человѣкъ, и изъ выдвинутаго ящика вынималъ рукописи и опять ихъ туда укладывалъ...

Вамъ что? обратился онъ къ Аркадію Нилычу.

— Вотъ... статья!.. краснѣя и переминаясь съ ноги на ногу досталъ изъ кармана Аркадій Нилычъ.

— Давайте, посмотримъ... Только я сейчасъ, извините, не могу: занятъ... послѣ зайдите какъ—нибудь...

— Да я дальній... Изъ Павловскаго, въ учителя иду... я писалъ къ вамъ корреспонденціи ужъ... смущенно оправдываясь началъ Аркадій Нилычъ.

— Ахъ, это вы—авторъ корреспонденцій изъ Павловскаго?

— Да, я..

Студентъ вы или?..

— Нѣтъ я крестьянинъ—самоучка... Не можете ли мнѣ, дать совѣтъ, куда направиться «учительство вать домашнимъ способомъ»?.. не много посмѣлѣвъ проговорилъ Аркадій Нилычъ.

— Сядьте, пожалуйста, на стулъ и сумку свою сбросьте.. Меня какъ будто кто-то спрашивалъ объ этомъ; подумая.

— Самоучка... въ учителя... совѣтъ... тихо проговорилъ подъ носъ себѣ онъ.

Молчаніе.

— Нельзя ли вамъ, молодой человѣкъ, попытаться поступить въ одну изъ школъ? Тяжело будетъ такъ жить вамъ самоучкѣ.

— Нѣтъ... поздно!.. нужно дѣло... люди вѣкъ свой учатся и ничего не дѣлаютъ!.. я такъ не хочу!.. прошло время!.. возбужденно проговорилъ Аркадій Нилычъ.

Молодой человѣкъ ушелъ въ сосѣднюю комнату и оттуда скоро возвратился вмѣстѣ съ другимъ человѣкомъ пожилыхъ лѣтъ, который несъ толстую книгу..

— Вотъ дружокъ: съ насъ вамъ приходится получить гонорару три рубля семьдесятъ, идите распишите въ этой книгѣ!.. а относительно совѣтовъ—вотъ записочка къ моему давнишнему товарищу. Это верстъ сорокъ по тракту.—село Грайворово... Онъ вамъ укажетъ.. тамъ нуждаются въ такихъ учителяхъ... Пишите что-нибудь намъ!.. а теперь извините.. заняты...

Аркадій Нилычъ дрожащими руками расписался, получилъ записочку и деньги, робко поблагодарилъ членовъ редакціи за оказанную ему услугу и, нахлобучилъ фуражку и закинувъ свою сумку за спину, двинулся въ путь!..

Трактовая дорога все дальше и дальше направляла его въ глушь забытыхъ селъ и деревень... въ такую же глушь, какую онъ только что оставилъ съ болѣзненнымъ чувствомъ.

Была уже ночь, когда Аркадій Нилычъ сталъ стучаться у оконъ большой деревни Понизовья съ тѣмъ, чтобы остановиться на ночлегъ. Долго стучался онъ у оконъ Понизовцевъ, которые, какъ на зло, не пускали его и посылали: „проваливать дальше“.

Напрасно Аркадій Нилычъ доказывалъ понизовцамъ стоя и стуча у оконъ, что, онъ человѣкъ честный и идетъ въ учителя „по деревнямъ“ и имѣетъ записку къ учителю въ село Грайворово, до котораго осталось еще 12-ть верстъ. Понизовцы ему не вѣрили... „Мало васъ шляется тутъ учителей непу-тевыхъ всякихъ“!.. Такъ бы и остался Аркадій Нилычъ безъ

ночлега, еслибы не „сотскій“. Сотскій былъ человѣкъ болѣе культурный, чѣмъ другіе понизовцы, и не успѣлъ Аркадій Нилычъ проговорить подъ лай став собакъ свое „пустите на ночь“, какъ изъ окошка слышался ласковый голосъ „войдите“...

Въ избѣ сотскаго было опрятно и чисто. Полъ и лавки были вымыты. Въ переднемъ углу стоялъ небольшой самоваръ. На окнахъ красовались маленькіе цвѣтики. По стѣнамъ были расклеены газеты различныхъ временъ и изданій. На другой стѣнѣ висѣли старыя „чиковики“, — недорогіе часики съ одной гирькой. Возлѣ нихъ красовался «численникъ» съ портретомъ Пушкина; на немъ было открыто «красное число» на завтрашній день. — Все это показывало, что обитатель этого дома не можетъ жить такъ, какъ всѣ остальные понизовцы, въ грязи, темнотѣ и невѣжествѣ. И онъ бы своей властью отправилъ Аркадія Нилыча «въ очередь» ночевать, но, взглянувъ на него, сразу почувствовалъ къ нему симпатію и подумалъ, что это человѣкъ новый, и что-либо интереснаго внесетъ въ его обыденную и однообразную жизнь.

Послѣ короткихъ разспросовъ они разговорились и результатомъ ихъ «будущаго» знакомства потребовался самоваръ. Хозяйка его, уже не молодая, не замедлила приготовить самоваръ и поискать что-либо къ чаю.

— Такъ вы значитъ въ Грайворово идете учительствовать?..

— Нѣтъ, собственно говоря я не въ Грайворово, а туда отъ одного человѣка къ знакомому записка. Въ тѣхъ мѣстахъ нуждаются въ учителяхъ, вотъ я туда и направился: буду учительствовать...

— Вотъ дѣла-то какія!.. Дѣльно! А знаете? если я завтра, праздничнымъ дѣломъ, соберу мужиковъ да оборудуемъ въ нашей деревнѣ школу! А?

— Чтожъ? я на все согласенъ... за тѣмъ и пошелъ...

— Я «подгруню» мужиковъ... какъже! дѣды наши жили-ничего не знали, и отцы тожъ, и дѣти будутъ по ихнему... Во всей деревнѣ кромѣ меня только трое могутъ расписаться.. школа нужна, необходима!.. я поставлю на своемъ, и она будетъ!.. Какъ! человѣкъ нашелся—самъ пришелъ къ намъ... и вдругъ его отпустимъ «въ чужую деревню»?

Самоваръ весело шумѣлъ передъ собесѣдниками, Анна Лаврентьевна поминутно потчивала своего гостя, будущаго учителя, чаемъ съ молокомъ и яйцами... Маркъ Григорьевичъ, понизовскій сотскій, разводилъ плавны устройства училища...

— Лавка у васъ есть кака-нибудь въ деревнѣ? освѣдомился Аркадій Нилычъ.

— Есть; тутъ бакалеей одинъ кулакъ торгуетъ, мелочешкой такъ тамъ кое-какой: баранки, керосинъ, табакъ и прочее такое...

— Такъ вотъ мелочи рубль... Маркъ Григорьевичъ! хлопочите къ обѣду тамъ что-нибудь: завтра у васъ день погощу коли такъ. Можетъ и будетъ что.

— Бу-удетъ! Какъ не быть? А деньги—это Аннѣ Лаврентьевнѣ... она столомъ завѣдуетъ!..

Утромъ Аркадій Никычъ еще спалъ, а ужъ Маркъ Григорьевичъ обошелъ всю свою деревню съ призывомъ на „экстренную сходку“.

Каждому домохозяину въ отдѣльности, придя въ хату или стоя подъ окномъ, говорилъ: „у меня ночуетъ учитель, который идетъ въ Грайворово; новаго его, уговорилъ остаться у насъ учителемъ... Дорого онъ не возьметъ, а школы и учитель намъ не обходимы.“

Побуждало къ тому Марка Григорьевича частію сознаніе полезности дѣла, а главное надежда имѣть въ деревнѣ человѣка, съ которымъ бы онъ могъ поговорить, позаимствовать отъ него что-либо новое, о чемъ онъ будетъ рассказывать въ волости на народѣ...

Обойдя всю деревню и приказавъ мужикамъ явиться „на экстренную сходку“, Маркъ Григорьевичъ засталъ уже шипящій самоваръ. Любимые имъ „блинчики съ масломъ“ уже были приготовлены на склеенной „фарфоровой“ тарелкѣ. Аркадій Нилычъ умывшись утирался чистенькимъ полотенцемъ, поданнымъ ему хозяйкой. Анна Лаврентьевна сажала въ печь черные ржаные пироги съ картофелемъ...

— Извините старика! опять забылъ какъ васъ звать?

— Аркадій Нилычъ.

— Такъ вотъ, Аркадій Нилычъ, будемъ чай пить, а потомъ и на сходку-уговариваться съ мужиками... У Плотниковыхъ тамъ они соберутся... Я бы ихъ и сюда позвать

да знаете, дѣло мужицкое: понацлюють на полѣ, понахаркають, понакурятъ... (варвары мужики!..), а хозяйка моя этого не любитъ: она у меня не такого роду!..

— Блинчиковъ, Аркадій Нилычъ, закусывайте побольше, не стѣсняйтесь насъ!.. а тамъ съ мужиками не скоро уговоримся... нужно сразу всю эту „канитель“ покончить!.. Будьте какъ дома...

— Я и то не стѣсняюсь какъ дома... благодарю!..

— Вы дайте мнѣ съ ними договариваться, а то они васъ собьютъ... И дорого запрашивать не надо... по рублю съ мальчика, и достаточно... (вишь, деньги-то дороги у мужика). Въ Мурашкинѣ и Сверчкахъ тоже не дороже платятъ учителямъ... Домашнимъ способомъ пока школы... глушь... толковалъ Маркъ Григорьевичъ, идя съ учителемъ на сходку.

Сходка была вся въ сборѣ, огромный домъ Плотниковыхъ былъ весь переполненъ народомъ. Старики домохозяева уже перетолковали... Школа и учитель были признаны мужными и необходимыми.

— Вотъ имъ тутъ! здороваясь началъ Маркъ Григорьевичъ. А это нашъ учитель Аркадій Нилычъ! не то что у Мурашкинцевъ оставной солдатъ или въ Аленовѣ дьячекъ пропойца! Ну что, какъ у васъ тутъ? толковали между собой?

— Какъ же! только вотъ Егоровичъ говорить, что такія школы „никому“ и ихъ нигдѣ не видно.

— Слушайте Егоровича!.. а намъ нужно хоть какъ-нибудь научить дѣтей читать да считать, чтобы не обсчитывали насъ разные Егоровичи!..

— Всякая грамота не худа, а нонѣ урожай!.. Нужна школа!.. слышались голоса. Неужели мы хуже Сверчковцевъ или Аленовцевъ?

— Крестьяне! позвольте и вамъ скажу свое первое слово, началъ Аркадій Нилычъ. Народъ умолкъ и наступила тишина.

— Никто не станетъ отрицать той громадной пользы, которую принесетъ вамъ и вашимъ дѣтямъ наука. Ученому всегда лучше живется, чѣмъ неученому. Онъ прочтетъ что въ книжкѣ написано, что въ газетахъ, все онъ видитъ, все знаетъ; напишетъ письмо или прочтетъ повѣстку; все въ его рукахъ! Здѣсь раздавались голоса о бесполезности такихъ частныхъ деревенскихъ школъ. Не правда! каждая школа

приносить пользу. Она напимѣръ облегчаетъ трудъ тѣхъ же учителей, къ которымъ вы можете потомъ отдать своихъ грамотныхъ дѣтей. И притомъ въ вашей деревнѣ найдется свыше тридцати или сорока мальчиковъ, которыхъ вы не отдадите въ Грайворово или куда-нибудь учиться и они такъ и будутъ расти неграмотными. А это крайне печально какъ для васъ, такъ и для всего народа. О! счастливы тотъ человѣкъ, кто дорожить наукой! кто стремится и ищетъ знанія, свѣта! Но не достаточно, чтобы научившись грамотѣ остаться только грамотнымъ!.. Нѣтъ! Нужно пополнять свое знаніе, сколько кому и какъ возможно: покупать и выписывать журналы, газеты и книги... Вѣрьте, что я не зло вамъ говорю! Я не нахлѣбникъ какой и шарлатанъ пришелъ къ вамъ издалека, чтобы прокормиться... и сидѣть сложа руки на вашей шеѣ!. Негодяемъ и подлецомъ нужно быть, чтобы устраивать свое счастье на несчастіи другихъ! Я имѣю нѣкоторое знаніе и какое имѣю, я все отдаю на пользу народа, на пользу тѣмъ, кто въ немъ нуждается!.. И вамъ принесу пользу и только пользу!.. Если же вы судите иначе, то я удалюсь отъ васъ съ тяжелымъ прискорбіемъ душевнымъ... Но только помните, что несчастенъ тотъ человѣкъ, который не старается о своемъ саморазвитіи и самообразованіи, не говоря уже о грамотности...

— Нѣтъ, чтожъ! Учить надо, необходимо. Мы и рады что пришелъ къ намъ человѣкъ!.. Развѣ мы хуже людей? по рублю заплатимъ отъ каждаго мальчика... а ихъ наберется до 30 шт. и больше; и кормить будемъ учителя, чтожъ?..

— По два рубля надо съ мальчика!.. такъ дешево!.. Да и квартира чтобы была одна, а не шляться по деревнямъ!.. завопилъ Марко Григорьевичъ.

— Нѣтъ, такъ дорого...

— Дьяволы!!! вамъ все дорого!.. На горѣлку да на табакъ, такъ не дорого, а на науку гроша жалѣютъ!.. человѣка упротилъ, онъ остался ночевать! самъ старался, шлялся по деревнѣ для вашей же пользы, макары проклятые!!.. Началъ ругаться Марко Григорьевичъ.

„Галдежъ“ въ кониѣ концовъ прекратился. Школа была сьорганизована. Крестьяне уговорились по рублю платить съ каждаго мальчика учителю и по полтиннику на квартиру.

х. „Квартировалъ“ Аркадій Нилычъ у Марка Григорьевича. Школа (хата вдовы Арины) отоплялась общими силами.

Таково начало Понизовской школы, въ настоящее время земской, въ будущемъ министерской.

Мужики, выговорившіе съ Аркадія Нилыча ведро, водки и довольные имъ и Маркомъ Григорьевичемъ, весело встрѣтили приближающуюся ночь, послѣ которой онѣ снова проснулись и взялись за дѣло и работали безъ отдыха и срока, не разбираясь что дѣлалось вокругъ ихъ.

На второй сходкѣ Марко Григорьевичъ „поставилъ на своемъ“, чтобы Понизовцы, выписали „міромъ“ газету и журналъ.

— Чтожъ! мы не жалѣемъ на бумажки деньги-то! говорили, выруганные въ сласть М. Григорьевичемъ мужики.

III

Минуло семь лѣтъ съ того времени, какъ Аркадій Нилычъ былъ учителемъ у понизовцевъ. Благодарятъ ли теперь его питомцы, тѣ двадцать девять мальчиковъ, которыхъ онъ научилъ грамотѣ (читать, писать и считать) въ теченіе одной зимы, вышелъ ли кто изъ нихъ „въ люди“, продолжаютъ ли они по прежнему выписывать газету и журналъ, и что сталося съ „сосетскимъ“ Маркомъ Григорьевичемъ, — все это для Аркадія Нилыча покрыто мракомъ неизвѣстности... Жизнь ему, не позволила на второй годъ сдѣлаться такимъ же учителемъ... Долго онъ странствовалъ и скитался по бѣлу свѣту, искалъ себѣ дѣла и занятія (при которомъ онъ могъ бы пополнить свое саморазвитіе и самообразование...) и не находилъ его... Причиной всему — отсутствіе диплома. Писалъ по прежнему статьи въ столичные и провинціальныя газеты и журналы, но мало гдѣ обращали на нихъ вниманіе.. Въ большинствѣ случаевъ надъ ними въ редакціи глумились, считая что это писалъ какой либо безграмотный недоручка..

Озлобась на весь міръ, на самого себя и на все окружающее, отлично познакомившись съ многими классическими писателями и перечитавъ не мало всякихъ книгъ, газетъ и журналовъ, разшатанный Аркадій Нилычъ наконецъ возвращается въ свое родное село и сталъ въ немъ жить самымъ послѣднимъ бѣднякомъ... Хатка его была уже полуразвалившеюся, съ сарая вѣтеръ солому поразбросалъ по огороду гүмно стояло покосившися на бокъ...

Часто онъ, работая на гумнѣ и задыхаясь отъ пыли и дыму выговаривалъ въ слухъ въ пространство:

— «Вотъ бы вы, господа образованные и просвѣщенные, работали такъ-то надъ добычаніемъ хлѣба для себя и другихъ!.. Это не то, что какіе либо либеральные фельетоны строчить или еще что!..

«На сходы онъ рѣдко сталъ являться, а когда придетъ, все молчить угрюмо... лишь изрѣдка промолвить:

— «Нѣтъ правды на землѣ! Вѣчно мы будемъ жить послѣдними, «вабитыми, задавленными, опозоренными, обезчещенными!.. Счастливо жить есть кому и безъ насъ... на то есть сильные, великіе, могучіе, образованные, художники талантливые!.. Свѣтъ прошелъ! Мало видѣлъ хорошихъ и честныхъ защитниковъ народа!.. Видно правильно сказалъ Тургеневъ, что «счастіе наше основано на несчастіи другихъ!.. Врѣтъ тотъ, кто говоритъ о какомъ-то братствѣ и равенствѣ!.. Люди звѣри!.. Ложь все это!.. заканчивалъ Аркадіи Нилычъ. Что именно ложь, онъ не договаривалъ и не пытался доказывать!..

Иногда онъ плакалъ, спрятавшись въ сараѣ или гумнѣ и читая свои статьи и корреспонденціи въ бережно сохранявшихся газетахъ и журналахъ. Иногда бралъ тетрадку и начиналъ читать про себя стихи,—плоды своего юного творчества!..

Несложны были стихи самоучки Аркадія Нилыча, хранимые и перечитываемые имъ. Но сколько было въ нихъ грусти и неподдѣльной искренности и прямоты!..

О юное милое дѣтство!... никогда оно не возвратится къ Аркадію Нилычу!..

Къ деревенскому труду Аркадіи Нилычъ сдѣлался совершенно неспособнымъ. Все больше и больше сталъ онъ задумываться и грустить. Иногда въ полночь проснется и пойдетъ по селу пѣть пѣсни или «ораторствовать». и такъ это грустно было и тяжело!..

Скоро однако Аркадіи Нилычъ угодилъ въ клиническую больницу душевно больныхъ.

— Задавили! никто не помогъ мнѣ! Всюду жали!.. Всюду гнушаются нашимъ братомъ мужикомъ—самоучкой!

— Вору! от-дай-те народу свое знаніе! Вы на его хлѣбъ себя его получили!.. От-дай-те же!.. а то сами у васъ его

отымутъ!.. на черта намъ, ваша земля! Будьте вы прокляты и съ землей!.. Загубить всѣхъ мужиковъ, весь народъ, земля!.. Прогрессисты проклятые, кровь изъ меня всю выпили!.. жилы изъ насъ всѣ вытянули!.. Народъ! Крестьяне! васъ обманули!.. не давай-те свой хлѣбъ ученымъ!.. неистово кричалъ онъ иногда въ больницѣ ..

Смерть Аркадія Нилыча послѣдовала отъ разрыва сердца, какъ констатировалъ земскій врачъ.

На одной бумаженкѣ покойнымъ было написано красными чернилами:.. „Изъ всѣхъ людей, живущихъ въ мірѣ никто не мучился и не страдалъ больше самоучекъ...“

Проклятъ пусть будетъ тотъ день, въ который была напечатана моя первая корреспонденція.. Жаль Некрасова что онъ умеръ; онъ бы конечно написалъ, что мужикъ самоучка страдаетъ больше по редакціямъ, чѣмъ по тюрьмамъ... Народъ и крестьяне! никогда не покупайте и не читайте книгъ и газетъ и не пишите въ нихъ ни одной строчки для вашего спокойствія душевнаго!.. Живите такъ, какъ жили ваши отцы и дѣды, и пользуйтесь своимъ счастьемъ рабства, тьмы и невѣжества!.. и не развивайтесь... Скверно быть развитымъ и быть послѣднимъ... а вы будете вѣчно послѣдними...т

Форма и образъ правленія могутъ измѣняться; а люди не могутъ измѣняться... Будутъ и сильные и слабые, богатые и бѣдные, умные и идіоты, честные и подлецы, образованные господа и рабы. Не ищите правды въ людяхъ, а сами ее создавайте и тогда найдете... Надѣйтесь только на собственные свои силы... Будь гордъ и ни передъ кѣмъ не унижайся. Нѣтъ работы—издыхай съ голоду. Борись съ жизнью и гибни честно. Любите каядалы, тюрьму и ссылку.. въ ней поэзія и мощь народа.. Пѣшій всегда считай врагомъ того кто ѣдетъ...

Одинъ контроль и кулакъ не спасетъ насъ отъ гибели, если мы нравственно будемъ падать все ниже и ниже... А гибель всѣмъ намъ неминуемая... и каждый рано или поздно погибнетъ по своему... Охъ, еслибъ погибли эти проклятые люди, которые меня здѣсь затворили и загубили!.. Но нѣтъ...“..

Письмо оборвалось—видно у человѣка мученика больше не осталось творчества и крохи... жизнь бѣжала...

Школа и жизнь.

Въ началѣ 1905 г. я обратился въ редакцію „Южныхъ Записокъ“ (Одесса) съ просьбой высылать мнѣ на комиссію нѣсколько экземпляровъ „Южныхъ Записокъ“. Журналъ этотъ былъ направленія прогрессивнаго, темы затрагивались современныя, писали бойко. Среди сотрудниковъ встрѣчались фамиліи: И. Вѣлковскаго, К. Баранцевича, Брюсянина, В. Короленко, проф. Овсяннико-Куликовскаго, С. Протопопова, А. Серафимовича, А. Яблонскаго и мн. др. Журналъ въ скоромъ времени стали высылать. Условія сдѣлки на комиссію были очень хороши. По продажѣ №№ я долженъ былъ высылать по 10 коп. за каждый проданный № въ контору (№ въ продажѣ шелъ за 15 коп.). Прежде всего я предложилъ журналъ учащимъ и уѣзда и нѣкоторымъ врачамъ, Журналъ охотно брали. Одинъ врачъ просилъ высылать ему каждый вновь выходящій №. Брали журналъ не только крестьяне и фабрично-рабочіе, но и лица духовнаго званія. Предложилъ я №№ „Юж. Зап.“ и въ Уѣздн. Зем. Управѣ, и прежде всего г. Предсѣдателю. Предсѣдатель охотно согласился взять нѣсколько №№. Когда я предложилъ журналъ другому члену Управы, то послѣдній посмотрѣлъ журналъ и сказалъ: „а что, позвольте узнать, сколько вы получаете за комиссію. Навѣрно помимо тѣхъ денегъ, которые вы получаете отъ проданнаго №, вы получаете еще за то, что распространяете такой вредный журналъ“. Я сказалъ, что я получаю 5 коп. съ проданнаго №. Членъ не повѣрилъ и указалъ въ № на одинъ приговоръ отъ крестьянъ одной изъ южныхъ губерній. Въ приговорѣ высказывалась надежда крестьянъ, что Царь Батюшка смѣнитъ министровъ, которые обираютъ и грабятъ страну, и поставитъ такихъ, которые будутъ служить на пользу народу. Указавъ такой приговоръ, членъ ска-

залъ, что соціалисты желаютъ, чтобы такіе приговоры распространились среди населенія. Я возмущенный отошелъ. Этотъ же членъ, выдавая мнѣ деньги на рукодѣліе въ школу (выдача денегъ была разрѣшена), говорилъ, что навѣрно эти деньги пойдутъ у васъ на другія цѣли (революціонныя). При этомъ членъ искренно хохоталъ. Каково было въ душѣ учителя, это можетъ хорошо знать тотъ, кто пережилъ или переживаетъ всѣ подобнаго рода нападки и несправедливыя обвиненія. При всякомъ удобномъ случаѣ этотъ членъ Управы говорилъ мнѣ: „что вы тамъ дѣлаете? убили одного, зарѣзали другого, у васъ экспропріаціи“. На мое возраженіе, что я этого не дѣлаю, онъ отвѣчалъ, что это у васъ въ волости. Наглость и издѣвательство члена доходили до того, что онъ однажды сказалъ мнѣ смѣясь: «вы навѣрно экспропріировали у священника N» (Неподалеку отъ мѣста моего учительства явились къ мѣстному священнику экспропріаторы и взяли у него 20 руб.). Не могу не сказать и о слѣд. фактѣ.

Учащіе нашего уѣзда получаютъ жалованье съ 1-го числа каждого мѣсяца за мѣсяцъ, причемъ учащимъ конечно воспрещаются отлучки въ городъ въ учебное время. Я пріѣхалъ за жалованьемъ наканунѣ 1-го. Членъ Управы не разрѣшилъ получку, ссылаясь на то, что учащіе могутъ получить жалованье съ 1-го. Управа иногда отказывала въ получкѣ жалованья и 1-го, если это былъ воскресный день (единственный день, въ который учащіе могутъ явиться въ Управу), ссылаясь на недосугъ и др. обстоятельства. Я заявилъ Члену Управы, что мнѣ по семейнымъ обстоятельствамъ нельзя оставаться въ городѣ, что у меня нѣтъ денегъ и семья голодаетъ. Членъ Управы (имѣющій великолѣпный магазинъ съ хорошими винами и закусками, имѣющій горячій ужинъ съ венгерскимъ и др. виномъ) сказалъ, что въ деревнѣ проживутъ и одной кринкой молока. (Нужно замѣтить, что молоко въ деревнѣ продается не всегда). Я пошелъ къ предсѣдателю (на домъ), который и разрѣшилъ выдачу жалованья. Говорятъ, что каждый человѣкъ имѣетъ свою судьбу. На долю сельскаго учителя выпали холодъ, голодъ, страданье, терпѣнье, молчанье и вѣчное покорство.

„Страдай, молчи, покорствуй и не плачь!“

Эти извѣстныя стихи могутъ быть съ полнымъ правомъ

отнесены и къ сельскому учителю. Современная прекрасная дѣйствительность прибавила бы еще слѣдующія слова: и будь доволенъ, что тебѣ не всегда еще даютъ 20-25 руб. въ мѣсяцъ жалованья и держатъ тебя въ холодной школѣ, а не въ одиночной тюрьмѣ.

Новый.

По поводу статьи г. Данненберга.

Пишу подъ впечатлѣніемъ случая, бывшаго во время диктовки: ученикъ 2-го отдѣленія написалъ вполне сознательно слово ВАНЯ такъ: ВАНЬА, то есть точно согласуя съ звуковымъ произношеніемъ. Когда мальчикъ съ азартомъ сталъ доказывать справедливость его написанія, я согласился съ нимъ, назвалъ объясненіе правильнымъ, но сообщилъ, что принято писать и печатать такія сложные слоги упрощенно, т. е. вмѣсто НЬА, просто НЯ.

Раньше, развѣ встрѣчались сомнѣнія на этотъ счетъ, я всегда давалъ объясненіе буквамъ Ю, Я, Ё, Е, и никогда мнѣ мое собственное колоссальное невѣжество, мое заблужденіе не казалось столь пагубнымъ въ дѣлѣ обученія грамотѣ, какимъ представляетъ авторъ статьи „Темное пятно на свѣтломъ (?) *) фонѣ звукового способа обученія грамотѣ“ (От. нар. уч. № 3.)

Г. Данненбергъ говоритъ въ своей статьѣ о лжи и недовѣріи ребенка къ непосредственнымъ наблюденіямъ при изученіи алфавита. Но развѣ дѣти въ современной школѣ когда-нибудь иначе обучались? Развѣ истинное знаніе и истинная вѣра не замѣнены суррогатомъ знаній и вѣры? Развѣ не все условно и неестественно извращено въ угоду всему-только не истинѣ?

Но г. Данненбергъ касается реформы только алфавита. Повернемся къ нему лицомъ. И что же мы видимъ? Та же условность. Ребенку и здѣсь приходится на вѣру принимать что звуки членораздѣльной рѣчи воплощаются въ рукахъ

*) Вопросительный знакъ мой. Откуда взялъ г. Данненбергъ, что звуковой способъ „свѣтлый“, не знаю. Достаточно пробѣжать книгу Вахтерова „На первой ступени обученія“, чтобы видѣть противорѣчія и шаткость основанія этого способа и откуда не вынесешь впечатлѣнія *естественнаго*, а также и *свѣтлаго*.

учителя въ печатныя буквы. Онъ чувствуетъ обманъ и условность такого воплощенія. И нужно воображеніе ребенка и вѣра въ авторитетъ учителя, чтобы согласиться съ предлагаемымъ;—и онъ соглашается, хотя все это противорѣчитъ сущности вещей.

Разберемся въ слѣдующемъ: не слишкомъ ли пессимистично смотритъ авторъ статьи на преподаваніе лишнихъ буквъ, говоря: „въ дѣтяхъ воспитывается недовѣріе къ собственнымъ правдивымъ наблюденіямъ и внѣдряется способность принимать ложь за истину?“ Не попадемъ ли мы при предлагаемой реформѣ изъ одного круга компромиссовъ въ другой?

Обратимся къ дѣтямъ, къ ихъ играмъ, къ ихъ рисункамъ. Простой кусокъ дерева въ рукахъ дитяти превращается въ красавца ребенка, съ которымъ онъ ведетъ цѣлыми часами самыя оживленныя бесѣды; простыя тряпочки—въ шелковыя нарядныя платья; хворостина изображаетъ кроваваго рысака; рядъ стульевъ желѣзную дорогу; столъ служитъ домомъ и т. п.; въ рисункахъ и того болѣе,—ребенокъ ничего не видитъ не согласнаго съ его наблюденіями, ложнаго если на лицѣ нарисованномъ въ профиль нанести два глаза и ротъ во всю щеку, съ черточками вмѣсто зубовъ; ноги и руки изображаются просто палочками, черезъ шляпу видны, волосы и черепъ; домъ не теряетъ своей красоты и натуральности, если окна подъ крышей, стѣны до того прозрачны, что не мѣшаютъ вамъ видѣть семью за чайнымъ или обѣденнымъ столомъ и пр., и построенъ—то онъ не по вертикальной линіи, и пропорціи частей требуютъ желать многого, и т. д.

И неужели можно допустить мысль, что ребенокъ обманываетъ себя, или что съ этими неточностями „внѣдряется ложь и недовѣріе къ собственнымъ правдивымъ наблюденіямъ“ Конечно, нѣтъ. Онъ всему даетъ свое объясненіе. Почему же нельзя допустить что, если учитель дастъ необходимое объясненіе условному изображенію звуковъ буквами, обманъ самъ собою уничтожится и вредъ потеряетъ свою остроту.

Чувствуемъ ли мы вредъ отъ того, что всю жизнь по привычку помнимъ четыре правила арифметики и забываемъ точное ихъ объясненіе?

Теперь перейдемъ ко второму вопросу. Предлагаемая реформа г. Данненбергомъ не сокращаетъ алфавита и, пови-

димому, не облегчаетъ орфографіи. Не облегчаетъ потому, что разговорная рѣчь дѣтей и литературная многимъ отличаются въ произношеніи. Научить же дитя говорить сразу правильно невозможно, и будетъ оно путаться въ правилахъ письма, какъ и путалось до сего времени. Сокращая же алфавитъ на буквы я, е, ё, ю, придется признать сложныя йа, йо, йэ, йу и нь, ль, мь, нь, ть, и пр., которыхъ безъ гласной И никакъ сказать ребенку (часто и взрослому)) нельзя; значить, надо признать за Ъ гласный звукъ. Но введи сложныя гласныя и смягченныя согласныя, все же примѣнять ихъ будетъ трудно, такъ какъ, напримѣръ, Я и послѣ согласной съ Ъ сохраняетъ отгѣнокъ ЙА, или какъ различить начертаніе слова ПЯ и ПЬЯ, ОБЬЯ и ОБЯ и т. п. по звукамъ.

Чистую рѣчь мы слышимъ отъ взрослыхъ, дѣти-же чисто не говорятъ, нерѣдкость слышать замѣну буквъ д-т, б-п, г-х, ф-хв, з-с. И вновь мы впадаемъ въ необходимую условность, въ кругъ компромиссовъ, изъ котораго выходитъ, пожалуй, и невозможенъ.

Я готовъ признать зло отъ алфавита (безъ ъ, ѣ, ѳ, и), но не въ самомъ алфавитѣ, а въ той авторитетности, съ которой ведется обученіе грамотѣ. Зло это проникаетъ въ самую глубь духовной жизни ребенка, поселяетъ неувѣренность въ своихъ выводахъ и парализуетъ инициативу и творчество.

Глупыхъ людей много не потому, что они глупы, а потому, что авторитетъ „дерзновенныхъ“ убиваетъ деликатный умъ большинства людей. Убиваютъ его въ школѣ съ первыхъ дней вступленія въ область авторитетовъ.

И вѣра въ авторитетность такъ въѣлась въ души всѣхъ, что, лишь начнется война смѣлыхъ противъ какого-нибудь архаизма, и взоры всѣхъ обращаются къ кудесникамъ—ученымъ авторитетамъ, дескать какъ отцы науки скажутъ, такъ тому и быть. Убить у насъ частный починъ, духъ творчества въ созиданіи общественнаго благополучія. Авторитетъ держитъ за семью печатями великій духъ инициативы.

И учительство російское отъ того молчитъ; соберутся два-три труженика на нивѣ народной, поохаютъ, повздыхаютъ, да на томъ и разойдутся. Боятся повѣдать всенародно скорби и думы свои; осмѣютъ, назовутъ выскочкой. Да хорошо ежели только обругаютъ, можетъ быть и хуже. Знавалъ

я „реальный“ случай изъ мрачной дѣйствительности. Одному товарищу, н. учителю, вздумалось поднять войну противъ „авторитетнаго“ ъ, и лишь только, бѣдняга, занесъ палку, чтобы по чести воздать „сей губительницѣ душъ молодыхъ“ за ея безсовѣстную, беззалаберную, противоестественную жизнь въ русскомъ алфавитѣ, какъ наши авторитеты забили тревогу, поднялся шумъ, бѣготня, донесенія и кончилось изгнаніемъ не буквы ъ, а дерзкаго хулителя и нерадѣтеля старины, несчастнаго учителя. Среди зимы, съ больной женой, съ двумя крохотными малыми дѣтьми, безъ денегъ въ карманѣ выселили бѣднягу изъ казенной квартиры въ 24 часа.

Авторитетность уничтожить—не комара убить. Правда, авторитетность въ дни революціи сильно покачнулась въ своихъ основаніяхъ, однако не сочувствіе и раздѣленіе взглядовъ нужны, чтобы снискать ее съ пьедестала, нужно общественное сознаніе необходимости въ реформѣ. Что съ того, что я закричу: караулъ! Теперешній обыватель плотнѣе ставни закроетъ, а въ уши фунтъ гигроскопической ваты воткнетъ. Не видно, не слышно—такъ-то покойнѣе! Грустно это, омерзительно и гадко, да что подѣлаешь съ суровой дѣйствительностью.

И такъ, г. Данненбергъ, прежде чѣмъ бросать упрекъ учительству въ непониманіи глубокаго вреда отъ современнаго алфавита, давайте призовемъ учительство къ борьбѣ съ академичностью и авторитетностью обученія. Пусть дѣти указываютъ намъ путь къ истинѣ, а мы, учителя, станемъ очищать путь ихъ слѣдованія отъ сорныхъ травъ и наноснаго мусора.

Весь міръ, все окружающее измѣнчиво и условно; чего же бояться условнаго изображенія того, чего, подъ часъ, и изобразить нельзя?

Я. Зеленевичъ.

Очерки школьнаго дѣла въ Россіи

Еще въ маѣ 1904 г. въ г. Касимовѣ Рязанской губерніи состоялся подъ руководствомъ инспектора народныхъ училищъ В. П. Стратилатова первый съѣздъ учащихся въ начальныхъ народныхъ училищахъ Касимовскаго уѣзда. Однимъ изъ самыхъ важныхъ послѣдствій этого съѣзда, могущимъ имѣть не только специально мѣстное, районное значеніе, должна считаться около года тому назадъ выпущенная въ свѣтъ на средства Касимовскаго уѣзднаго земства книга „Учительскій съѣздъ въ г. Касимовѣ Рязанской губерніи. По отчету инспектора народныхъ училищъ В. П. Стратилатова“.

Всѣмъ наиболѣе цѣннымъ въ этой книгѣ непосредственно и косвенно по столкновенію и разъясненію многихъ весьма важныхъ вопросовъ школьнаго дѣла Россіи я воспользуюсь въ настоящей статьѣ, позволяя себѣ преимущественно преслѣдовать цѣли не обычнаго журнально-библіографическаго отчета, а скорѣе всего обзора по существу.

Учите каждого!—Вотъ первое требованіе раціональной школы, столь глубоко продуманной и серьезно, аналитически—научно обоснованной извѣстнымъ англійскимъ писателемъ Гербертомъ Спенсеромъ, съ которымъ, быть можетъ, не всегда можно соглашаться даже и въ деталяхъ, но отрицать крупное выдающееся значеніе трудовъ котораго врядъ ли кто рѣшится въ нашъ XX вѣкъ.

Учите каждого!—Вотъ тотъ боевой лозунгъ—девизъ прогрессивнаго движенія нашего переходнаго времени, столь неспокойно и бурно гребущаго всевозможныхъ радикальныхъ реформъ и часто скоропалительныхъ коренныхъ перестроеній, едва ли не всегда достижимыхъ сразу, какъ-то абстрактно, внѣ времени и пространства какъ-то само-собою, безъ вся-

кихъ координированныхъ усилій и треній, вызываемыхъ, именно, практикою дѣла, дѣятельностью *de facto*.

Надо замѣтить, что очень часто, къ крайнему сожалѣнію, такіе и имѣ подобныя общіе, широкіе и неопредѣленные лозунги—„крылатыя слова“, быстро и по подражанію схватываемыя массою, едва ли не навязываются искусственно и выставляются либо утопистами, признающими правильными всѣ порывы своихъ чувствъ, либо людьми, мало знакомыми съ спеціальною техникою дѣла, положимъ, и педагогическаго, его особенными, только ему свойственными методами, приемами вліянія и съ дѣйствительными реальными средствами выполненія на практикѣ.

Наше время соціально-экономическаго и политическаго переворота внесло, повторяю къ сожалѣнію, большую смуту во всѣ такіе, скажемъ, не только общественные, но и дѣловые вопросы, снабдивъ ихъ прогрессъ совершенно ненужною для скромнаго дѣла сегодняшняго дня страстностью, партійностью въ самомъ узкомъ смыслѣ, фанатическою нетерпимостью и прочими „каменьями на вороту“, которые, игнорируя техническую сторону вопросовъ, не только обострили ихъ подчасъ до невыносимой боли, но и многіе изъ нихъ загнали въ душный туннель, откуда буквально не видно выхода при современномъ *status quo*.

По отношенію къ выдвинутому, въ этой статьѣ, лозунгу:—Учите всѣхъ!—къ моему внутреннему удовлетворенію, при объективномъ разсмотрѣніи общаго положенія можно избѣгнуть этихъ нежелательныхъ и глубоко досадныхъ треній и противорѣчій. Учите всѣхъ!—говоритъ редакція журнала „Русскій Начальный Учитель“ въ передовой статьѣ „на 1907 годъ“ № 1. Учите всѣхъ!—поддерживаетъ редакцію и г. Н. Рудольфъ въ своей статьѣ „къ вопросу о всеобщемъ обученіи“. Такимъ образомъ, общій, широкій и неопредѣленный лозунгъ момента получаетъ конкретную базу и, такъ сказать, освященіе педагоговъ—спеціалистовъ.

Учите всѣхъ...

Но гдѣ тѣ, къ кому можетъ и долженъ быть обращенъ этотъ гуманный, человѣчный призывъ, гдѣ они—печальники о темнотѣ и невѣжествѣ народномъ, гдѣ народные учителя? Ихъ голосъ долженъ имѣть рѣшающее значеніе; отъ ихъ энергіи, умѣнія организовать и нести дѣло зависитъ истин-

ная цѣнность и практическая осуществленность всѣхъ, даже наиболѣе совершенныхъ, проектов и законодательныхъ распоряженій по народному образованію, понимая, впрочемъ, подъ этимъ терминомъ всю систему и совокупность воспитательныхъ и образовательныхъ учреждений, существующихъ въ государствѣ, начиная отъ простѣйшихъ и элементарнѣйшихъ школъ грамотности и кончая высшими школами, со всѣми разнообразными типами специальныхъ школъ включительно отъ низшихъ профессиональных школъ до институтовъ для благородныхъ дѣвицъ и кадетскихъ корпусовъ, отъ школъ ремесленныхъ учениковъ до школъ правовѣдѣнія, техническихъ, музыкальныхъ, рисовальныхъ и т. п.

На первый взглядъ такое сопоставленіе (чуть ли не механическое) различныхъ школъ можетъ показаться страннымъ, парадоксальнымъ; но если вникнуть глубже въ самую суть вопроса, то станетъ вполнѣ ясно, что вся современная система образованія и воспитанія юношества не только Россіи, но и всего человѣчества, вообще вездѣ, гдѣ существуетъ какая бы то ни было специализація школы для дѣтей и юношей, не достигшихъ возмужалости, (*) что вся эта система основана на признаніи возможности предрѣшенія для каждаго отдѣльнаго индивидуума той конечной формы, до которой онъ можетъ и долженъ развиваться. Въ большинствѣ же случаевъ въ основѣ этой системы лежитъ даже не это теоретическое положеніе, а простое практическое стремленіе приспособить людей къ существующему порядку. Последняго вопроса, однако, я не буду касаться здѣсь, чтобы за его неопредѣленностью и расплывчивостью не вызывать нежелательныхъ уклоненій вовсе въ сторону и непроизводительной въ данномъ случаѣ полемики.

Впрочемъ, я считаю своею нравственною обязанностью для желающихъ заняться этимъ специально указать статью „Дѣтскій трудъ и народное образованіе г. Э. З. (январь—апрѣль журнала „Образованіе“ за 1903 годъ).

Такъ или иначе, но передъ нашимъ отечествомъ встаетъ на очередь серьезный вопросъ о необходимомъ количествен-

*) Не достигшихъ возмужалости въ специальныхъ баталіонныхъ, баталіонныхъ и бригадныхъ школахъ въ войскахъ, въ школахъ знакомыхъ автору по личному педагогическому опыту.

номъ и качественномъ составѣ народныхъ учителей, принаровленномъ къ современнымъ расширеннымъ потребностямъ. Откуда взять учителей?

Въ медалированномъ сочиненіи ученицы 1-ой Тифлисской Великой Княгини Ольги Θεодоровны гимназіи выпускного VIII класса М. Н. Вамензонъ „о необходимости всеобщаго народнаго обученія“, какъ, впрочемъ и почти во всѣхъ аналогичныхъ сочиненіяхъ, дѣлаются ссылки и указанія на Германію и пресловутаго „нѣмецкаго учителя“, (**) ссылки требующія извѣстнаго развитія и дополненія. Разница между Германіей и Россіей въ этомъ смыслѣ громадная и въ количественномъ отношеніи, и въ качественномъ, и въ самой базѣ практической подготовки народныхъ учителей.

Въ Россіи къ 1 января 1899 года было: учительскихъ институтовъ—9, учительскихъ семинарій и школъ—всего 63; число и тѣхъ и другихъ учебныхъ заведеній, учрежденныхъ съ цѣлью приготовленія учителей для городскихъ, уѣздныхъ и начальныхъ училищъ, конечно, признавалось и признается недостаточнымъ и состояніе ихъ, при крайне скудныхъ средствахъ, неудовлетворительнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, контингентъ учащихся въ учительскихъ институтахъ къ тому же 1 января 1899 г. равнялся 1525, а въ учительскихъ семинаріяхъ 4388, въ инородческихъ учительскихъ школахъ 364, въ земскихъ учительскихъ школахъ 697,—всего 6974 учащихся на 130—милліонное населеніе Россіи. Невольно вспомнишь, что, когда прежде выдвигался проектъ обязательнаго всеобщаго обученія, ему часто противопоставляли прогрессивное увеличеніе числа училищъ вовсе не достигающее истинной цѣли, но не требующее такого рѣзкаго перехода, неизбежно связаннаго съ пониженіемъ качественнаго уровня средняго учителя.

Указанныя цифры, относящіяся къ Россіи и вводящія школу въ кругъ объектовъ изслѣдованія такъ называемой нравственной статистики на ряду съ церковью, движеніемъ и политикою населенія, браками и законными рожденіями (по скольку въ послѣднихъ находятъ выраженіе факторы не-физиологическаго порядка), рожденіями незаконными и развра-

**) См. мою рецензію на вып. 7 книги Э. Реклю „Земля и люди“ стр. 211-215 № 7-8 журнала „Русскій Начальный Учитель“ за 1906 годъ.
Л. М.

томъ, преступленіями и самоубійствами, эти незначительныя цифры пріобрѣтутъ тѣмъ болѣе печальное значеніе, когда мы попытаемся освѣтитъ ихъ отношеніе къ необъятному пространству нашего отечества (особенно ошутителенъ недостатокъ учителей на окраинахъ), углубленіемъ исторической перспективы и критико-аналитическимъ сравненіемъ, хотя бы, напримеръ, съ положеніемъ педагогическаго дѣла въ столь согласно восхваляемой Германіи.

Въ самомъ дѣлѣ, первымъ учебнымъ заведеніемъ въ Россіи, учрежденнымъ съ цѣлью приготовленія учителей всевозможныхъ начальныхъ училищъ, было главное народное училище, открытое въ С.-Петербургѣ въ 1783 году и просуществовавшее до 1804 года. Въ 1820 году возникъ первый учительскій институтъ въ вѣдомствѣ императорскаго С.-Петербургскаго университета, но черезъ два года былъ упраздненъ. По уставу 1828 года право быть учителемъ въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ было предоставлено всѣмъ, кто могъ выдержать установленное для того (положеніемъ 1 марта 1846 года) испытаніе при университетѣ или гимназій. Больше того, до 1864 года специальныхъ учрежденій для подготовки учителей въ низшія учебныя заведенія не существовало вовсе; такимъ образомъ 81 годъ прошелъ для этого дѣла почти безъ всякихъ осязательныхъ результатовъ.

При изданіи въ 1864 году положенія о народныхъ училищахъ министерство народнаго просвѣщенія устроило первую учительскую семинарію для западной окраины,—съ тѣхъ поръ, со времени подъема и въ школьномъ дѣлѣ, вызваннаго общественнымъ движеніемъ „эпохи великихъ реформъ“, возникло довольно много аналогичныхъ заведеній, въ общемъ числѣ, однако, для Россіи недостаточныхъ, какъ мы уже видѣли выше. Изъ этихъ учебныхъ заведеній учительскіе институты учреждаются со времени изданія положенія о городскихъ училищахъ 1872 года съ цѣлью приготовленія учителей для этихъ училищъ.

Періодическіе лѣтніе съѣзды учителей, образующіе собою педагогическіе курсы и открываемые, съ разрѣшенія попечителя мѣстнаго учебнаго округа, по представленію инспектора или директора народныхъ училищъ (правила по этому предмету утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія 5 августа 1875 года)—эти съѣзды часто называются *временными*

учительскими семинаріями и пытаются служить цѣлямъ саморазвитія учащихся, обмѣна мнѣніями, наблюденіями и выводами изъ личнаго опыта и т. д. Расходы по устройству такихъ сѣздовъ обычно принимаютъ на себя тѣ учрежденія и лица, по ходатайству которыхъ учреждаются и открываются эти курсы-сѣзды.

О расходахъ по Касимовскому учительскому сѣзду, понесенныхъ Касимовскимъ уѣзднымъ земствомъ, будетъ сказано ниже въ связи съ резолюціями и послѣдствіями названнаго сѣзда.

Я не имѣю свѣдѣній о подобныхъ учительскихъ сѣздахъ за-границею и сѣздахъ международныхъ, но смѣю утверждать, что значеніе такихъ сѣздовъ особенно должно быть велико и плодотворно, именно, у насъ въ Россіи.

Для подтвержденія этой мысли конкретными данными и для дальнѣйшаго развитія сравненія съ Германіей сообщу кое-какія свѣдѣнія, относящіяся къ исторіи и постановкѣ дѣла въ заграничныхъ семинаріяхъ. Въ Западной Европѣ подъ именемъ семинаріи (отъ латинскаго слова *seminarium* — разсадникъ) понимаютъ образовательное учрежденіе для подготовленія духовныхъ лицъ и учителей преимущественно народныхъ школъ. Названіе „семинарія“ появляется впервые во время тріентскаго собора (1545-1563 г.г.) и было оффиціальнымъ наименованіемъ учебныхъ заведеній, имѣвшихъ цѣлью подготовленіе духовныхъ лицъ. Позже и въ Германіи и во Франціи была признана необходимость въ учрежденіи аналогичныхъ семинарій для подготовки будущихъ учителей, преимущественно учителей для народныхъ школъ. Еще герцогъ саксенъ-готскій Эрнестъ Благочестивый (скончавшійся въ 1675 году) предполагалъ открыть такую семинарію. Мысль объ учрежденіи семинарій для учительницъ защищалъ Фанелонъ въ своемъ сочиненіи о воспитаніи дѣвицъ, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1687 году.

Ранѣе этого въ 1684 году была открыта въ Реймсѣ „*Seminaire des maîtres d' école*“. Мысль же герцога саксенъ-готскаго Эрнеста Благочестиваго была осуществлена, претворена въ дѣйствительность въ Германіи Августомъ Германомъ Франке въ Галле, и основанная имъ въ 1695 году *Seminarium praesceptorum* выпустила много учителей для среднихъ и низшихъ школъ. Въ 1732 году была открыта семинарія близъ

Штеттина, въ 1735 году—близъ Магдебурга, въ 1781 году—въ Берлинѣ, запоздавшемъ и съ открытіемъ своего университета противъ другихъ германскихъ городовъ, и т. д.

Мало-по-малу эти полезныя учрежденія, часто именовавшіяся, кромѣ того, и нормальными школами, распространились—раскинулись въ большомъ числѣ, съ тѣю большей или меньшей густоты, по территоріи Германіи, Австріи и Швейцаріи, находясь подъ дѣятельнымъ покровительствомъ духовныхъ лицъ, какъ католическаго, такъ и протестантскаго вѣроисповѣданія, и такъ называемыхъ филантропистовъ, ставившихъ цѣлью подобныхъ учебныхъ заведеній, по словамъ Иоганна-Бернгарда Базедова (Басседау), воспитаніе „не католическое, лютеранское или реформатское, а *христианское*“, гдѣ „учебники свободны отъ нетерпимости богословско-догматическаго христианства“. Базедовъ, находившійся подъ сильнымъ вліяніемъ идей „Эмиля“ Руссо, хорошо знакомый съ воззрѣніями Амоса Коменскаго, выпустилъ нѣсколько педагогическо-общественныхъ сочиненій, на ряду съ которыми выступилъ и на практикѣ реформаторомъ воспитанія въ Германіи, а если окажется возможнымъ, то и въ другихъ странахъ, указывая повсюду то, что должно было стать „азбукой реального и номинальнаго человѣческаго познаванія“. Леопольдъ-Фридрихъ-Францъ герцога дессаускій, поручилъ Базедову практически осуществить его педагогическую систему въ особомъ училищѣ, которое въ 1774 году было основано въ Дессау Базедовымъ подъ названіемъ „*Philantropin*“.

Это былъ пансіонъ для учениковъ до 18—лѣтняго возраста, обучаемыхъ языкамъ нѣмецкому, французскому, латинскому и греческому и, кромѣ того, «всѣмъ наукамъ, потребнымъ въ благоустроенномъ обществѣ, а также всѣмъ училищнымъ и гимназическимъ предметамъ, до приготовительныхъ къ университетскимъ включительно»—какъ значилось въ программѣ пансіона. Таковъ былъ широкій и отчасти по опредѣленный масштабъ размаха энергичной и кипучей натуры Базедова. Впрочемъ, въ числѣ одобрительныхъ отзывовъ о пансіонѣ Базедова и педагогическихъ началахъ, положенныхъ въ его основаніе, были отзывы такихъ авторитетовъ, какъ Роховъ, Гамбахъ, Изелнъ, Кантъ, Эйлеръ и многіе другіе.

Какъ въ системѣ Базедова впоследствии были усмотрѣ-

ны недостатки и своеобразная односторонность, такъ и, вообще, по отношенію къ учительскимъ семинаріямъ въ извѣстномъ историческомъ періодѣ наступило охлажденіе. Вновь обратили на себя особое вниманіе семинаріи учителей въ Германіи примѣрно начиная съ 1807 года, вслѣдствіе общаго національнаго возбужденія, охватившаго Германію послѣ разгрома ея Наполеономъ въ 1806 году, и подъ мощнымъ вліяніемъ свѣтлыхъ идей Песталоцци.

Однако можно съ увѣренностью утверждать, что только въ послѣднія десятилѣтія прошлаго XIX вѣка забота о систематическомъ подготовленіи свѣдущихъ учителей для народныхъ школъ была признана въ Западной Европѣ неременною и продуктивно-полезною обязанностью государства. Въ самомъ дѣлѣ, статистика указываетъ, что болѣе чѣмъ изъ 200 правительственныхъ семинарій въ Германіи 140% были открыты послѣ 1872 года, создавшаго легенду о «школьномъ учителѣ»; кромѣ того, изъ 36 правительственныхъ и частныхъ женскихъ семинарій учительницъ въ Пруссіи лишь одна семинарія нынѣ существуетъ около 55 лѣтъ.

Принимая во вниманіе, что учительскія семинаріи въ другихъ государствахъ привились и распространились, главнымъ образомъ, по примѣру Германіи, и что въ самой Германіи прогрессъ въ этой области не является послѣдствіемъ давнихъ временъ, а лишь неизбѣжнымъ послѣдствіемъ систематическихъ, строго согласованныхъ, координированныхъ усилій, мы должны сознаться, что задача, стоящая передъ нами въ настоящее время не такъ ужъ трудна и недостижима. Въ самомъ дѣлѣ, и во Франціи, гдѣ во время революціи дѣлу подготовки народныхъ учителей оказывалось болѣе широкое вниманіе, стали особенно заботиться объ écoles normales (какъ тамъ именуются семинаріи), лишь въ XIX вѣкѣ, именно, подъ вліяніемъ успѣховъ Германіи. Во Франціи нормальные школы въ настоящее время урегулированы декретомъ 29 іюля 1881 года. Кромѣ этихъ школъ во Франціи, а также въ Италіи и Венгріи, функционируютъ особые семинаріи для подготовленія учителей и учительницъ высшихъ народныхъ училищъ и среднихъ учебныхъ заведеній.

Каковы же задачи подготовки учителей въ семинаріяхъ отчасти восполняемая и развиваемая на живыхъ учительскихъ сѣздахъ?

Главное дѣло чисто педагогическаго характера семинарій, курсовъ и подготовительной практики учителей-выработка метода, умѣнья сообщать знанія и развивать силы учащихся; все перечисленное здѣсь, какъ то и вполнѣ понятно, имѣеть одинаковое значеніе съ самимъ знаніемъ учащихся. Никогда не слѣдуетъ забывать такихъ простыхъ истинъ: правильный методъ приноситъ великую неоцѣнимую пользу даже и при необширныхъ познаніяхъ учителя, наставника, лица ведущаго общедоступное народное чтеніе, бесѣду; при извращенномъ же методѣ самыя обширнѣйшія, ученые познанія имѣють въ школѣ и особенно въ школѣ начальной весьма сомнительное достоинство. Вотъ почему часто профессора высшихъ учебныхъ заведеній, знаменитые ученые, общепризнанные специалисты—оказываются посредственными и часто вовсе неудовлетворительными преподавателями.

Изъ моей личной педагогической практики я могъ бы привести много случаевъ, когда молодой офицеръ при близкомъ пониманіи солдата и правильномъ методѣ достигалъ поразительныхъ результатовъ въ преподаваніи полуграмотнымъ и даже неграмотнымъ вовсе солдатамъ геометріи, ариметики съ дробями и тройнымъ правиломъ, начатковъ топографіи, подрывнаго, телефоннаго, телеграфнаго, сапернаго дѣла. Не разъ также случалось сталкиваться съ едва преоборимою трудностью пониманія тѣми же самыми нижними чинами ученыхъ академиковъ, теоретиковъ-специалистовъ, не владѣющихъ никакими педагогическими способностями.

Въ интересной хотя мѣстами пристрастной и отчасти парадоксальной книгѣ „изъ Америки“ Дюлонъ такими чертами обрисовываетъ Германскія семинаріи:

„Въ своихъ воспитанникахъ семинаріи развиваютъ потребность знанія, вмѣствъ съ умѣніемъ успѣшно заниматься, и кладутъ первое основаніе столь обширному образованію, какое не всегда встрѣчаемъ и между университетскими студентами. Но въ особенности нужно обратить вниманіе на то *практическое умѣніе преподавать**), какое семинаріи развиваютъ въ своихъ способнѣйшихъ (?) воспитанникахъ. Превосходныя упражненія, основательно подготовленные теоретически

*) Курсивъ, какъ и далѣе поставленный въ скобкахъ ?, принадлежитъ мнѣ. Д. М.

и производимыя въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ подѣ наблюденіемъ искусенныхъ руководителей, принесли гораздо больше пользы, чѣмъ тысячи продиктованныхъ тетрадокъ. Эти упражненія довели способнѣйшихъ воспитанниковъ семинарій до совершенства въ искусствѣ дѣлать вопросы,—имѣящемъ столь огромное педагогическое значеніе,—въ умѣніи говорить съ дѣтьми, въ умѣніи заинтересовать ихъ предметомъ преподаванія, наконецъ, въ умѣніи пробудить въ дѣтяхъ, доведенныхъ иногда горькою бѣдностью до состоянія животнаго, все свойственное ихъ человѣческой натурѣ. Этимъ же упражненіямъ воспитанники семинарій обязаны и своимъ искусствомъ выбирать соотвѣтствующій данному случаю методъ и своею способностью управлять ввѣренными имъ классами. Между этими воспитанниками мнѣ приходилось встрѣчать и превосходныхъ учителей пѣнія и отличныхъ учителей рисованія, чистописанія“.

Такой отзывъ г. Дюлона побуждаетъ меня еще нѣсколько далѣе развить свѣдѣнія о Германскихъ семинаріяхъ, устройство которыхъ весьма различно. Характеръ семинарій измѣняется отчасти и оттого, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ воспитанники—интерны, въ другихъ—экстерны. Самая продолжительность обученія въ учительскихъ семинаріяхъ не однообразна: въ Пруссіи, напримѣръ, она равняется 3 годамъ, которымъ предшествуютъ еще 2-3 года усиленныхъ занятій въ приготовительной школѣ, а въ Саксоніи, гдѣ во всѣхъ семинаріяхъ введено обязательное изученіе латинскаго языка, продолжительность курса доходитъ до 6 лѣтъ. Въ Пруссіи, вообще, изученіе иностраннаго языка предоставлено на болѣе или менѣе свободный выборъ самаго учащагося.

Въ большинствѣ нѣмецкихъ семинарій, какъ это можно понять изъ цитированныхъ выше словъ г. Дюлона, введено въ программу изученіе музыки, особенно игры на органѣ, такъ какъ въ Германіи учителя обыкновенно занимаютъ, также и должность органистовъ въ церквахъ. Во всѣхъ семинаріяхъ Германіи обучаютъ гимнастикѣ и рисованію, весьма часто также и сельскому хозяйству, садоводству и разведенію плодовыхъ деревьевъ. При всѣхъ благоустроенныхъ семинаріяхъ состоятъ образцовыя школы, въ которыхъ семинаристы старшихъ классовъ упражняются въ преподаваніи, подѣ присмотромъ и ближайшимъ руководствомъ своихъ

учителей. Кроме того, многие семинаристы находятся въ тѣсной связи съ учреждениями для глухонѣмыхъ, гдѣ семинаристы практически занимаются съ глухонѣмыми.

Вотъ тотъ *minimum* фактическихъ свѣдѣній о Германскихъ семинаріяхъ, который крайне необходимъ, какъ база, основной матеріалъ для анализа и сравненія. Однако, я долженъ сознаться, что и въ работахъ русскихъ писателей и въ сочиненіяхъ многихъ иностранцевъ вовсе не отгѣняется, не выясняется разница между двумя различными коренными типами Германскихъ семинарій, отсутствіе которой (то-есть, ясной разницы) вноситъ путаницу въ понятія и не позволяетъ точно указать статистическія данныя, относящіяся къ учительскимъ семинаріямъ въ собственномъ смыслѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ Германіи въ настоящее время существуютъ при университетахъ или находятся съ ними въ тѣсной внутренней, органической связи многочисленныя практическіе институты,*) носящіе названіе семинарій историческихъ, статистическихъ, экзегетическихъ, катехизическихъ, гомилетическихъ, литургическихъ, филологическихъ, археологическихъ, педагогическихъ наконецъ. Подобныя семинаріи служатъ прекраснымъ дополненіемъ къ чисто научнымъ теоретическимъ лекціямъ профессоровъ почти всѣхъ факультетовъ.

Изъ вышеуказаннаго перечня такихъ университетскихъ семинарій видно, что болѣе детальная спеціализація приходится на факультетъ теологическій—богословскій; однако, наибольшее значеніе среди этихъ семинарій имѣютъ педагогическія семинаріи, цѣль которыхъ практическое подготовленіе учителей для среднихъ учебныхъ заведеній. И при такихъ семинаріяхъ, не какъ общее правило, часто находятся особыя школы для педагогическихъ упражненій будущихъ учителей.

Первообразомъ семинарій при университетахъ является вышеупомянутая *seminarium praesertorum*. Кроме того, уже въ XVIII вѣкѣ въ Германіи возникъ цѣлый рядъ подобныхъ педагогическихъ семинарій въ такомъ хронологическомъ порядкѣ: въ Геттингенѣ въ 1737 году, въ Галле при универ-

*) Нѣчто подобное представляютъ наши общества любителей естествознанія, изслѣдованія въ области исторіи, психологіи, даже музыкальные кружки при университетахъ, — также спеціальныя аэродинамическія институты Д. П. Рябушинскаго въ Кучино, подъ Москвою. Л. М.

ситетъ въ 1776 году, въ Берлинѣ при гимназіи въ 1788 году. Въ поясненіе послѣдней даты слѣдуетъ прибавить, что самый университетъ въ Берлинѣ основанъ едва только въ 1810 году.

Особенно усиленно рекомендовалъ учрежденіе педагогическихъ семинарій при университетахъ Іоганнъ Фридрихъ Гербартъ, философъ—реалистъ въ своей метафизикѣ и идеалистъ въ этикѣ, страстно преданный педагогикѣ и съ великимъ задачамъ. Однако по мнѣнію многихъ другихъ авторитетныхъ писателей, съ практической точки зрѣнія является гораздо болѣе удобнымъ соединеніе учительскихъ семинарій съ средними учебными заведеніями и даже, по мѣрѣ возможности, съ семинаріями для подготовки народныхъ учителей. Интересенъ въ этомъ отношеніи взглядъ официальныхъ руководителей школы въ Германіи: изданнымъ еще въ 1890 году циркуляромъ прусскій министръ народнаго просвѣщенія фонъ-Госслеръ предписалъ, чтобы всѣ кандидаты въ учителя, до допущенія ихъ къ пробнымъ класснымъ урокамъ и систематическимъ занятіямъ, пробыли годъ въ педагогической семинаріи. Результатомъ непосредственно: вліянія этого циркуляра явилось успѣшное открытіе ряда новыхъ учительскихъ семинарій, именно, при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ...

Въ какомъ же положеніи находится наше отечество на канунѣ такой серьезной реформы, какъ введеніе всеобщаго народнаго обученія? Вопросъ этотъ отнюдь не праздный и, тѣсно примыкая къ оцѣнкѣ ближайшаго и даже отдаленнаго проплага начальной школы, неоднократно всплывалъ на очередь въ послѣдніе года. Въ внесенномъ въ 1902 году на разсмотрѣніе нижегородскаго губернскаго земскаго собранія интересномъ докладѣ А. И. Зыбина встрѣчаемъ между прочимъ слѣдующія мысли.

„Съ тѣхъ поръ,—говоритъ г. Зыбинъ во вступленіи къ своему докладу,—какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ и переѣхалъ изъ города въ деревню и изъ бюрократа превратился въ мѣстнаго дѣятеля, съ тѣхъ поръ, какъ началъ смотрѣть на жизнь русскаго человѣка въ деревнѣ не съ отдаленной точки зрѣнія теоретическаго закона, съ тѣхъ поръ мало-по-малу начало кореннымъ образомъ измѣняться мое прежнее представленіе о русскомъ крестьянинѣ, объ условіяхъ его

жизни, индивидуальных особенностях его своеобразного характера, а затѣмъ измѣнился и мой взглядъ на тѣ правительственныя мѣропріятія, которыя уже приняты или еще не приняты, но которыя слѣдовало бы принять для того, чтобы сдѣлать русскаго земельного работника полезной силой государства. Такія мѣропріятія должны были бы коснуться многоразличныхъ сферъ: самоуправленія, аграрныхъ отношеній, —гражданскаго и уголовнаго права и, наконецъ, образованія. Настоящій мой докладъ касается послѣдней сферы, поэтому о ней только я и буду говорить. Подъ вліяніемъ чужихъ мнѣній и теоретическихъ выводовъ въ городѣ я былъ противникомъ идеи широкаго народнаго образованія, полагая что мужику нужно заботиться только о хлѣбѣ, образованіе же для него роскошь, а всякая роскошь вредна дѣлу. Переѣхавъ въ деревню и присмотрѣвшись къ этому самому мужику, я, во первыхъ, сталъ убѣжденнымъ защитникомъ народнаго образованія, какъ главнаго и единственнаго залога успѣшнаго цѣлесообразнаго и жизненнаго проведенія всѣхъ другихъ необходимыхъ реформъ въ жизни крестьянства, а во вторыхъ, сталъ не менѣе убѣжденнымъ противникомъ образованія въ томъ видѣ, какъ оно нынѣ по закону поставлено. А потому, считая своей обязанностью, какъ землевладѣльца, какъ гласнаго земства и вообще какъ русскаго человѣка, говорить правду о томъ, что я вижу плохого, и предлагать то, что по моему разумѣнію хорошо, я и позволилъ себѣ выступить передъ губернскимъ земствомъ съ настоящимъ моимъ докладомъ“.

Причинъ неудовлетворительной постановки дѣла г. Зыбинъ указываетъ двѣ: 1) неудовлетворительность школьной программы (этой причины, какъ и многочисленныхъ выводовъ автора по адресу правительства и закона, мы здѣсь касаться не будемъ вовсе); 2) контингентъ учителей народныхъ школъ и ихъ соціальное положеніе (вотъ эта-то причина въ данный моментъ является наиболѣе интересною въ нашихъ цѣляхъ всесторонняго освѣщенія вопроса); что касается школьныхъ учителей и учительницъ (цитируемъ г. Зыбина), то все это—молодые, честные, добросовѣстные силы, но такія, которыя еще сами вчера учились и которымъ еще слѣдуетъ много и долго учиться; и вотъ эти неопытные дѣти отправляются учить и воспитывать другихъ дѣтей въ

обстановкѣ, совершенно имъ незнакомой, и, главное, нравственно и матеріально весьма тяжелой, и начинаютъ вершить то дѣло, для котораго нужны и любовь, и талантъ, и долговременный опытъ. Странная вещь: для того, чтобы вырастить собаку или лошадь, хозяинъ обратится непременно къ специалисту, знающему дѣло по опыту, и не поручитъ это дѣло первому встрѣчному, а для того, чтобы воспитать человѣка, какъ оказывается, спеціальнаго знанія вовсе не требуется,—такъ какъ какое же спеціальное знаніе, какой опытъ у 18-лѣтняго юноши или дѣвицы, кончившей курсъ начальнаго училища?*

По мнѣнію г. Зыбина, „положеніе народнаго учителя должно быть твердое и высокое какъ въ социальномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи: должность эта должна быть почетная, корпорація учителей сильная, матеріально независимая, пополняться она должна людьми съ высокимъ образовательнымъ и возрастнымъ цензомъ; и тогда можно требовать настоящаго воспитанія народа“.*)

Опускаемъ нападки г. Зыбина на священниковъ—законоучителей...

Какъ извѣстно, на святкахъ 1902-1903 г.г. въ Москвѣ состоялся первый съѣздъ представителей учительскихъ обществъ взаимопомощи, на которомъ характерный обмѣнъ мнѣній вызвалъ докладъ доктора Д. Д. Бекарякова „о мѣрахъ къ поддержанію здоровья учащихся“. По мнѣнію докладчика необходимо, „чтобы число учащихся на одного преподавателя не превышало сорока“.

„Наши русскія условія“—нашла Л. Н. фонъ-Рутценъ—„не позволяютъ провести въ жизнь этого дѣйствительно хорошаго и при другихъ условіяхъ необходимаго ограниченія: половина Россіи неграмотна! Попробуйте ограничить число учащихся нормою въ 40 человѣкъ и осуществленіе идеи всеобщаго обученія отодвинется въ далекое будущее. Подобная мѣра губительно отзовется на народномъ образованіи: многихъ учениковъ придется удалить изъ школъ“.

Мнѣніе Л. Н. фонъ-Рутценъ кое-кто поддержалъ тотчасъ же, однако большинство высказалось противъ предположенія

*) Всѣ цитаты взяты изъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“. Въ книгѣ Дюлона „Изъ Америки“ встрѣчаемъ аналогичныя сѣтованія по поводу молодого возраста американскихъ учительницъ. Л. М.

такихъ тяжелыхъ русскихъ условій. Я добавлю, что это было въ 1903 году, до русско-японской войны и всѣхъ послѣдующихъ внутреннихъ смутъ и волненій, хотя, для меня въ данномъ случаѣ интересенъ самый прецедентъ, ясно показывающій—неосвѣщенность и неопредѣленность этого вопроса.

Ораторы возражавшіе противъ только что изложеннаго мнѣнія говорили приблизительно слѣдующее: Заявленіе госпожи фон-Рутценъ объ отдаленіи всеобщаго обученія несправедливо, потому что Россія—богата; только на народное образованіе у насъ расходуется очень мало. Мы слышимъ о двойномъ и тройномъ трудѣ учителя: учащее, молъ, обязано принимать всѣхъ инущихъ свѣта, такъ какъ церецполненіе школы зависитъ отъ недостатка средствъ. Но въ томъ, что и дѣло, что существуютъ условія, неблагопріятныя для лучшей постановки дѣла. Госпожа фонъ-Рутценъ хочетъ провести хорошее дѣло—дѣло народнаго образованія, не считаясь съ силами: учащихся, хорошее дѣло требуетъ и хорошихъ средствъ...*)

Предложеніе докладчика доктора Д. Д. Бекарякова было принято.

Извѣстный земскій дѣятель Кн. П. Д. Долгоруковъ, также выступавшій на этомъ же сѣздѣ докладчикомъ, почти одновременно съ этимъ помѣстидъ въ мартовской книгѣ журнала „Образованіе“ за 1903 годъ статью подъ такимъ заглавіемъ: „О начальныхъ училищахъ. О пересмотрѣ положенія о начальныхъ училищахъ 25 мая 1874 года“. Въ этой статьѣ мы, между прочимъ, встрѣчаемъ слѣдующее сredo автора.

„Но нашему глубокому убѣжденію, школа должна быть въ концѣ концовъ государственная, то есть государство, въ широкомъ смыслѣ этого слова, какъ совокупность всѣхъ гражданъ, и при ближайшемъ участіи ихъ въ дѣлахъ управленія, обязано давать возможность каждому подростающему гражданину извѣстный минимумъ знаній, называемый начальнымъ образованіемъ, наблюдать, чтобы этотъ минимумъ всѣ проходили и, кромѣ того, такъ построить общую систему своихъ школъ чтобы всякій, окончившій начальную школу могъ при благоприятныхъ условіяхъ (**), и дойти до высшей.

*) Дневникъ сѣзда № 4; см. также „письмо къ редакторамъ Дневника“ въ № 8.

Л. М.

**) Курсы мой

Л. М.

Въ этомъ отношеніи особенно поучителенъ примѣръ Англіи, такъ какъ въ ней, несмотря на всю преобладающую роль частной и общественной инициативы въ всѣхъ отрасляхъ жизни, государство въ школьномъ дѣлѣ въ послѣднее время выступаетъ все въ болѣе объединяющей, а отчасти и поощряющей роли⁴.

Печальный докладъ Казанской губернской земской управы Собранію послѣдней очередной сессіи 1902 года даетъ поводъ г. В. В. Хижнякову указать, что нота разочарованія въ современной начальной школѣ, которая слышится въ докладѣ Казанской управы, не составляетъ ея особенности. Въ послѣднее время подобная же оцѣнка постановки начального обученія и школьной программы дѣлается все болѣе общою, и это ярко выразилось въ рѣчахъ общественныхъ дѣятелей и постановленіяхъ различныхъ общественныхъ собраній, состоявшаго года⁵).

„Россія нуждается“, — говоритъ въ своемъ докладѣ Крестомская губернская управа, — „не въ распространѣніи грамотности, на чемъ мы держимся доселѣ, а именно въ народномъ образованіи и просвѣщеніи“.

„Школа“, — по словамъ предсѣдателя Грязовецкаго (Вологодской губерніи) губернскаго комитета о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, г. Брянчанинова, — „тогда только удовлетворяетъ своему высокому назначенію, когда она даетъ ученику такую подготовку, такую сумму знаній, такое развитіе, что окончившій въ ней курсъ можетъ продолжать свое образованіе чтеніемъ полезныхъ книгъ, когда она возбуждаетъ въ немъ интересъ къ общественнымъ вопросамъ, когда она, постепенно развиваясь, чувствуетъ себя свободною личностью и, сознавая свое собственное человеческое достоинство, будетъ признавать его цѣль другихъ“... Для освобожденія народа отъ тяжелаго ига умственного мрака и нравственнаго неразвитія „требуется не жалкіе инициативы въ видѣ земскихъ начальныхъ училищъ или скромныхъ, по своимъ размѣрамъ и еще болѣе по своему содержанію, библиотечекъ съ ограниченными каталогами, а необходимы мѣры радикальныя, измѣненія коренныя, обоснованныя на правильной системѣ“.

⁴) В. В. Хижняковъ, очередныя земскія собранія сессій 1902 г. Журналъ „Народное Хозяйство“ за 1903 годъ, книга 1-ая. Л. М.

Таковы упреки, обвиненія, туманныя перспективы будущаго, выходящія изъ извѣстной категоріи взглядовъ земскихъ и общественныхъ дѣятелей...

Ну, а учителя? педагогическій персоналъ?..

Вѣдь, изъ кучи всѣхъ этихъ, иногда противорѣчивыхъ мнѣній и запросовъ можно же прийти къ какому-нибудь положительному выводу и разъ намѣчены недостатки, энергично двинуться по пути ихъ исправленія, усовершенствованія, переработки системы, если это дѣйствительно вызывается жизненными требованіями.

Что касается недостатковъ, отчасти намѣченныхъ выше и зависящихъ отъ свойствъ и условій существованія определенной профессиональной среды, то они безусловно есть и съ ними необходимо серьезно считаться.

Не даромъ же первый съѣздъ учителей городскихъ по положенію 1872 года училищъ въ Москвѣ призналъ желательнымъ, чтобы для приготовленія учительницъ были учреждены учительскіе институты, по образцу мужскихъ.

На открытіи этого съѣзда 2 Января 1903 года директоръ учительскаго института Ѳ. И. Егоровъ, сообщивъ краткую исторію возникновенія съѣзда, разрѣшеннаго бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія (нынѣ покойнымъ), генералъ-адъютантомъ П. С. Ванновскимъ, такими словами заключилъ свою рѣчь:

„Нашъ съѣздъ чисто профессиональный; затрагиваемые имъ вопросы могутъ интересовать только учителей городскихъ училищъ; поэтому введеніе въ съѣздъ постороннихъ элементовъ могло бы помѣшать дѣятельности съѣзда“.

«Сознаніемъ въ средѣ учителей, что голосъ ихъ будетъ имѣть извѣстное значеніе въ разрѣшеніи общихъ вопросовъ, относящихся какъ къ учебно-воспитательной постановкѣ, такъ и къ самому школьному строю—читаемъ мы въ газетѣ „Новое время“—«закрѣпится вѣра учителей въ свое призваніе, возрастетъ интересъ къ своему профессиональному труду, превратитъ педагогическое дѣло изъ ремесленнаго, формальнаго въ живое“.*)

Не входя здѣсь въ оцѣнку и анализъ политики обще-

*) „Новое Время“ отъ 9 января 1903 года. Статья «къ общественному положенію учителей». Л. М.

ственныхъ дѣятелей съ представленіемъ идей школы государственной, и приведу здѣсь матеріалы по вопросу объ учительскихъ курсахъ и съѣздахъ.

За границей положеніе этого вопроса во много разъ представляется болѣе благопріятнымъ и, если хотите, даже болѣе раціональнымъ. Общеніе между учителями за границею считается не только полезнымъ и рекомендуемымъ, но даже и обязательнымъ. Больше того, законъ обязываетъ учителей посѣщать учительскіе съѣзды, созываемые ежемѣсячно, точно также, какъ онъ обязываетъ 'каждаго подростоващаго ребенка пройти курсъ начальнаго обученія.

Въ самомъ дѣлѣ, по параграфу 5-му инструкціи окружнымъ инспекторамъ въ герцогствѣ Гота, имъ предписывается ежегодно созывать по шести учительскихъ съѣздовъ по участкамъ, учителя же каждаго школьнаго района должны собираться, по меньшей мѣрѣ, ежемѣсячно. Кромѣ того предписывается одинъ разъ въ годъ собирать всѣхъ учителей герцогства.

Въ Пруссіи уѣздная инспекція училищъ обязана созывать учительскіе съѣзды возможно чаще, при чемъ, однако, допускаются также съѣзды учителей и по ихъ желанію и ихъ собственной инициативѣ.

Учительскіе съѣзды для меня представляются собраніями, члены которыхъ, и учителя и учительницы народныхъ школъ, подъ предѣдательствомъ руководителя, обсуждаютъ различные вопросы начальнаго народнаго образованія, выясняютъ нужды и потребности этого дѣла, являющіяся по мѣрѣ его развитія, и постановляютъ по всѣмъ разобраннѣмъ и дебатированнымъ свои заключенія и пожеланія.

Въ Россіи учительскіе съѣзды въ первое время существованія земства разрѣшались довольно легко; затѣмъ устройство ихъ стало регулироваться различными правилами и формальными условіями, а въ 1885 году состоялось распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія, которымъ съѣзды учителей были запрещены вовсе. Это воспрещеніе сохраняло свою силу до 1899 года, когда съѣзды эти были разрѣшены съ большими и весьма существенными ограниченіями, касающимися какъ самого порядка разрѣшенія съѣздовъ, такъ и ихъ организаціи и правъ устроителей ихъ, главнымъ образомъ, земствъ.

Согласно правилъ 1899 года, учительскіе съѣзды могутъ устраиваться только по-уѣздно, губернскіе же съѣзды учителей и учительницъ не допускаются. Уѣздные съѣзды учителей, на программу которыхъ земства могутъ имѣть самое незначительное вліяніе, ограничены срокомъ продолжительности своей не болѣе семи дней. Быть можетъ, исходя изъ вѣчнаго соперничества за свои права съ представителями вѣдомства народнаго просвѣщенія, земства за послѣдніе годы крайне рѣдко устраивали учительскіе съѣзды, преимущественно предпочитая организовывать педагогическіе курсы.

Однако, какъ говоритъ А. Пругавинъ, «хотя у педагогическихъ курсовъ и учительскихъ съѣздовъ имѣется, разумѣется, немало точекъ соприкосновенія, но въ общемъ цѣли и задачи ихъ различны».

Коммиссія 1-го съѣзда представителей учительскихъ обществъ взаимопомощи, работавшая подъ предсѣдательствомъ князя Петра Дм. Долгорукова, по этому вопросу пришла къ такимъ заключеніямъ. Учительскіе съѣзды могутъ созываться: во-первыхъ, самими учителями, причемъ, пока у учителей не будетъ организованнаго корпоративнаго устройства, извѣстная, опредѣленная часть всего количества учителей той территоріи, для которой созывается съѣздъ, подаетъ письменное заявленіе о созывѣ съѣзда или учительскому обществу взаимопомощи, или общественнымъ учрежденіямъ, содержащимъ школы, или училищному совѣту, или учебному комитету; во-вторыхъ, учительскими обществами взаимопомощи, другими учительскими организаціями; далѣе, общественными, учрежденіями, содержащими школы, если въ данной мѣстности нѣтъ учительскихъ обществъ; наконецъ, училищнымъ совѣтомъ или учебнымъ начальствомъ. Учрежденія, созывающія съѣзды, опредѣляютъ ихъ составъ, срокъ, продолжительность, программу и вырабатываетъ инструкцію, касающуюся порядка съѣзда. Открываются съѣзды явочнымъ порядкомъ, посредствомъ заявленія попечителю учебнаго округа. *)

Говорить о томъ, что все это—самыя крайнія мнѣнія, съ которыми даже не стоитъ и считаться, въ наше время было бы весьма опрометчиво, но задаться вопросомъ: Не пострадаетъ ли отъ этихъ мѣстныхъ сепаратистскихъ, авто-

*) „Русскія Вѣдомости“ за 1903 годъ, № 6; Дневникъ съѣздовъ № 10. Л. М.

номныхъ стремленій общая согласованность школьнаго дѣла? отнюдь не лишне.

Что касается педагогическихъ курсовъ, выше названныхъ мною временными семинаріями, то они представляютъ собою учительское собраніе, организованное, именно, въ формѣ временнаго учебнаго заведенія для обученія и усовершенствованія учителей въ теоріи и практикѣ педагогическаго дѣла. Многія губернскія земства, желая, чтобы педагогическіе курсы приносили учительскому персоналу возможно большую пользу не только черезъ ознакомленіе съ чисто спеціальными вопросами учительской техники, но чтобы они въ тоже время способствовали расширенію умственнаго кругозора учителей и учительницъ и увеличенію запаса ихъ знаній, приглашали профессоровъ высшихъ учебныхъ заведеній и специалистовъ, получившихъ извѣстность къ наукѣ и практикѣ, для чтенія лекцій по психологіи, гігіенѣ, естествознанію, міровѣдѣнію, исторіи, литературѣ и т. п. предметамъ.

Первый параграфъ правилъ 1875 года такимъ образомъ опредѣляетъ задачу учительскихъ педагогическихъ курсовъ: „Временные педагогическіе курсы имѣютъ цѣлью ознакомленіе мало-подготовленныхъ учителей и учительницъ начальныхъ народныхъ училищъ съ лучшими способами обученія, а также обновленіе и пополненіе ихъ свѣдѣній въ преподаваемыхъ ими предметахъ и, вообще, усовершенствованіе ихъ въ дѣлѣ веденія начального обученія“. По поводу неудачнаго выраженія «мало-подготовленные учителя» приходится согласиться съ мнѣніемъ Московской комиссіи по народному образованію, утверждавшей, что какую бы основательную школьную подготовку ни получилъ народный учитель, черезъ нѣсколько лѣтъ учительской работы онъ неизбѣжно окажется отставшимъ и слѣдовательно „мало-подготовленнымъ“, говоря кратко, такимъ образомъ, освѣженіе знаній и педагогическихъ пріемовъ черезъ извѣстные промежутки времени необходимо, вообще, для всѣхъ народныхъ учителей.

Та же комиссія перваго съѣзда учительскихъ обществъ взаимопомощи, работавшая подъ предсѣдательствомъ князя Петра Дм. Долгорукова, доложила съѣзду такіа соображенія по вопросу о курсахъ.

Учителя народныхъ школъ нуждаются въ пополненіи и расширеніи своихъ личныхъ знаній по предметамъ какъ

педагогическимъ, такъ и общеобразовательнымъ. Общеобразовательные курсы соответствуютъ не только насущной потребности учительскаго персонала, но и цѣлаго ряда лицъ разнообразныхъ знаній и профессій. Въ виду этого болѣе цѣлесообразнымъ является устройство курсовъ не спеціально учительскихъ, а общественныхъ. *)

Право учрежденія курсовъ должно принадлежать какъ общественнымъ учрежденіямъ, такъ и частнымъ лицамъ, педагогическимъ, просвѣтительнымъ и другимъ обществамъ, а также обществамъ взаимопомощи учащихся. Для облегченія устройства курсовъ, желательно устройство лекціонныхъ бюро во всѣхъ городахъ, гдѣ есть высшія учебныя заведенія, учебныя общества и тому подобныя учрежденія, по примѣру московскаго бюро при обществѣ распространенія техническихъ знаній.

Желательно, чтобы земства и другія общественныя учрежденія (вѣроятно, городскія управленія?), которыя почему-либо сами не могли устроить курсовъ, командировали учащихся на курсы въ другія губерніи по соглашенію съ ихъ учредителями, приходя имъ на помощь своими средствами въ видѣ постоянныхъ пособій. Кромѣ курсовъ, организованныхъ какъ самостоятельныя учрежденія, желательно устройство общедоступныхъ курсовъ при высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, обладающихъ обширными помѣщеніями, лабораторіями, библіотеками и наглядными пособіями. Желательно, чтобы разрѣшенія на учрежденіе курсовъ и утвержденіе лекторовъ давались своевременно безъ излишней регламентации и стѣсненій.

Комиссія считаетъ самымъ благоприятнымъ условіемъ, для безпрепятственнаго развитія дѣла народнаго образованія

*) Не знаю, можетъ быть, въ этомъ отношеніи я и неправъ, но, говоря слова поэта,

Мѣшать два эти ремесла

Есть тѣмъ охотниковъ;

И не изъ ихъ числа...

Я лично не понимаю такого сліянія общеобразовательныхъ учительскихъ курсовъ съ общеобразовательными курсами общественнаго характера. Общеобразовательныя знанія, дѣйствительно, нужны разнымъ категориямъ лицъ и профессій: техникамъ, офицерамъ, журналистамъ, ремесленникамъ, рабочимъ и т. д., но не надо забывать, что самыя знанія эти, ихъ кругъ и объемъ принадлежатъ къ разнымъ педагогическимъ ступенямъ.

Л. М.

явочную систему при учрежденіи общеобразовательныхъ и педагогическихъ курсовъ и лекцій. Но такъ какъ необходимо пока считаться съ существующими въ учебномъ вѣдомствѣ традиціями, то коммиссія представила проекты положеній о курсахъ на случай, если бы явочная система не была допущена.

По проекту общеобразовательныхъ курсовъ, они устраиваются обществами, органами самоуправленія, частными лицами. Курсы находятся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, если они устраиваются, какъ самостоятельныя учрежденія, и разрѣшаются тогда властью попечителя мѣстнаго учебнаго округа. Если же курсы организуются при учебныхъ заведеніяхъ, то они состоятъ въ вѣдѣніи того министерства, которому подчинено данное учебное заведеніе, и разрѣшаются тѣмъ порядкомъ, который будетъ установленъ въ данномъ вѣдомствѣ.

Курсы предназначаются или для учащихся обоого пола, или вообще для лицъ, желающихъ пріобрѣсти познанія въ общеобразовательныхъ предметахъ. Ближайшее завѣдываніе, учебной частью курсовъ возлагается на особаго завѣдующаго, избираемаго учредителями курсовъ и утверждаемаго попечителемъ учебнаго округа. Преподаватели курсовъ избираются учредителями и утверждаются попечителемъ учебнаго округа. Преподаватели курсовъ, а равно и представители отъ учрежденій составляютъ педагогическій совѣтъ съ выборнымъ председателемъ для обсужденія и рѣшенія всѣхъ вопросовъ, касающихся веденія учебнаго дѣла курсовъ.

Педагогическіе курсы, по проекту коммиссіи, устраиваются тѣмъ же порядкомъ, какъ и общеобразовательные. Выборъ учебныхъ предметовъ принадлежитъ учредителямъ курсовъ, программы же преподаванія составляются руководителями по соглашенію съ учредителями и утверждаются попечителемъ учебнаго округа.

Не входя въ детальное разсмотрѣніе этихъ проектовъ и не занимая той или иной позиціи въ жгучемъ вопросѣ о прерогативахъ учредителей или единого руководства центральныхъ правительственныхъ учреждений, я долженъ, однако, отмѣтить, что въ Россіи вообще однимъ изъ самыхъ большихъ вопросовъ является педагогическая подготовка учителей. Въ Россіи, для которой К. Д. Ушинскій настаивалъ

на кафедрѣ педагогики въ университетѣ, учителя техническихъ, профессиональныхъ, подготовительно-профессиональныхъ и многихъ другихъ школъ чаще всего лица съ солидными познаніями и спеціальными, и общими, но почти вовсе не знакомыя съ методами, приёмами педагогики, съ крайне труднымъ и важнымъ искусствомъ обученія. Вотъ почему, по моему личному мѣнію, эти жизненные вопросы и на курсахъ должны занять первенствующее мѣсто.

О сѣздахъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію въ связи съ разсмотрѣніемъ очередныхъ отчетовъ дѣятельности постоянной комиссіи по техническому образованію Императорскаго Русскаго Техническаго общества я полагаю дать свѣдѣнія въ особомъ очеркѣ, обѣщанномъ другому органу и связанномъ съ предыдущими единствомъ критическаго отношенія.

Л. Мищенко.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Школа въ нѣмецкихъ колоніяхъ.

Въ каждомъ, хотя маленькомъ, нѣмецкомъ селѣ имѣется школа и въ ней—русскій учитель. Въ маленькихъ и бѣдныхъ селахъ школой, зачастую, служитъ церковь, а въ селахъ побольше и побогаче—выстраивается спеціально училищное зданіе, но почти всегда съ отсутствіемъ опредѣленнаго удобнаго плана. Нѣмецкая школа представляетъ изъ себя зданіе о двухъ комнатахъ—и только.

Ни рекреаціоннаго зала, ни, взамѣнъ зала, большого коридора, ни учительской—ничего этого почти нигдѣ не существуетъ. Это, однако, не мѣшаетъ нѣмецкимъ сельскимъ обществамъ затрачивать довольно солидныя суммы на постройки школъ. Напр., я знаю школу стоимостью въ 12 тысячъ руб., по словамъ старосты, а между тѣмъ она не имѣетъ ни зала, ни хорошаго коридора, и ко всему тому громадныя классныя комнаты очень плохо нагрѣваются. И такія неудобства сплошь да рядомъ. А средства выбрасываются порядочныя. Зависитъ это оттого, что строительныя комиссіи состоятъ всегда изъ нѣмцевъ—поселянъ, несвѣдущихъ въ строительномъ дѣлѣ.

Строить школы такъ, чтобы много мѣстъ было во время уроковъ; внѣ таковыхъ—какъ себѣ кто хочетъ. И вдобавокъ еще не имѣется и форточекъ. Лично я служу въ третьей нѣмецкой школѣ; видѣть же таковыхъ приходилось очень много и, къ сожалѣнію, хорошей вентиляціи нигдѣ не встрѣчалъ. Зачастую никакой вентиляціи не бываетъ. На переменахъ ученики остаются въ классахъ и воздухъ дѣлается настолько испорченнымъ, что нѣтъ физической возможности заниматься. Чувствуется духота, жара, и въ этой атмосферѣ надо заниматься. Къ этому присоединяется еще и тяжелое преподаваніе въ инородческой школѣ. Именно: нѣмецкія дѣти, являясь въ школу, не имѣютъ ни малѣйшаго понятія даже о произ-

пошеіи русскихъ словъ. И вотъ эту, въ полномъ смыслѣ слова, темную толпу надо образовать, т. е. научить по-русски читать, писать, понимать и говорить. Они не только по-русски, но и по-нѣмецки (такъ какъ преподаваніе ведется на литературномъ языкѣ, а не на томъ нарѣчій, которымъ говорятъ наши нѣмцы) не понимаютъ почти ни слова.

Обученіе должно вестись реально, натурально. Каждый день обученіе отнимаетъ у учителя часть здоровья, силы, терпѣнія. Говорить съ этими дѣтьми и говорить съ предметами неодушевленными—одно и то же. Приходится всякую вещь таскать на урокъ, что-бы дать дѣтямъ возможность наглядно ознакомиться съ названіями простѣйшихъ предметовъ. Но если дѣло касается ознакомленія съ предметами отдаленными или съ такими, которые нѣтъ возможности тащить на урокъ, тогда для учителя чрезвычайно трудно. Въ этомъ случаѣ много помогаетъ хотя поверхностное знаніе нѣмецкаго языка. Но такое знаніе у русскаго учителя можетъ встрѣтиться лишь въ видѣ исключенія. Трудность преподаванія зависитъ еще и оттого, что нѣмецкія школы, въ большинствѣ случаевъ, не имѣютъ въ своемъ распоряженіи ни наглядныхъ пособій, ни хорошихъ образцовыхъ ученическихъ библіотекъ и ничего того, что могло бы способствовать болѣе легкому и успѣшному веденію дѣла. Если гдѣ-либо (какъ исключеніе) есть библіотека, пріобрѣтенная безъ всякой программы, то она совершенно непосильна для учениковъ инородческихъ школъ, ибо состоитъ изъ книгъ русскихъ писателей: Достоевскаго, Шеллера-Михайлова и др. Въ большинствѣ же случаевъ ни какихъ библіотекъ не имѣется. А если бы дѣти имѣли возможность пользоваться книгами сообразно своему возрасту и степени развитія, такъ чтобы выясненіе отвлеченныхъ понятій могло производиться наглядно,—тогда получились-бы результаты иные. Мало того, что извѣстная школа не имѣетъ книгъ для чтенія; но даже если имѣетъ, то я не встрѣчалъ чтобы учителя заботились о развитіи дѣтей, хотя бы путемъ совѣтовъ чтенія хорошихъ книгъ. Для систематическаго и послѣдовательнаго развитія душевныхъ и умственныхъ силъ ребенка должна быть выработана совѣтомъ учителей строгая, посильная для всѣхъ возрастовъ ученическая инородческая программа чтенія книгъ, а также программа обученія. А у насъ обыкновенно привыкло валить въ душу дитяти всякій грузъ, который онъ не въ си-

лахъ тащить. Если же дѣло касается предметныхъ уроковъ, то учитель оказывается безпомощнымъ въ смыслѣ выясненія понятій, ибо пособія отсутствуютъ. Съ большимъ трудомъ приходится выпрашивать у сельскаго старосты нѣсколько рублей на приобретеніе пособій или книгъ для библіотеки; и если просьбы бывають успѣшны, то лишь какъ исключеніе. По большей же части совершенно отказываютъ, мотивируя тѣмъ, что обученіе состоитъ не въ картинахъ, кускахъ деревъ и пр.—а чтобы научить читать—писать. Ну и учатся!. Чего же лучше!

Итакъ, вслѣдствіе изложенныхъ причинъ, постановка школьнаго дѣла въ нѣмецкихъ селахъ стоитъ на самой примитивной ступени. Обученіе ведется слабо, почти безуспѣшно; познанія учениковъ—бѣдны, сухи. Спрашивается, что же могутъ дѣти пройти въ продолженіе курса въ нѣмецкой школѣ? А вотъ что. Программа учебнаго матеріала равняется программѣ русскихъ эемскихъ школъ, а курсъ 4-5 лѣтній. Выполненіе программы немыслимо, а поэтому я скажу только, что можетъ быть пройдено. Въ первый годъ обученія дѣти (не всѣ) выучиваются читать и писать, а равно знать нѣкоторыя слова: 1. классная мебель, 2. учебныя вещи, 3. домашнія и нѣкоторыя дикія животныя, 4. домашнія птицы, 5. посуда, 6. мебель, и нѣкотор. др. Причемъ не въ состояніи составить ни одного предложенія. Во второй годъ—научаются читать болѣе бѣгло, но механически, а писать съ прописными буквами. Усваивають названія предметовъ, которыя были забыты за каникулы и пополняютъ лексиконъ своихъ словъ названіями растеній, деревъ, цвѣтовъ мѣсяцевъ, дней, звѣрей и др., а также знакомятся съ дѣйствіями предметовъ въ настоящемъ, прошедш. и будущ. врем., но чисто машинально, ибо нигдѣ не примѣняютъ на практикѣ, кромѣ школы.

Въ третій годъ—упражняются въ русскомъ правописаніи и заучивають граммат. правила. Дается понятіе о предложеніи; ведется объяснительное чтеніе маленькихъ статей и пересказъ ихъ, но съ большимъ усиліемъ и больше наизусть. 4 годъ обученія—начинають изучать части рѣчи и съ большимъ трудомъ понимаютъ, не умѣя примѣнять на практикѣ. Объяснительное чтеніе ведется съ трудомъ, а историческія свѣдѣнія почти не даются ихъ пониманію. Вообще, обученіе не-

уравновѣшенное, ибо приходится спѣшить выполнить программу, боясь ревизіи Инспектора. Это весь учебный матеріалъ, который можетъ быть пройденъ при упорномъ трудѣ учителя. И въ результатѣ: дѣти, окончившія школу, неумѣющія говорить по-русски и почти непонимающія, что говорить—и надломленное и утерянное здоровье учителя! И это все, что можетъ дать современная инородческая школа!

Сергій Жабокрикъ.

Антирусскому-Травиновцу Гавріилу.

Мнѣ кажется, я не ошибусь, если скажу, что Травиновецъ Гавріилъ принадлежитъ къ племени семитовъ если не фактически, то по духу, судя по тону статьи его, которая можетъ служить образчикомъ анти-славянской логики.

Очень жаль, что Вы, г. Травиновецъ Гавріилъ, страхи ради іудейска, не дали полной рецензіи о статьѣ моей „Воспоминанія“; но и приведенныхъ Вами цитатъ достаточно для того, чтобъ составить понятіе съ какимъ литературнымъ критикомъ приходится имѣть дѣло. Сразу видно, какого поля ягода оппонентъ. Вы слишкомъ субъективно и пристрастно смотрите на дѣло просвѣщенія... „Безъ драки хотите попасть въ большіе забіяки“...

Но дѣло не въ этомъ. Я хочу съ Вами, г. Гавріилъ Травиновецъ, поговорить на тему, которая очевидно задѣла Васъ такъ за ретивое, что заставила разразиться цѣлымъ потокомъ колкихъ словъ и двусмысленно-глупыхъ фразъ въ защиту „свабоднаго человѣка“.

Мнѣ тоже стыдно, что въ семьѣ учителей есть экземпляръ (типикъ), который въ сужденіи о просвѣщеніи и т. п. ушелъ не дальше гоголевскаго Петрушки, а берется еще рѣшать такіе вопросы и ставить обобщенія и выводы, которые далеко ему не по плечу, какъ ни старается онъ прикинуть все на свой масштабъ. Но я уклоняюсь отъ главнаго. Прежде всего я хотѣлъ бы знать, какъ Вы понимаете слово „антисемитизмъ“.

Я противъ наплыва евреевъ не только въ гимназіи, но и въ городскія училища. Вѣдь если бы не было 10-процентной нормы, то не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ училища переполнились бы еврейской молодежью настолько, что не только способнымъ дѣтямъ крестьянъ (а только такихъ имѣлъ въ виду), а и большинству небогатыхъ жителей города не удалось бы

пробиться туда за Борухами и Рявками... Тогда всё училища сдѣлались бы революціонными очагами (подпольными, изъ-за-угла) вплоть до поруганія русской святыни.

Что значить фраза: „политическая незрѣлость мысли?“ Мнѣ кажется, что Вы сами-то понимаете ее не лучше, чѣмъ ореографію и стилистику. Вы еще мелко плаваете и плохо разбираетесь въ принципиальныхъ вопросахъ учительской и врачебной этики, хотя дерзаете причислять себя къ прогрессивному лагерю, къ „товарищамъ учителямъ“, чего Вы, М. Г., не заслуживаете и на словахъ. Кто далъ Вамъ право приносить имя товарищей учителей всеу?

Вы смахиваете въ своихъ сужденіяхъ скорѣе на цадика-учителя, чѣмъ на культурнаго „товарища учителя“. Одного термина «учители» еще не достаточно для причисленія себя къ учителямъ въ качествѣ «товарища учителя». Только цадикъ способенъ на такую галиматью, какая попала на страницы 2 кн. Откликовъ.

Если Вы не „изъ нашихъ“, то почему же такъ близко принимаете слово „Борухъ?“ Почему вообще Борухъ, Гершико и Янкель предпочитаютъ называть себя Борисомъ, Гавріиломъ, Яковомъ? И откуда Вы вывели заключеніе, что словомъ „Борухъ“ я оскорбляю прогрессивный элементъ „нашихъ товарищей учителей“?.. Послѣ одного этого заявленія вы, Гавріилъ Травиновецъ, уже недостойны называть себя товарищемъ учителей вообще, а не только прогрессивныхъ, тѣмъ болѣе, что изъ вашей логики и наивной аргументаціи еще не видно, чтобы вы обладали качествами культурнаго человѣка даже для деревни. Очевидно вамъ удалось попасть въ *нашъ* журналъ, который выше всякихъ партійныхъ счетовъ, лишь благодаря тому, что редакторъ даетъ мѣсто каждому учителю или выдающему себя за такового (извините, но я не вѣрю, чтобы такой малограмотный и наивный человѣкъ, какъ вы, былъ учителемъ). Я не врагъ евреевъ, но желалъ бы, чтобы коренной элементъ Россіи не игралъ второстепенной роли въ школахъ всѣхъ типовъ. Вѣдь нашъ народъ на своихъ плечахъ вынесъ не мало, и кормить и евреевъ и не евреевъ.

Описываетесь, г. Травиновецъ Гавріилъ, и въ томъ, что крестьяне прибѣгаютъ къ зубнымъ врачамъ, особенно въ городѣ, который изобилуетъ „зубовыми врачами“. Я и не мужикъ,

а не прибѣгалъ ни разу въ жизни къ зубному врачу, хотя перенесъ сильнѣйшія зубныя боли и лишился нѣсколькихъ зубовъ. Мужикъ обращается только въ крайней надобности къ участковому врачу, если таковой имѣется въ томъ же селѣ, а то осаждаютъ больше „фершала“, испробовавъ рядъ „домашнихъ средствъ“ предварительно. Я бытъ народа лучше знаю, чѣмъ (какъ думается) Вы, ибо 22 года живу съ нимъ. Не дождетесь Вы, г. Гавріиль Травиновецъ, чтобы я на „слѣдующій“ разъ не дѣлалъ исключенія для крестьянина. Запретить мнѣ вы не можете, и даже глупо и смѣшно навязывать свои убѣжденія (да и убѣжденія ли? Не перепѣвы ли съ чужого голоса?) въ такой сантиментально-повелительной формѣ.

Но больше всего меня удивило Ваше заключеніе о томъ, что я „цѣпничаю“ выругалъ „нашихъ учителей“.

Причемъ же учителя (на которыхъ я не позволю, по чувству солидарности, бросить и тѣни), разъ дѣло идетъ „наукахъ-коммерсантахъ“ по „хлѣбнова части“.

Что тутъ общаго!

Вы договорились до геркулесовыхъ столбовъ. Я никогда не возьму своихъ словъ назадъ. Эпитетъ „экземплярець“ пристегиваю къ Вамъ: Вамъ онъ больше къ лицу. „Но правда, то ни грихъ“.

Не только крестьянину, а даже мнѣ, учителю, который вѣкъ учить чужихъ дѣтей, не удастся помѣстить своихъ дѣтей въ гимназію или въ коммерческое училище, гдѣ евреи преобладаютъ. Какой нибудь торговецъ „блистющей ваксы“ помѣщаетъ сына въ среднее учебное заведеніе, а учитель и въ низшемъ не находитъ мѣста для своихъ дѣтей вслѣдствіе наплыва „швабодныхъ людей“. Но я все-таки не смотрю на вопросъ съ племенной точки зрѣнія, а коснулся его мимоходомъ.

Интересно знать, какая кара ждетъ меня и г. Редактора.

Учитель Гавріиль Молчановъ.

Изъ дорожныхъ впечатлѣній.

I.

Въ Самарѣ кончились педагогическіе курсы... Учителя и учительницы сѣлишили, кто на пароходѣ, кто на паровозѣ... Учитель церковно-приходской школы—Х—стоялъ около воротъ нашего учительскаго временнаго общежитія и, останавливая нѣкоторыхъ изъ учителей, спрашивалъ: „вы за извозчикомъ? Сколько у васъ багажа? Дайте мнѣ тотъ двугривенный, который вы обрели извозчику: я донесу ваши вещи до пристани!“ Этимъ предложеніемъ онъ ставилъ своихъ коллегъ въ крайне неловкое положеніе... Услугами его, конечно, никто не воспользовался, но двугривенные, пятиалтынные и гривенники ему давали. Онъ бралъ и говорилъ: „благодарствуйте; теперь будетъ на что мнѣ доѣхать до родной деревни“... Это явленіе удручало учителей и они старались скорѣе забыть о церковномъ учителѣ Х и его нуждѣ.

Учительскіе курсы въ Самарѣ были устраиваемы два года подъ рядъ губ. земствомъ, для учителей земскихъ и министерско-земскихъ школъ губерніи.

Учитель Х попалъ въ нашу семью по просьбѣ одного земскаго учителя, съ которымъ онъ былъ односельчанинъ по школѣ. Мы довольны были, что дали ему возможность слушать наши курсы, жить въ нашемъ общежитіи, питаться въ нашей артельной столовой въ помѣщеніи земской школы сельскихъ учительницъ. Весь мѣсяцъ онъ ходилъ въ залу губ. зем. управы, гдѣ читались лекціи и давались уроки; участвовалъ съ нами въ экскурсіяхъ и прогулкахъ по Волгѣ, посѣщалъ наши товарищескіе танцевальныя вечера и плясалъ „какъ дома“; на скрипкахъ взятыхъ изъ школы учительницъ учителя проходили первую позицію по Бергію; Х учился и игрѣ на скрипкѣ...

Смотрѣли мы на него и были довольны, что среди насъ онъ получилъ возможность примѣнить къ дѣлу свои способности... Наша простота и теплота были благотворною влагою для развитія таившихся въ немъ задатковъ.

Пароходъ Купеческаго общества далъ второй свистокъ, готовясь отойти отъ Самары на низъ. Прошли на пароходъ неторопливые учителя, заспѣшили учительницы. Оглядѣлись мы, всѣ-ли наши тутъ, и попросили накрыть намъ „къ чаю“... Черезъ три часа пароходъ подошелъ къ селу Е—къ... Нѣскольکو пассажировъ, въ томъ числѣ четыре учителя, изъ которыхъ одинъ былъ Х, сошли на этой пристани.

Одинъ изъ учителей, котораго за его физическую и духовную солидность съ первой встрѣчи всѣ коллеги называли Константиномъ Максимовичемъ, ѣхалъ съ курсовъ съ цѣлымъ хозяйствомъ: женою, дѣвочкой дочкой, бабушкой и нянькой; у нихъ было нѣскольکو мѣстъ домашняго скарба... Матросы и кое-кто изъ товарищей помогли К. М. сгрузиться на Е—ую пристань, куда онъ надумалъ заѣхать въ гости къ отцу. Оставалось свести съ парохода робкую его супругу съ дѣтми и дряхлую бабуку...

Вдругъ слышимъ пронзительный женскій вопль о помощи... Оказалось, что на ту-же пристань съ парохода поспѣшили нѣскольکو десятковъ рабочихъ—татаръ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ не было билетовъ.

Пароходская команда старалась удержать ихъ на сходахъ, а татары торопились сойти... Въ эту свалку попала и семья нашего коллеги... Его появленіе на мѣстѣ шума сразу измѣнило картину... Онъ освободилъ изъ плѣна какъ своихъ, такъ и безправныхъ на пароходѣ пассажировъ—татаръ.

Черезъ нѣскольکو минутъ чалки были отданы и пароходъ двинулся далѣе... Произшедшее, вѣроятно, не было выходящимъ изъ ряда вонъ къ пароходской жизни, поэтому администрація парохода спокойно побрела по своимъ мѣстамъ: кто на постъ, кто на отдыхъ... Но вѣдь на пароходѣ были „народные учителя“, пользующіеся вообще репутаціей „безпокойныхъ“, при томъ они ѣхали съ курсовъ, гдѣ жили они цѣлый мѣсяцъ въ атмосферѣ прямо-таки европейской; личность ихъ и чувство несправедливости, забытыя и забытыя въ деревенской глуши, были реставрированы... Все

азіатское они почувствовали моментально; а поступокъ съ жевой нашего товарища, которая къ тому же была въ интересномъ положеніи, да и просто съ „азиатами“—„гололобыми чертами“—былъ именно азіатскій, исключая отсюда—„японскій“ и „китайскій“, которые обращаются другъ съ другомъ нѣжнѣе европейцевъ...

Горячіе учителя попросили матросовъ пригласить въ третій классъ капитана парохода... Пришелъ его помощникъ... Его попросили успокоить пассажировъ обѣщаніемъ, что на слѣдующихъ пристаняхъ такихъ сценъ „борьбы на сходняхъ“ не будетъ... Онъ мягко и „деликатно“ сказалъ, что такой случай въ навигацію первый: обыкновенно „чистая публика“ выходитъ особо отъ черной... А съ этими „гололобыми чертами“ грѣха бываетъ постоянно много... Учителя и часть публики были поражены наивностью этого молодого челоука.

Онъ очевидно считалъ ненормальнымъ въ этой сценѣ только то, что притиснули женщину, а съ „гололобыми чертами“ такъ всегда... Защитники „гололобыхъ“ увѣряли помощника, что безбилетныхъ нужно обнаруживать контролемъ. Онъ отвѣтилъ: „кабы они ѣхали, какъ люди, а то они забьются въ ободья и сидятъ съежившись все время, ихъ и не найдешь“... На это довольно остроумно нашелъ отвѣтъ кладчикъ ободьевъ (ободья возятъ связанными въ цилиндры значительной высоты); онъ сказалъ: „такъ зачѣмъ же вамъ ихъ притѣснять, мѣсто подъ ободья оплатилъ я, стало быть они ѣхали какъ бы у меня на квартирѣ“... Помощникъ нашелся: „мы беремъ и за мѣсто и за грузъ“... Сердитый администраторъ торжественно удалился. Пассажиры долго смѣялись и горевали надъ участію татаръ, которымъ приходится изъ экономіи ѣхать съежившись, „на квартирѣ у кладчика ободьевъ“... Этотъ случай далъ толчекъ уму и сердцу пассажировъ третьяго класса. Мимоходомъ скажу, что я пробоваъ, хотя на послѣдніе гроши, ѣздить во всѣхъ классахъ многихъ волжскихъ пароходовъ и вывелъ заключеніе, что, *говорятъ* только пассажиры третьяго класса, *говорятъ* хорошо, *содержательно*, и всегда просто и откровенно. Пассажиры перваго класса дарятъ другъ друга драгоценными словами, втораго—больше молчатъ, а четвертаго,—большую частью переселенцы, ищущіе куска хлѣба или неудачники

рабочіе, болящіе и т. п.—они или рычатъ или воютъ, да поютъ...

Пассажиры 3-го класса говорятъ. Заговариваютъ они какъ-то скоро, знакомятся не представляясь: одно умное слово, одно вѣрное чувство, искренность голоса, простота взгляда—и пассажиры стали друзьями... Описанный мною случай заставилъ пассажировъ заговорить и очень горячо. Часа три они „калякали“, то успокаиваясь, то разгораясь. Раздѣлились на партіи. Кто осуждалъ К. М., который освободилъ жену фразой: „что за чертъ за порядки на этихъ купеческихъ пароходахъ“ и поднесъ къ фizioноміи матроса. и ногами и руками загораживавшаго сходни, кулакъ... Другіе нападали на татаръ, которые стараются проѣхать „на шарамыжку“ (даромъ). Находились такіе, которые удивлялись самому разговору—„не стоятъ того эти гололобые черти“...

Всѣхъ дольше и содержательнѣе разговаривали въ группѣ составившейся изъ учителей, которые пожертвовали сномъ для разслѣдованія причины всѣхъ причинъ, арендатора одной прибрежной водяной мельницы и нѣсколькихъ степенныхъ мужиковъ, которые раньше охотно „собесѣдовали о перстахъ и аллилуйяхъ“, а теперь слушаютъ и другіе сюжеты...

Въ этой группѣ не осуждали К. М. который своей грубой фразой о порядкахъ просто по русской пословицѣ вышибъ „клинъ клиномъ“. Въ этой группѣ всѣ чувствовали нелѣпность самого существованія на свѣтѣ не просто чернорабочихъ татаръ, а „гололобыхъ чертей“. Каждому было понятно, что не отъ добра человѣкъ нѣсколько часовъ просидитъ съежившись въ ободьяхъ, лишь бы съэкономить 30—40 коп. Всѣ понимали и физическое и нравственное неудобство этого сидѣнья. Съ „гололобыхъ чертей“ перешли „на чертей“—же „сиволапыхъ“—т. е. русскихъ деревенскихъ мужиковъ. Кто ихъ жалѣлъ, осуждая; кто осуждалъ, жалѣя.

Дѣло было далеко за полночь... Въ окна смотрѣли то звѣзды, то, мимолетно, огни встрѣчныхъ каравановъ. Публика поуснула. Не спали только разговаривавшіе, да въ сторонѣ пьяненькіе „сиволапы“ сидѣли за бутылкой, взятой изъ буфета часа два тому назадъ: они заслушались и сидѣли предъ налитыми чарками. Не спала женщина съ младенцемъ у груди... Когда разговоръ началъ пресѣкаться, одинъ

изъ „сиволапыхъ“ пробрался къ группѣ разговаривавшихъ, легъ двоимъ сосѣдямъ на плечи и свѣсивъ голову въ кругъ сидѣвшихъ, проплакалъ пьянымъ голосомъ: „родные, любезные! Какъ вы жалѣете насъ; а вы жалѣйте не словами только, а нутромъ“. Отъ этого стона, пьянаго и скорбнаго, сдѣлалось тяжело на душѣ говорившихъ. Разговоръ прекратился. Кое-кто поднялся, чтобы уходить... У молодой матери заплакало дитя. Она умоляюще сказала: „господа, дайте покой младенцу“... Всѣ пошли въ разныя стороны не прощаясь...

На другой день я съ Хвалынской пристани прибылъ въ родную школу. Потянулись будни, освѣщенные отблескомъ пережитаго праздника—курсовъ. Вспоминались лекціи, профессора, уроки, бесѣды; симпатичныя лица товарищей и друзей. Черезъ три недѣли къ крыльцу моей квартиры подкатился велосипедъ товарища—Васи Ф. Онъ учительствовалъ въ уѣздномъ городѣ и любилъ лѣтомъ, кататься на велосипедѣ по роднымъ степямъ, дѣлая иногда большіе перегоны. Онъ пріѣхалъ изъ с. Е—ки, которое я упоминалъ въ началѣ моего разказа... Искушавшись компаніей въ чистыхъ водахъ Телика, мы засѣли за чай... Разговоръ скоро перешелъ на курсовыя впечатлѣнія. „Когда вы разъѣзжались изъ Самары, я былъ въ Е—кѣ, гостилъ у брата... Ну и типъ обрѣлся у васъ на курсахъ“... Онъ называлъ учителя Х... И не дожидаясь характеристики со стороны собесѣдника, сказалъ: „да, славный малый. Это былъ именно чистый листъ бумаги, нетронутая натура, сумма силъ... Онъ на нашихъ курсахъ достаточно обогатилъ свой умъ и сердце. Онъ попалъ къ намъ по просьбѣ хромого учителя К., будетъ онъ ему благодаренъ за тѣ духовныя богатства какими воспользовался онъ въ Самарѣ“...

— А я добавлю: и матеріальныя... Ха-ха-ха! Ты, вѣрно ничего не знаешь? Ты гдѣ его видѣлъ въ послѣдній разъ?

— На пароходѣ, когда съ Костей произошелъ инцидентъ какъ я писалъ тебѣ въ послѣднемъ письмѣ...

— Хочешь я расскажу тебѣ, что было съ нимъ, потомъ?

— „Рассказывай!“

И посмѣялся и подсадовалъ и погрузился я, когда Васи Ф. разсказалъ мнѣ слѣдующее: Х, мы знали, въ Самару пріѣхалъ безъ багажа, а изъ Самары возвращался съ

двумя узлами „чего-то“, съ зонтикомъ, п скрипкой въ футлярѣ. На конторкѣ спалъ одинъ торговецъ. Х посмотрѣлъ на его карманныхъ часахъ, „сколько времени“, п проснувшись этихъ часовъ не досчитался. Когда ему сказали, что Х. смотрѣлъ ихъ и окружающіе удивлялись тому, что, „другъ“ такъ безцеременно подходитъ къ спящему (всѣ думали, что Х. и спящій товарищи), то торговецъ поспѣшилъ въ село, поднялъ на ноги полицію... Уряднику удалось узнать, что Х. остановился въ портерной. Урядникъ туда... Узнавъ, что объектъ подозрѣнія—учитель, онъ не рѣшился его обыскивать и донестъ о случившемся приставу. Приставъ явился къ Х. и такъ внушительно повелѣ дѣло, что Х. испугался и сознался, что всѣ вещи, кои онъ везетъ,—чужія: часы торговца, скрипка изъ земской школы сельскихъ учительницъ, зонтикъ инспектора народныхъ училищъ, въ узлахъ оказалось нѣсколько наборовъ бѣлья, даже какъ-то попали золотыя серьги... На самомъ Х оказалось три сорочки и сколько же брюкъ...

Этимъ же лѣтомъ, въ августѣ мнѣ пришлось посѣтить Самару. Я встрѣтился тамъ съ учителемъ К, который ввелъ въ нашу среду Х. Ему пришлось раньше насъ оставить курсы, уѣхать на минеральныя воды. Онъ интересовался концомъ курсовъ. Я рассказалъ ему о прощальныхъ рѣчахъ, о проводахъ профессоровъ, о прощаніи другъ съ другомъ учащихся... «Ну что Х? Досидѣлъ до конца курсовъ? Не сбѣжалъ?»—Я ему: твой Х отличился!—„Я такъ и думалъ: онъ, навѣрно, послѣ нашихъ курсовъ попалъ на епархіальныя (они были въ этотъ годъ въ Самарѣ, начавшись во второй половинѣ нашихъ)? Тамъ навѣрно онъ оказался очень развитымъ изъ церковныхъ вольнонаемныхъ учителей?.. Давалъ урокъ и стяжалъ славу?.. Какъ я радъ“. К, очевидно, доволенъ былъ лѣченіемъ, прекрасно себя чувствовалъ и радовался глядя на Божій міръ: это лѣто ему принесло и духовную пищу (на курсахъ) и 50 руб. отъ Земства на лѣченіе больной ноги...

Пока онъ лепеталъ, я обдумывалъ, какъ бы помягче сообщить о поступкѣ Х... Мое сообщеніе опрокинуло настроеніе бѣднаго К, и онъ чуть не рвалъ на себѣ волосы отъ негодованія, что такого дикаря ввелъ въ нашу семью. Я старался его утѣшить, объясняя психологию Х такъ. Х

не привыкъ видѣть вещи не запертыми; наша простота и открытость показала ему до того необычными, что въ душѣ его явилось желаніе поживиться по пословицѣ „плохо лежить—брюхо болитъ“... Это можетъ быть у него наслѣдственное... Настроенія моего коллеги какъ не бывало... Я попробовалъ его утѣшить тѣмъ, что, хотя онъ ему и землякъ, но учитель церковно-приходской школы, а не земской. Коллега былъ уничтоженъ.—„Лучше бы мнѣ съ тобою не встрѣчаться“, сказалъ я не зная, что сказать...

II.

Я ѣхалъ на пароходѣ о-ва „Самолетъ“ изъ Вольска въ Балаково. Въ третьемъ классѣ было просторно и чисто.

Мужчины и женщины помѣстились вмѣстѣ, что всегда дѣйствуетъ хорошо на мужчинъ... Даже пьяненькій крестьянинъ или развязный сельскій торговецъ, привыкшій дома въ своей деревнѣ не стѣсняться женщины, здѣсь на пароходѣ „сдерживается“ какъ-бы изъ уваженія къ взглядамъ другихъ.

Впрочемъ бываютъ такіе періоды жизни, когда темы всѣхъ ѣдущихъ бываютъ общія и животрепещущія, не остается мѣста ни анекдотамъ ни какимъ либо пустымъ рассказамъ. Я вспомнилъ поѣздку изъ періода „конца русско-японской войны“, времени возвращенія солдатъ.

Лишь только я взялъ билетъ и вошелъ въ помѣщеніе 3-го класса, вниманіе мое приковала группа... На одной койкѣ сидѣлъ солдатъ—герой войны и рассказывалъ мелкіе случаи изъ военныхъ стычекъ и мирныхъ отношеній между плѣнными и плѣнниками.

„Служивый“ былъ настроенъ хорошо и слушатели не слышали отъ него тѣхъ жалобъ, осужденія или негодованія на дѣйствія начальства, какія приходилось не разъ слышать отъ нижнихъ чиновъ этой злосчастной войны. Когда слышишь хорошіе отзывы о томъ, о чемъ всѣ отзываются дурно, то невольно закрадывается въ сердце подозрѣніе: не лжетъ ли новый рассказчикъ... У меня, помню, зародилась въ сердцѣ вражда къ этому оптимисту солдату, который кътому же былъ тѣсно окруженъ старухами и женщинами—солдатками... Воротилась откуда-то пожилая крестьянка и толкая отъ солдата дѣвченку сказала: „уйди, ты, съ моего мѣста, я

говорила—не занимай, я приду... Ну, соколикъ мой“, обратилась она къ служивому: „а матери-то ты писалъ про свое горе?“—«Нѣтъ, тетушка, зачѣмъ прежде времени разстраивать ее? Я вотъ что думаю сдѣлать. Я не забылъ, какъ устроена наша хата, знаю гдѣ образа; я, какъ войду, то и виду не покажу, что слѣпой; пусть мама не сразу увидитъ мое и свое горе, пусть сначала обрадуется». «Сказано слово, и все объяснилось»... Я пересѣлъ поближе къ солдату и увидѣлъ, что глазныя впадины его были мертвы. Осколками гранаты ему выбило ясныя очи и нанесло нѣсколько ранъ на лицѣ, шеѣ и груди. Раны зажили, а глаза вытекли. Я почувствовалъ глубокое чувство жалости къ этому человѣку, который потерялъ самое дорогое—зрѣніе... «Проклятiе войнѣ», подумалъ я. Какое единовременное пособіе, какая пенсія, какой орденъ можетъ утѣшить этого человѣка и его „маму“... «Оптимизмъ» этого страдальца мнѣ показался или наиграннымъ или покоящимся на какой-нибудь мистической философіи... И я доволенъ былъ, что нашъ народъ умѣетъ утѣшать себя въ тяжкія минуты жизни, при невозвратимыхъ потеряхъ...

Подошелъ нашъ пароходъ къ пристани цементнаго завода и остановился...

Слѣпецъ «нащупалъ» окно и сталъ „смотреть“ на гору... «Какой большой заводъ... Одна труба большая, а еще съ десятокъ поменьше... Хе-хе-хе»... „Да ты, дяденька, видишь!“ побранила его какая-то дѣвочка, какъ-бы обрадовавшись, что есть за что „дяденьку“ побранить... „Дурочка, развѣ я не знаю, какъ строятся заводы. Это я нарочно говорю, не привыкну я сознаваться, что не вижу, стыжусь... А этакъ-то я часто шучу; иногда говорю: эхъ какой лѣсъ-то на горѣ, какія облачка-то бѣгутъ надъ лѣсомъ... А солнышко-то какъ ярко свѣтитъ... Вѣдь я все это помню, недавно я это видѣлъ, любовался этимъ... А теперь вотъ не увижу, и маму не увижу... Хорошо что не женатъ и дѣтишекъ нѣтъ“...

Въ голосѣ слѣпца слышалась глубокая грусть... Всѣ молчали... Двѣ старушки тихо плакали... Никто не пытался утѣшить несчастнаго, ибо утѣшать было нечѣмъ. Всѣ это чувствовали и тяжестью этого чувства были придавлены...

Библиографическій отдѣлъ.

Г. Маляревскій. *Естествознание въ двухклассной церковно-приходской школѣ. Школьная библиотека, книжка 50, приложение къ журналу «Народное образование» за декабрь 1906 г. С.-Петербургъ.*

Должно сознаться, что естествовѣдѣнію не очень-то везетъ въ русской начальной школѣ различныхъ типовъ; педагогическимъ журналамъ сплошь и рядомъ приходится отмѣчать несоотвѣстствіе, невыдержанность, даже ненаучность учебниковъ по естествовѣдѣнію для народныхъ школъ и, кромѣ того, просто неправильные основные принципы и взгляды на преподаваніе этого крайне важнаго предмета обученія.

Въ самомъ дѣлѣ, есть рецензіи («Русскій Начальный Учитель» 1905 г., № 4), которыя буквально начинаются такимъ печальнымъ утвержденіемъ: «Еще одинъ учебникъ по естествовѣдѣнію появился на свѣтъ и увеличилъ собою число ненужныхъ книгъ». Къ моему крайнему сожалѣнію, мнѣ приходится повторить эти пессимистическія слова по поводу книжечки г. Маляревскаго лишь съ тѣмъ измѣненіемъ, что это не учебникъ, а систематическая программа и планъ преподаванія.

Надо замѣтить, что, хотя въ предисловіи отъ редакціи и сказано, что «она (редакція) не вполне согласна съ нѣкоторыми частностями, какъ напримѣръ съ нѣкоторыми опытами, которые можно было бы замѣнить болѣе поучительными и болѣе наглядными, а такъ же и съ нѣкоторыми объясненіями опытовъ»...—однако, «она придаетъ большое значеніе этому труду въ томъ отношеніи, что онъ является результатомъ самостоятельной практики преподаванія въ школахъ данной мѣстности».

Самый поверхностный просмотр книжечки Маляревскаго укажетъ непредубѣжденному читателю, что явленіе мѣстности и на ней не отразилось вовсе, что опытныхъ практическихъ свѣдѣній она не даетъ и что большинство объясненій не точны, спутаны и, что хуже всего, ненаучны, неравны. Более внимательный разборъ книжечки при этомъ становится крайне необходимымъ для того, что бы оградить захолустныхъ учителей отъ роковыхъ ошибокъ въ дѣлѣ распространенія знаній объ окружающемъ насъ мірѣ.

Направленіе редакціи журнала „Народное образованіе“ по вопросамъ методики естественнаго ясна выражается однимъ именемъ: Н. С. Дрентельнъ, именемъ весьма почтеннаго и неутомимаго дѣятеля въ духѣ популяризатора 60-хъ г.г. прошлаго столѣтія.

Рецензентъ книги Н. С. Дрентельна „Начальная физика“ („Русскій Начальный учитель“ 1906 г., № 4) такъ раскрываетъ это понятіе. Это направленіе ярко характеризуется для меня однимъ очеркомъ: „Учитель Живучевъ“, помещеннымъ въ началѣ шестидесятихъ годовъ въ журналѣ „Воспитаніе“ (имя автора не помню).

У Живучева, народнаго учителя, заведена „маленькая библиотечка“, „маленькій телескопикъ“, „маленькій микроскопъ“ и т. д.; онъ касается такимъ образомъ до всѣхъ областей знанія, но всего онъ отвѣдалъ самъ и предлагаетъ другимъ лишь въ минимальномъ количествѣ. Даже и тогда это казалось почти каррикатурнымъ: на экземплярѣ, попавшемъ мнѣ въ руки, одна читательница помѣтила: „приторченъ Живучевъ“.

Вотъ почему теперь, когда особенно строго надо держаться основнаго педагогическаго правила не сообщать дѣтямъ ничего лишняго, ничего такого, что бы они легко могли забыть, — мнѣ думается, отступать отъ научности, наглядности и серьезнаго выбора опытовъ прямо-таки грѣшно. Не къ чему сообщать ученикамъ выдуманные, сочиненные примѣры, когда широко образованный учитель всегда можетъ выбрать ихъ изъ непомѣрно разросшейся техники, проникшей почти во всѣ пазввы нашей жизни. Разсужденія въ этомъ случаѣ бесплодны и гораздо полезнѣе были бы, гдѣ онѣ возможны по мѣстнымъ условіямъ, экскурсіи на фабрики, заводы, водопроводы, илотинны и т. д.

Наглядность и научность—вотъ тѣ два устоя преподаванія естествовѣдѣнія, какіе отчасти намѣчены въ моихъ рецензіяхъ на книжку: „Мой микроскопъ“ Е Чижова («Русскій Начальный Учитель», 1905 г. № 12), „О климатѣ и погодѣ“ П. И. Браунова (ст. 195).

Программа опытовъ составлена г. Маляревскимъ очень странно; послѣ стекла слѣдуютъ поваренная соль, металлы, воздухъ, жидкости, теплота; судя по шрифтамъ, больше отдѣловъ въ книжечкѣ нѣтъ. Однако, нельзя же предположить, что въ отдѣлѣ „теплота“, по мнѣнію автора, должны входить параграфы: составъ воздуха, понятіе о рудахъ, удѣльный вѣсъ и плотность, горизонтальная поверхность, давленіе жидкости, влажность атмосферы и тому подобные. Чтобы покончить съ этимъ распредѣленіемъ матеріала, я долженъ упомянуть, что о трехъ состояніяхъ тѣмъ Маляревскій находитъ возможнымъ говорить на стр. 36 послѣ намековъ на химическія явленія и почти въ срединѣ книжки.

Обратимся къ частностямъ, которыя крайне необходимо разсмотрѣть.

Авторъ грѣшитъ противъ истины, когда говоритъ, что желѣзо становится хрупкимъ при сильномъ холодѣ: желѣзные балки ломаются въ домахъ при пожарахъ, когда температура по Цельсію доходитъ до 400°. Глава о поваренной соли касается вообще солей и селитръ, однако, безъ опредѣленія химическаго понятія „соль“ и частнаго вида селитры, взятаго для опыта.

Г. Маляревскій, включающій въ примѣрную программу краткихъ свѣдѣній о строеніи и жизни растений—химическій составъ (однако, безъ формулъ и знаковъ, въ слѣпую, à l'aveugle, какъ говорятъ французы) клѣтчатки, жировъ, крахмала, клейковины, производя опыты, скромно называетъ желѣзный и мѣдный купоросъ—синимъ и зеленымъ.

Вовсе не объясняется малоупотребительное названіе разновидности гравита съ правильно проросшимъ на манеръ еврейскихъ писменъ кварцемъ—еврейскій камень. Въ перечисленіи свойствъ металловъ опущена текучесть, общеизвѣстное явленіе относительно свинца (свинцовыя трубы) и столь блестяще разработанное Шпрингомъ. Не указано, что при ржавленіи увеличивается вѣсъ предметовъ и что это легко можетъ быть провѣрено.

Фраза: „объяснить, что лигатура прибавляется для увеличенія прочности серебра и золота“—заключаетъ двѣ грубѣя ошибки, такъ какъ лигатура увеличиваетъ твердость (а не прочность) и не золота, а сплава уже. Опуская въ воду губку, кусокъ сахару, кусокъ мѣла, авторъ уверенно заявляетъ, что поднимающіеся пузырьки представляютъ воздухъ; утвержденіе необоснованное и въ корень подрывающее точность и разграниченіе понятій „воздухъ“ и „газъ“. Извѣстно ли автору, что въ водѣ находятся растворенные газы, которые могутъ выдѣляться при извѣстныхъ условіяхъ?

На стр. 16 приводятся опыты для объясненія различія жидкостей по вѣсу въ равныхъ объемахъ, а о вѣсахъ тѣлъ, о взвѣшиваніи, объ удѣльномъ вѣсѣ и плотности говорится на стр. 37. Надо помнить, что разница въ страницахъ книжки обуславливаетъ большую разницу во времени преподаванія. Говоря о жидкостяхъ летучихъ и не летучихъ, объ испареніи раствора, о кипѣніи воды, авторъ предугадываетъ вопросы, такъ или иначе связанные съ теплотой, рассмотрѣніе которой отнесено далѣе. Высыханіе лака, масляныхъ красокъ и смолы—предлагается объяснить самому учителю; процессы высыханія съ участіемъ кислорода воздуха и при необходимости провѣтриванія (иначе вещи могутъ перегорѣть)—необходимо требуетъ поясненія для самого преподающаго.

Не дается также никакихъ матеріаловъ для рѣшенія нѣсколько странно формулированнаго вопроса: Отчего въ моряхъ вода соленая. Опытъ 42-й излагается такимъ образомъ: «Налить въ колбу немного воды и закупорить ее смоченной пробкой, не вкладывая послѣдней туго. Кипятить воду на спиртовой лампѣ до того времени, пока силой образовавшагося пара вытолкнетъ пробку изъ горлышка колбы». Лично я этого опыта, именно, съ колбою, а не съ бутылкою изъ толстаго стекла, повторять не совѣтую. Взрывъ водяныхъ паровъ разнесетъ почти въ мгновеніе ока тонкую колбу, брызнетъ во все стороны горячимъ паромъ, каплями воды и осколками стекла. Лично мнѣ не однажды приходилось сталкиваться съ этимъ вполне естественнымъ явленіемъ во время практическихъ работъ офицеровъ въ лабораторіяхъ военной электротехнической школы и учебнаго воздухоплавательнаго парка при качественномъ и количественномъ анализахъ взрывчатыхъ веществъ и газовъ.

Совсѣмъ непонятно, почему въ опытахъ для объясненія термометра рекомендуется употребленіе воды съ чернилами, не объяснено, что въ такихъ инструментахъ при нагреваніи расширяется стекло и что расширеніе жидкости больше расширенія стекла. Порядокъ опытовъ въ этомъ отдѣлѣ совсѣмъ непонятный и не систематическій, при расширеніи воды не указана ея наибольшая плотность при 4° Цельсія, почему совсѣмъ нельзя объяснить, отчего при замерзаніи вода расширяется до извѣстнаго предѣла. Въ опытахъ нагреванія тѣлъ не указано самого общеизвѣстнаго факта нагреванія палочки гвоздя при его забиваніи; въ опытахъ съ сѣрной кислотой не дано процентное содержаніе кислоты, не объяснены необходимыя мѣры предосторожности при смѣшеніи этой кислоты съ водою.

Нагреваніе смѣси воды и сѣрной кислоты дало поводъ Малиревскому сдѣлать неправильный выводъ: соединеніе нѣкоторыхъ веществъ развиваетъ теплоту, — выводъ неправильный въ педагогическомъ отношеніи, такъ какъ этимъ затемняются понятія о химическихъ реакціяхъ, требующихъ для своего воспроизведенія большихъ затратъ тепла извнѣ. (Реакціи экзотермическія и эндотермическія). Не дано даже и намека на поправку отдѣльныхъ термометровъ и періодическую повѣрку ихъ. Стараясь установить теплопроводность разныхъ веществъ, слѣдовало бы уяснить, почему стекла въ окнахъ домовъ сами не нагреваются, а ламповыя стекла нагреваются довольно сильно; зависимость тепловаго дѣйствія отъ разстоянія отъ источниковъ теплоты.

Часть ученія о теплотѣ относящаяся къ атмосфернымъ явленіямъ изложена въ разныхъ мѣстахъ, разбросанно и безъ всякаго научнаго объясненія, слишкомъ уже проста вся гипотезы г. Малиревскаго относительно образованія вѣтровъ, влажности воздуха и т. д. Если бы авторъ серьезно былъ ознакомленъ самъ съ природою химическихъ реакцій, то именно учителямъ онъ никогда бы не говорилъ, что «углекислый газъ имѣетъ способность мутить известковую воду», что «углекислый газъ заключается въ мѣлѣ, что сѣрная кислота разѣдаетъ желѣзо и выдѣляетъ изъ него водородъ (?)», что въ синемъ купоросѣ сѣрная кислота остается неизмѣнною и т. д. Наивно звучитъ въ устахъ педагога фраза «химія—

наука интересная и полезная»; необходимо было, конкретизируя это понятие, указать разницу между химией и наукою и технологию.

Извѣстно ли автору, что ртуть, цѣликомъ переходящая въ пары при нагреваніи, отдѣляетъ пары даже при обыкновенной температурѣ, какъ объ этомъ, въ частности, свидѣтельствуетъ личное письмо ко мнѣ покойнаго Д. И. Менделѣева. Отдѣлъ взвѣшиванія не развитъ совершенно; пользуясь случаемъ указать на строго-научную статью Д. К. Добросердова «вѣсы и взвѣшиванія» въ октябрьскомъ № „Ученыхъ записокъ Императорскаго Казанскаго Университета“ за 1905 г. Въ книжкѣ Маляревскаго, гдѣ приведено много опытовъ, основанныхъ на давленіи воздуха, ни слова не сказано о томъ что воздухъ вѣсомъ.

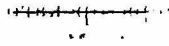
Непонятно раздѣленіе вопросовъ о земномъ притяженіи и его направленіи; авторъ преспокойно принимаетъ за земное тяготѣніе треніе, прилипаніе, явленія смачиваемыхъ и несмачиваемыхъ жидкостей, договаривается до такихъ перловъ: «тѣла взаимно притягиваются одно другимъ, если они легкія и близко прикасаются другъ къ другу». Всѣ эти грубыя ошибки прямо показываютъ, что авторъ не имѣетъ никакого понятія о физикѣ частичныхъ силъ. Объясненія отвѣса горизонтальной поверхности и таковой же плоскости обходятъ геометрію и ея простыя опредѣленія плоскости линейкою. Большимъ неудобствомъ является одновременное употребленіе и русскихъ и метрическихъ мѣръ, не согласованныхъ между собою. Въ концѣ книжки снова выплываютъ вопросы о давленіи жидкостей,—о плаваніи тѣлъ, давленіи и влажности воздуха; по послѣднему вопросу авторъ договаривается буквально до абсурда, не умѣя объяснить причинъ той или иной степени влажности, зависящей отъ температуры.

Въ примѣрной программѣ г. Маляревскій вводитъ цѣлый рои вопросовъ изъ самаго труднаго отдѣла химіи—химіи органической, вопросы диффузіи, опытовъ которой приведено не было, вопросы оптики также безъ всякихъ опытовъ (выполнѣ доступныхъ вездѣ, гдѣ только свѣтитъ солнце), диктуетъ учителю, какія части тѣла чловѣка можно сравнивать съ частями тѣла животныхъ и какія—неудобно...

-и п. Я полагаю, что сказанного довольно для выясненія цѣнности книжки Маляревскаго и... для самого г. Маляревскаго...

Богъ ему судья, этому незадачливому провинціальному (тобольскому) писателю-естественнику!...

Л. Мищенко.

Въ С.-Петербургскомъ Обществѣ народныхъ университетовъ.

(Отъ нашего корреспондента).

11 ноября 1907 г. въ помѣщеніи секретаріата С.-Петербургскаго Общества народныхъ университетовъ (Гагаринская, 16) Л. Л. Мищенко началъ чтеніе своего оригинальнаго курса „метеорологія и климатологія въ связи съ гигиеной“. Правильнѣе было бы назвать этотъ курсъ болѣе широко: физическая жизнь земли въ связи съ органическою жизнью, соціальною и личною гигиеною; въ курсъ входитъ много интересныхъ и важныхъ вопросовъ техники, гигиены, санитаріи и науки, какъ, напримѣръ, условія жизни въ деревняхъ и въ городахъ, фізіологическія вліянія поднятія на большія высоты, связь между числомъ пасмурныхъ и туманныхъ дней и количествомъ фабрикъ, вліяніе погоды на пьянство, примѣненія природныхъ запасовъ энергіи, искусственное созданіе тѣхъ или иныхъ температурныхъ и другихъ условій, вызовъ дождя, опыты съ полярнымъ сіяніемъ и съ искусственными облаками и т. д.

Курсъ этотъ построенъ такимъ образомъ, что при самой строгой научности онъ является общедоступнымъ, будучи освобожденъ отъ тяжелыхъ математическихъ выкладокъ; лекціи Л. Л. Мищенко сопровождаются многочисленными свѣтовыми демонстраціями на экранѣ. По окончаніи основнаго курса будетъ предложенъ дополнительный „метеорологія и воздухоплаваніе“ и будетъ организована экскурсія въ магнитно-метеорологическую обсерваторію.

Слушатели возбудили ходатайство о повтореніи курса Л. Л. Мищенко въ залѣ Тенишевскаго училища; въ настоящее время получено также разрѣшеніе отъ Управленія С.-Пе-

Письмо въ редакцію.

Милостивый Государь,
Господинъ редакторъ!

Не откажите поместить въ Вашемъ уважаемомъ изданіи
нижеслѣдующее сообщеніе.

Предстоящимъ лѣтомъ въ Москвѣ при педагогическихъ
курсахъ Общества воспитательницъ и учительницъ состоится
чтеніе систематическихъ лекцій общенаучнаго и педагогиче-
скаго содержанія, предназначаемыхъ главнымъ образомъ для
провинціальныхъ начальныхъ учителей и учительницъ. Лек-
ціи будутъ читать:

Айхенвальдъ Ю. И. Русскіе писатели XIX в. (Новая рус-
ская література).

Бочкаревъ В. Н. Русская исторія XVII, XVIII, XIX
столѣтій

Григорьевъ С. Г. Общее землѣдѣніе.

Егоровъ О. И. Методъ аримет. и геометрии.

Игнатьевъ В. Е. II Анатом. и физиолог. челов.

Капелькинъ В. Ф. Общая біологія.

Кравецъ Т. П. Физика.

Крапивинъ С. Г. Химія.

Коганъ П. С. Всеобщая література XIX в.

Полянскій Н. Н. Общее ученіе о правѣ.

Тихомировъ Д. П. Методика обученія родному языку.

Ушаковъ Д. П. Введеніе въ языковѣдѣніе (лекціи по
наукѣ о языкѣ примѣнительно къ во-
просу о преподаваніи русск. яз. въ
школахъ).

Устиновъ В. М. Государственное право.

Чеховъ Н. В. Обзоръ учебниковъ и учебн. пособій
по рус. яз.

Шестаковъ П. М. Обзоръ дѣтской и народной литер.
Шпеттъ Г. И. Педагогическая психологія.

Для слушателей лекцій будетъ устроена выставка лучшихъ учебниковъ по предметамъ начального преподаванія и лучшихъ книгъ для домашняго дѣтскаго чтенія. Предположено устроить нѣсколько образовательныхъ экскурсій. Для желающихъ (въ числѣ не болѣе 40 челов.) будутъ организованы практическія занятія по химіи: 6 разъ по 2 часа, плата 10 руб. съ каждаго. (Сами слушающіе заготовятъ приборы, которые вмѣстѣ съ реактивами поступятъ въ ихъ собственность).

Разрѣшеніе мѣстной администраціи на устройство лекцій получено. Лекціи продолжатся съ 3 іюня по 9 іюля.

Плата 10 руб. Комплектъ слушающихъ 750 челов. Заявленія просятъ направлять въ канцелярію педагогическихъ курсовъ, по адресу—Москва, Б. Грузинская, Георгіевская площадь, д 2/31.

Въ заявленіи должны быть указаны: фамилія, имя, отчество, почтовый адресъ, четко написанный, и приложены 2 семик. марки на пересылку отвѣта.

Принятыми будутъ считаться только тѣ лица, отъ которыхъ плата (10 р.) будетъ получена канцелярією курсовъ не позже 10 мая.

Предсѣдатель комиссіи по устройству лекцій

П. Шестаковъ.

Временные курсы для народных учителей

съ разрѣшенія учебнаго начальства

будутъ открыты съ 5 іюня по 5 іюля въ С-Петербургѣ.

Программа общеобразовательныхъ предметовъ: 1) гуманитарная секція: исторія литературы, языковѣдѣніе (исторія русскаго языка, діалектологія, сравнительное языковѣдѣніе), новѣйшая исторія, лекціи по исторіи философіи; 2) естественно-историческая секція: анатомія и фізіологія человѣческаго тѣла, міръ животныхъ, міръ растений, фізика и механика, математика.

Программа педагогическихъ предметовъ: психологія, исторія педагогики, важнѣйшіе вопросы практической педагогики, дидактики и методики.

Плата за слуханіе курсовъ **10 рублей**. Запись на курсы принимается въ педагогическомъ бюро (С.-Петербургъ, Чернышевъ, 16) и въ канцеляріи Спб. біологической лабораторіи (Торговая, 25). Взносъ денегъ и личные справки въ Педагогическомъ бюро ежедневно, кромѣ праздниковъ и воскресенья отъ 4 до 7 час. вечера.

Прискиваются для слушателей безплатныя помѣщенія.

Будутъ организованы по праздникамъ и воскресеньямъ образовательныя экскурсіи.

Въ чтеніи лекцій согласились принять участіе: проф. А. К. Бороздинъ, проф. Ив. А. Бодуэнъ-Де-Куртенэ, проф. Будде, проф. А. В. Васильевъ, А. Г. Генкель, Григорьевъ, Я. И. Дупечкинъ, Н. М. Клеповичъ, проф. И. И. Лапшинъ, проф. П. Ф. Лесгафтъ, П. Л. Мальчевскій, Н. П. Павловъ-Сильванскій.

Приглашены и еще нѣкоторые профессора и педагоги.

Запись слушателей принимается до дня открытія курсовъ.

Завѣдывающій курсами проф. А. Бороздинъ.

Правда ли?

Намъ прислана слѣдующая замѣтка подъ заглавіемъ «Педагогическій абсурдъ» и за подписью «Бывшій учитель Буинскаго у. Павловъ»

Въ началѣ 1906/7 учебнаго года должность инспектора народныхъ училищъ Буинскаго уѣзда занялъ г. Касаткинъ, бывшій учитель—инспекторъ одного изъ Казанскихъ городскихъ училищъ.

Съ первыхъ же дней своей миссіи К. приступилъ къ безмощной филтраціи педагоговъ, при чемъ обезличившаяся часть учительства, какъ индифферентная масса, незамѣтно миновала филтражъ, столь же незамѣтно пришла въ состояніе устойчиваго равновѣсія, а болѣе живой элементъ, способный чувствовать, сознать, мыслить и дѣйствовать, былъ обреченъ судьбою (въ лицѣ инспектора) на изгнаніе изъ школы въ качествѣ «недоучекъ», «недорослей» и т. п.

На пути къ водворенію въ подчиненныхъ молчаливаго повиновенія г. К. не останавливается и предъ такимъ, имѣющимъ обширное примѣненіе между деревенскими бабами, орудіемъ, какъ сплетни. Обыкновенно при встрѣчѣ съ учителемъ, въ искренности рабодѣнія котораго г. К. не имѣетъ основаній сомнѣваться, онъ тщательно выпытывалъ у него о другомъ учителѣ, который пока еще «взятъ подъ сомнѣніе». Въ такихъ случаяхъ бѣдному учителю приходится, изъ чувства самосохраненія, измышлять на товарища самыя нелѣпыя клеветы, ибо онъ рискуетъ увидать предъ своимъ носомъ эффектный кулакъ патрона и услышать внушительныя угрозы: «я лицо независимое», «я вправѣ отпустить Васъ съ чернымъ паспортомъ» и т. п. Спрашивается: за что такое наказаніе? за нежеланіе клеветать на товарища, т. е. за порядочность и благородство?

Къ сожалѣнію встрѣчаются и «ласковыя телята», которые отваживаются «двухъ матокъ сосать».

Выступая въ роли столь своеобразнаго «интервьюера», г.

К. не ограничивается учителями, но частенько обращается и къ волостнымъ чинамъ, отдавая предпочтеніе матеріалу, полученному изъ этого послѣдняго источника.

Въ результатѣ между учителями, вмѣсто чувства солидарности и взаимной поддержки, водворились обычаи, выражаемые поговоркой: *homo homini lupus*.

Вслѣдствіе такой политики г. К. педагогическое дѣло въ нашемъ уѣздѣ вылилось въ слѣдующія комбинаціи: въ нѣсколькихъ училищахъ перемѣна ролей учителя и помощника, при чемъ случалось и такъ, что въ помощники низводился окончившій учительскую семинарію, а учителемъ дѣлался помощникъ, окончившій сельскую школу и до учительства фигурировавшій въ роли писца волостного правленія.

Это еще цвѣтки, а вотъ и ягодки: за восемь мѣсяцевъ инспекторства г. К. имѣется нѣсколько случаевъ вольнаго или невольнаго разставанія учителя со школой и учениками, нѣсколько случаевъ закрытія школъ.

Вообще, пока не ограничено властвуетъ г. К., народному учителю Буинскаго уѣзда среди всякихъ тревоженій жизни, въ когтяхъ этого кошмара, остается вопить отчаянно: «когда же настанетъ этой мукѣ конецъ?»

Правда ли это? И не сводить ли здѣсь г. Павловъ какіе нибудь личные счеты? Не заключается ли также какой нибудь игры въ словахъ „живой элементъ“? Будемъ надѣяться, что буинцы откликнутся.

Въ № 230 газеты „Сѣверъ“ напечатаны слѣдующія двѣ корреспонденціи:

1 Изъ Кадниковскаго уѣзда.

Недавно въ уѣздѣ произошелъ слѣдующій случай.

Изъ Корбангской волости шла пѣшкомъ дѣвушка учительница изъ села Куракина.

Дорогой повстрѣчался ей полицейскій надзиратель.

«Стой!» — приказываетъ начальство.

Дѣвушка идетъ, не останавливаясь,

«Остановись! ты кто такая?»

Послѣ троекратнаго приказанія остановиться, полицейскій надзиратель насильно останавливаетъ ее и требуетъ паспортъ.

Дѣвушка объясняется, что паспорта она не имѣетъ, такъ какъ находится въ своемъ уѣздѣ.

Не удовольствовавшись отвѣтомъ, надзиратель немедленно обыскалъ вещи дѣвушки. Въ платочкѣ были связаны: юбка, галоши и шапка.

Все тщательно было пересмотрѣно. Ничего, конечно, такого, что угрожало бы общественной тишинѣ и спокойствію, не нашлось.

Но дѣло этимъ не ограничилось.

Дѣвушку посадили въ сани и повезли обратно въ Корбангу.

По пути встрѣтился деревенскій парень изъ той волости, изъ которой была дѣвушка. Этотъ парень и удостовѣрилъ ея личность и дѣвушка съ миромъ была отпущена.

2 Изъ с. Подосиновца Никольскаго уѣзда.

Не очень давно въ одномъ изъ №№ «Сѣвера» была помѣщена маленькая замѣтка изъ нашего же Никольскаго уѣзда, констатировавшая фактъ неладовъ между просто-учащими народныхъ училищъ съ одной стороны и учителями-завѣдующими тѣхъ-же училищъ—съ другой.

Въ подтвержденіе этого факта приходится отмѣтить другой фактъ, выразившійся уже въ очень грубой формѣ. Главными дѣйствующими лицами являются завѣдующій Яхренъскимъ земскимъ училищемъ учитель А. А. Пановъ и учительница того же училища М. А. Иванова.

Съ 3-го на 4-е февраля с. г. около часу ночи, когда всѣ уже спали, въ квартиру учительницы Ивановой (у нея тоже не было огня) вдругъ раздается настойчивый стукъ въ наружныя двери.

Когда ихъ отперли, то перенуганная, выскочившая въ одномъ бѣльѣ, учительница увидѣла въ сѣняхъ сначала мать завѣдующаго училищемъ, а потомъ и самого г. Панова, вваливагося сюда съ приглашеннымъ имъ крестьяниномъ. Со стороны незваныхъ гостей послѣдовали оскорбительныя выраженія по адресу хозяйки. Последняя успѣла запереться на крючокъ въ своей комнатѣ, но завѣдующій (представьте себѣ всемогущаго завѣдующаго) настойчиво требовалъ отворить двери, иначе грозилъ выломать ихъ.

На вопросъ осаждаемой—что нужно?—Пановъ требовалъ впустить его осмотрѣть ея комнату и постель, чтобы обнаружить, кто у ней... ночуетъ.

Оскорбленная барышня выпускает его въ комнату, которая подвергается тщательному осмотру со стороны блюстителя нравственности другихъ (его собственная нравственность не запретила ему вломиться въ чужую квартиру).

Никого не найдя и допросивши прислугу, Пановъ удаляется, но, видимо, не довѣряя никому и ничему, счелъ нужнымъ запереть на замокъ двери дома снаружи, которыя и оставались закрытыми нѣкоторое время.

Снявъ «осаду», Пановъ направился къ мѣстному батюшкѣ о. Дмитрію, должно быть, сообщить о плачевныхъ результатахъ набѣга. Кстати нужно сказать, что во все время «осады» со стороны оконъ квартиры учительницы стоялъ человекъ для наблюдений, чтобы кто-либо не ускользнулъ оттуда въ окна (черезъ двойныя-то рамы!).

Потерпѣвшая заявила о происшедшемъ г. приставу и дѣло обычнымъ путемъ направляется въ окружный судъ. Чѣмъ оно кончится, покажетъ будущее. Съ другой стороны г. завѣдующій донесъ о случившемся своему начальству, однако, инспекторъ народныхъ училищъ счелъ нужнымъ выслушать и учительницу, и срочною бумагою требуетъ отъ Ивановой сообщить ему ея личныя показанія о происшедшемъ.

По слухамъ, Панова хотятъ перевести на другое мѣсто. Товарищи-учащіе, знающіе о немъ, выразили за это Панову свое товарищеское порицаніе.

Правда ли это?

Къ читателямъ.

Взявъ на себя веденіе отдѣловъ „замѣтки и матеріалы по метеорологіи“, „метеорологія и климатологія въ связи съ гигиеною“ въ журналѣ «Отклики народнаго учителя и его досуги», обращаюсь ко всѣмъ читателямъ съ покорнѣйшею просьбою принять во вниманіе и сообщить это воззваніе своимъ знакомымъ.

Метеорологія, какъ прикладная наука, все болѣе и болѣе выростающая въ своемъ неоспоримомъ значеніи для современной жизни культурнаго человѣка, имѣетъ громадное число скромныхъ провинціальныхъ адептовъ, метеорологовъ-практиковъ, чаще всего изъ міра педагоговъ, врачей, сельскихъ хозяевъ, военныхъ воздухоплавателей, наконецъ.

Къ нимъ-то и обращаюсь я съ убѣдительною просьбою о сотрудничествѣ, объ обмѣнѣ матеріалами, о критическихъ отзывахъ, совѣтахъ и присылкѣ своихъ обработанныхъ матеріаловъ—наблюденій.

Всѣ рукописи и письма направлять мнѣ по личному моему адресу: С.-Петербургъ, Невскій, 120, кв. 11. Л. Л. Мищенко, съ надписью на конвертѣ „По метеорологіи“.

Въ самомъ непродолжительномъ времени мною будутъ опубликованы „ближайшія задачи современной русской прикладной метеорологіи“ и „программа свѣдѣній, необходимыхъ для помѣщенія въ статьяхъ провинціальныхъ работниковъ по метеорологіи“.

Леонидъ Мищенко.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1908 Г.

Третій годъ изданія

е ж е м ѣ с я ч н ы й ж у р н а л ь

„СЕЛЬСКИЙ СВЯЩЕННИКЪ“

(бывш. «Отклики Сельскихъ Пастырей»)

ОБЪЯВЛЕНІЕ

Какъ и въ прежніе годы нашъ журналъ неизмѣнно будетъ служить дѣлу внѣпархіальнаго общенія приходскаго, главнымъ образомъ, сельскаго духовенства и единенію его съ мірянами.

Общепризнанная разрозненность сельскаго духовенства особенно требуетъ обмѣна по наарѣвшимся вопросамъ церковно-обществ. жизни и пастырской практики.

Параллельно росту сознанія членовъ церкви, журналъ будетъ содѣйствовать необходимому воскрешенію забытыхъ и намѣченію новыхъ каноновъ, какъ соборному выраженію этого сознанія, для христіанизаціи культурной жизни.

Для такого обмѣна журналъ широко раскрываетъ свои страницы всѣмъ пастырямъ и пасомымъ.

Подписка принимается по адресу конторы „Сельскій Священникъ“ г. Кіевъ, Трехсвятительская ул., № 5.

Цѣна въ годъ 2 руб. съ пересылкой.

Разсрочка по соглашенію съ редакціей. Оставшіеся экземпляры за 1906 г. журнала „Отклики Сельскихъ Пастырей“, „Пробужденіе“ и „Сельскій Священникъ“ (ноябрь—декабрь)— всѣ вмѣстѣ стоятъ 1 р. 50 к. съ пересылк., а „Сельск. Свящ.“ за 1907 г. №№ 1—6-й съ пересылкой 1 рубль.

Статьи, помѣщенные за прежніе годы, имѣютъ принципиальный характеръ и представляютъ полный интересъ въ настоящее время.

Редакторъ-издатель В. А. Никитинъ.

, Гусельки Яровчаты“

общедоступный музыкально - литературный журналъ. посвященный народному музыкальному образованію.

Цѣль журнала—возможно широко пріять идею общедоступнаго и всеобщаго музыкальнаго образованія, для чего наиболѣе просто и всесторонне освѣщать музыкальную жизнь, запросы и явленія, относящіяся къ музыкальному образованію и музыкѣ во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ и выяснять наилучшія условія для достиженія прогресса въ этой области. Пѣнію семейному и школьному, а такъ же хоровому, какъ наиболѣе доступнымъ пока музыкально-образовательнымъ средствамъ, будетъ удѣлено особое вниманіе, равно какъ и жизни тружениковъ культивирующихъ эти образовательные отрасли.

По связи музыкальнаго образованія съ общимъ въ журналѣ будетъ небольшой литературный отдѣлъ съ преобладаніемъ статей педагогическаго характера и свѣдѣній о состояніи образованія школьнаго и народнаго.

Содержаніе. Музыкальный отдѣлъ.

Статьи о музыкѣ и пѣніи историческаго, критическаго, педагогическаго характера. Пѣніе въ школѣ и семьѣ. Музыкальное образованіе. Хоровое дѣло. Жизнь и интересы учителей, пѣвцовъ, регентовъ, музыкантовъ. Записки и воспоминанія. Музыка въ провинціи, селахъ и деревняхъ. Библіографія. Практическія свѣдѣнія. Обзоръ музыкальных журналовъ. Скрипка, фисгармонія, церковное: школьное и дѣтское пѣніе.

Литературный отдѣлъ. Беллетристика. Статьи педагогическаго характера. Образованіе въ Россіи: учебныя заведенія, школы, курсы. Обзоръ педагогическихъ журналовъ. Библіографія.

Г. преподавателей пѣнія, матерей, сочувствующихъ музыкальному воспитанію, г. регентовъ и дирижировъ хоровъ просимъ отозваться живымъ содѣйствіемъ къ осуществленію цѣли журнала.

Журналъ выходитъ 9 разъ въ годъ (учебный годъ).

Первый № съ сентября 1907 года.

Подписная цѣна на годъ 1 р. 50 к.

Редакція: Тамбовъ, Киркина улица, между Большой и 1-й Долгой, домъ Лебедевой.

Вышли №№ 1—6.

Редакторъ *Свящ. В. Лебедевъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1908 ГОДЪ.

(второй годъ изданія)

— на журналъ —

„ТАВРИЧЕСКІЙ НАРОДНЫЙ УЧИТЕЛЬ“.

выходящій въ г. Симферополѣ два раза въ мѣсяцъ.

Подписная цѣна 2 Рубля въ годъ съ пересылкою. Для учащихся допускается разсрочка по полугодіямъ безъ повышенія подписной платы.

Журналъ ставитъ своей задачей разработку вопросовъ народного образованія, освѣщеніе условій учительскаго труда, содѣйствіе объединенію учащихся и улучшенію положенія учительства въ правовомъ и матеріальномъ отношеніяхъ.

Адресъ: *Симферополь. Въ редакцію журнала Таврическій Народный Учитель.*

Годъ изданія—восьмой.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПСКА НА 1908 г. НА

педагогическій журналъ

„НАЧАЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ“,

приложеніе къ Циркуляру по Казанскому Учебному Округу.

12 вып. въ годъ. Цѣна—одинъ рубль,

за границу 1 р 50 коп.

Чл. 7

Подписка принимается въ канцеляріи Попечителя, Казанск.
Учебнаго Округа

«Начальное обученіе» выходитъ въ 1908 году ежемѣсячно въ объемѣ отъ двухъ до трехъ печатныхъ листовъ, по программѣ, состоящей изъ двухъ отдѣловъ *официальнаго* и *неофициальнаго*. Въ первомъ отдѣлѣ печатаются: а) Высочайшія повелѣнія, относящіеся къ начальнымъ народнымъ училищамъ, б) распоряженія Министерства народнаго просвѣщенія, в) приказы и распоряженія окружнаго начальства и г) распоряженія директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, а также училищныхъ совѣтовъ. Во второй отдѣлѣ входятъ: а) краткія общедоступныя статьи по начальному обученію и воспитанію, б) примѣрные уроки по предметамъ начальнаго обученія съ пояснительными примѣчаніями, в) статьи по вопросамъ о внѣшкольномъ образованіи, г) практическіе совѣты по благоустройству училищъ, д) выдающіяся событія школьной жизни, посѣщенія училищъ высокопоставленными лицами, педагогическіе курсы и съѣзды, школьные праздники и экскурсіи, біографическія свѣдѣнія о педагогахъ и школьныхъ дѣятеляхъ и т. п. и е) библіографія. Въ журналѣ ведутся систематическіе отдѣлы: „Воспитаніе и начальное образованіе за границей“, „Изъ жизни русской начальной школы“ и библіографическій отдѣлъ.

Къ участію въ сотрудничествѣ приглашаются директоры, инспекторы, законоучители, учителя и учительницы городскихъ

и сельскихъ училищъ и всѣ лица, интересующіеся и занимающіеся педагогическимъ дѣломъ.

Подписка и подписанныя деньги принимаются въ редакціи при канцеляріи Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа.

Статьи для напечатанія въ журналѣ присылаются по адресу: Казань, канцелярія Попечителя Учебнаго Округа, редакція журнала «Начальное Обученіе».

Рукописи, присылаемыя въ редакцію, должны быть четко написаны и снабжены подробнымъ адресомъ автора. Принятые рукописи подлежатъ, въ случаѣ надобности, редакціоннымъ измѣненіямъ. Гонораръ за статьи—въ размѣрѣ отъ 16 до 32 р. за печатный листъ.

Въ виду поступающихъ запросовъ на журналъ „Начальное Обученіе“ за прежніе годы, редакція объявляетъ, что въ ея распоряженіи имѣется небольшое количество экземпляровъ „Начальнаго Обученія“ за 1902, 1904, 1905 и 1906 г.г. Цѣна экземпляра за каждый годъ—одинъ рубль. Экземпляры за 1907 г. всѣ разошлись.

**Плата за объявленія (о книгахъ и учебныхъ пособияхъ) по-
зади текста:**

За одну страницу объявленій мелкимъ шрифтомъ каждый разъ взимается 20 р., за полстраницы—10 р. и за четверть страницы—5 р.

ЖУРНАЛЪ КРУГОЗОРЪ.

**Литературный, научный и художественный
ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ.**

Выходитъ еженедѣльно съ 1-го января 1908 года съ множествомъ рисунковъ въ текстѣ, съ приложеніемъ 52 картинъ одноцвѣтныхъ и 52 картинъ въ разныхъ краскахъ.

Всѣ картины и рисунки служатъ объясненіемъ къ тексту и въ цѣляхъ педагогическихъ могутъ замѣняться образцами, картами или моделями.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ.

Беллетристика. Этому отдѣлу будетъ предоставлено мѣсто въ каждомъ номерѣ журнала.

ОТДѢЛЪ I.

Географія, Географія физическая, Географія математическая, Географія коммерческая

Каждому изъ отдѣловъ географіи будетъ предоставлено по очереди мѣсто въ каждомъ номерѣ журнала.

Исторія: I. Исторія нашей родной страны, съ самаго ея возникновенія. II. Исторія человечества, съ момента появленія на землѣ человѣка. Сюда войдутъ: а) Первобытная исторія. б) Народы Востока. в) Античный міръ. г) Средніе вѣка. д) Новая исторія. III. Новѣйшая исторія всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, со времени французской революціи до нашихъ дней.

Каждый изъ этихъ трехъ отдѣловъ будетъ послѣдовательно чередоваться въ номерахъ журнала.

Юридическія знанія: 1) Общее ученіе о правѣ. 2) Ученіе о государствѣ. 3) Гражданское право. 4) Уголовное право. 5) Судостроительство и судопроизводство—гражданское и уголовное.

Торговое право и политическая экономія.

ОТДѢЛЪ II.

Прикладныя знанія: Физика, Химія и химическая технологія Зоологія, Садоводство.

Каждый изъ этихъ четырехъ отдѣловъ будетъ послѣдовательно чередоваться въ номерахъ журнала.

Полководство, луговое хозяйство и огородничество, Лѣсопроизводительность и лѣсное хозяйство, Рыбопромышленность, Мануфактурная промышленность.

Каждый изъ этихъ четырехъ отдѣловъ также будетъ чередоваться въ каждомъ номерѣ журнала.

Хроника. Руководящій обзоръ событій въ Россіи и за границей за истекающую недѣлю будетъ даваться въ каждомъ номерѣ журнала.

Каждый подписчикъ по истеченіи каждыхъ 6-ти мѣсяцевъ непрерывнаго полученія журнала будетъ получать 1 книжку по своему выбору или сборникъ романовъ и повѣстей или дѣтскихъ разсказовъ.

Къ учителямъ сельскимъ, городскимъ и средней школы.

Питая надежду встрѣтить въ вашей средѣ отзывчивое сочувствіе своимъ стремленіямъ и увѣренная найти въ васъ серьезныхъ себѣ помощниковъ, какъ непосредственныхъ толкователей и разъяснителей поднятыхъ вопросовъ всѣмъ тѣмъ читателямъ, которымъ что либо можетъ оказаться въ жур-

налы непонятнымъ, Редакція желаетъ войти съ вами въ непосредственное широкое общеніе и для этого открываетъ въ журналѣ специальный отдѣлъ „Народная школа“, въ которомъ будетъ даваться отвѣты на ваши вопросы, какъ-бы они разнообразны ни были: библиографическіе, педагогическіе и др. имѣющіе общественное значеніе.

Этимъ отдѣломъ вы можете пользоваться для диспутовъ между собою, для рѣшенія общими силами волнующаго cadaго изъ васъ вопроса. Редакція приметъ всѣ мѣры, чтобы облегчить пріобрѣтеніе вами книгъ, гравюръ, учебныхъ пособій и проч. болѣе для васъ удобнымъ и дешевымъ способомъ.

Сочиненіе cadaго изъ васъ Редакція, какъ преслѣдующая исключительно просвѣтительныя цѣли и владѣющая собственной типографіей, можетъ принять къ издательству отдѣльнымъ оттискомъ, если найдетъ это возможнымъ, какъ со стороны редакціонной, такъ и экономической.

Всякая корреспонденція по дѣламъ этого отдѣла журнала должна быть на бланкѣ училища или же пишущій долженъ дать Редакціи какое либо доказательство своей принадлежности къ средѣ педагогическаго персонала.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на 12 мѣсяцевъ—6 руб.; на 1 мѣсяць—50 коп. Заграницу—1 руб.

Подписка принимается на любое количество мѣсяцевъ, но не менѣе мѣсяца (съ 1-го по 1-ое число) и въ требованіи должно быть указано названіе мѣсяца, въ который подписчикъ желаетъ получить журналъ.

Подписная плата вносится деньгами, а пересылаться можетъ и марками сберегательными въ 5 и 10 коп., гербовыми въ 5 коп., почтовыми въ 1, 2 и 3 коп., марки высшихъ достоинствъ въ уплату не принимаются и будутъ пересылаться обратно съ удержаніемъ почтовой пересылки.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ: въ главной конторѣ журнала Гончарная, 10
Въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи.

1908 годъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

„ДѢТСКАЯ ГАЗЕТКА“

ВЫХОДЯЩУЮ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ И ЧЕТВЕРГАМЪ.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

изданія В. И. Дмитріева.

На помощь крестьянамъ пострадавшимъ отъ неурожая.

- 1) „Надоѣло“ и „Легенда о нищихъ“. Л. Н. Толстой.
„Голодный годъ“. А. С. Ермоловъ.
„Картинки деревенской жизни“. Св. І. Кедровъ.
„Союзъ копѣйки“. Проф. Ив. Озеровъ. 20 к.
- 2) „Джонъ Бернсъ—вождь рабочей партіи въ Англіи“
Э. Пинева. 20 к.
- 3) „Сила науки въ экомической борьбѣ“ О. Полетаева. 20 к.
- 4) „Страничка изъ жизни проф. Д. И. Менделѣева“. С. Кашъ. 20 к.
- 5) „Письма изъ деревни“. Г. Коллежнскій. 20 к.
- 6) „Скромное геройство“. В. Зарубинъ. 15 к.
- 7) „Въ мастерской художника Руджіо“. Его-же. . . . 15 к.
- 8) „Добродѣтельная фея“. Аккерманская легенда. Его-же 15 к.
- 9) „Первая Рождественская елка“ (съ французскаго).
Ки. С. Мещерская. 15 к.
- 10) „Рюрикъ“. (изъ юнкерской жизни) И. Жилинскій.
Юнкерскія стихотворенія В. Дмитріевъ. 20 к.

Продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

При выискѣ изъ склада всего изданія сразу (10 книжекъ)
цѣна 1 р. 50 коп. съ пересылкой.

Склады изданія: 1) Въ СпБургѣ у издателя—Б. Монетная
д. № 16, кв. 1. и въ „Союзѣ Копѣйки“ Саперный пер. д. 16,
кв. 22.

Вся чистая прибыль отъ продажи всѣхъ этихъ
книжекъ поступаетъ на помощь крестьян. пострадав.
отъ неурожая, черезъ посредство «Союзъ-Копѣйки».

СКАЗКИ, БАСНИ

—<>(II)<>—

ДРУГІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

ДРУГОЕ.

Учителя Павла Вересова.

Приложение къ журналу
„Отклики народнаго учителя и его досуги“
1908 года.

ПѢТУШОКЪ.

На краю села стояла хата;
Не красна углами, не богата,
Но жила счастливо въ ней старушка:
Каждый день у ней была пирушка.
Хоть она землицы не держала,
Ржи не сѣяла въ поляхъ, не жала,
Яровой пшеницы не полола,
Но нерѣдко всячину молола.
Быль у ней въ подпольѣ жерновъ-чудо—
По желанью онъ готовилъ блюдо:
Ужь чего-бъ она ни захотѣла,
Только-бъ чудо-жерновъ повертѣла,
И готово кушанье любое.

Разъ покрылось небо голубое
Мутной тучей. Вьюга загудѣла.
Вдругъ къ лачугѣ тройка подлетѣла,
Колокольчикъ замеръ подъ дугою.
Входитъ знатный баринъ со слугою:
«Пріюти, старушка, насъ отъ ночи,
«Ѣхать дальше не хватаетъ мочи.
«Угости съ дороги насъ закуской;
«Крѣпко будемъ спать на лавкѣ узкой».
А она съ поклономъ отвѣчала:
«Ужь давно господъ я не встрѣчала,
«Угостить васъ рада всей душою:
«Пирогами, кашей и лапшою.
«У меня въ подпольѣ жерновъ-чудо,—
«По желанью онъ готовитъ блюдо».

Вотъ старушка жерновъ повертѣла,
Получила все, чего хотѣла.

«Вамъ по вкусу-ль, гости дорогіе?
«Если нѣтъ, такъ явства дамъ другія».
Вдоволь знатный баринъ угостился,
Не шутя онъ жерновомъ прельстился.
«Не зѣвай-ка ночью ты, Филатко!»
Онъ шепнулъ слугѣ: «покушать сладко
«Я привыкъ давно, еще съ пеленокъ
«Да и ты не прочь, пузатый пострѣленокъ!»
Такъ питаетъ замыселъ коварный
Въ сердцѣ баринъ нашъ неблагодарный.
А старуха между тѣмъ хлопочетъ:
Пріютить гостей получше хочетъ.
Обратилась къ нимъ съ такою рѣчью:
«Подѣлиться рада съ вами печью—
«Смокли вы, озябли, чаю, тоже,
«Такъ на лавкѣ спать ужъ вамъ не гоже».
Отказались гости лѣзть на печку.
Улеглись и погасили свѣчку.

По-утру хозяйка-то проснулась,
Посмотрѣла вокругъ и ужаснулась,
Затряслася бѣдная отъ страха,
Поблѣднѣла какъ ея рубаха;
Защемили старческія кости:
Вѣдь не даромъ рано скрылись гости,
За пріемъ спасибо не сказали;
Тѣмъ ее жестоко наказали.
Бросилась въ подполье, смотритъ — худо:
Выкраденъ отгуда жерновъ-чудо.
А такой бѣды не ожидала.
Вотъ на лавку сѣла, зарыдала.

На заваленкѣ, любуясь солнцемъ,
Цѣтушокъ сидѣлъ передъ оконцемъ.
Слыша плачъ старушки, молвилъ смѣло:
«Не горюй! поправить можно дѣло.
«За него примуся аккуратно,
«И доставлю жерновъ твой обратно».

Онъ взлетѣлъ на барскія хоромы,
И надъ ними разразились громы:
«Ты отдай-ка, баринъ, жерновъ-чудо,
«Поскорѣй отдай, нѣтъ — выйдетъ худо;

«Не отдашь его,—пожалуй къ бою,
«Не на жизнь, на смерть сражусь съ тобою».
Пѣтушокъ страшаетъ безумолку,
Тѣмъ и хочеть онъ добиться толку,
Понагнать на барина кручину.

Баринъ бросилъ пѣтушка въ пучину.
Пѣтушокъ почувствовалъ невзгону
И промолвилъ: «Пей же, горло, воду,
«Обрати пучину эту въ сушу,
«Чтобъ спасти я могъ отъ смерти душу».
Горло жадно воду выпивало,
И пучины словно не бывало.

Пѣтушокъ взлетѣлъ на барскія хоромы,
И надъ ними разразились громы:
«Ты отдай-ка, баринъ, жерновъ-чудо!
«Поскорѣй отдай, нѣтъ—выйдетъ худо!
«Не отдашь его,—пожалуй къ бою,
«Не на жизнь, на смерть сражусь съ тобою».

Баринъ бросилъ пѣтушка въ солому,
Навалилъ поверхъ сухого лому,
И поджегъ все это самолично.
Смотритъ—запылалъ костеръ отлично.
Пѣтушокъ почувствовалъ невзгону
И промолвилъ: «Лей же, горло, воду,
«Чтобъ бѣды не стало надо мною».
Хлынула въ костеръ вода волною,
Потушила пламя роковое.

Пѣтушокъ назойливѣе вдвое;
Онъ взлѣтель опять на барскія хоромы,
И надъ ними разразились громы:
«Ты отдай-ка, баринъ, жерновъ-чудо.
«Поскорѣй отдай, нѣтъ—выйдетъ худо:
«Не отдашь его,—пожалуй къ бою,
«Не на жизнь, на смерть сражусь съ тобою».

Видитъ баринъ, что приходитъ жутко.
Съ пѣтушкомъ ему плохая шутка.
Мыслить: что бы съ нимъ такое?
И отправилъ въ кухню на жаркое,
У него же поваръ былъ искусный—
Приготовилъ завтракъ очень вкусный.

Скушалъ. Только вдругъ дыханье сперло...
Пѣтушокъ же выскочилъ чрезъ горло,
Полетѣлъ на барскія хоромы,
И надъ ними разразились громы:
«Ты отдай-ка, баринъ, жерновъ-чудо,
«Поскорѣй отдай, нѣтъ --выйдетъ худо...
«Не отдашь;—пожалуй къ бою,
«Не на жизнь, на смерть сражусь съ тобою».

Разболѣлся баринъ нашъ отъ горя.
Вышелъ врагъ его сухимъ изъ моря,
Изъ утробы вышелъ невредимымъ,
Остается онъ непобѣдимымъ,
Часъ отъ часу громче просить боя,
Не даетъ хозяину покоя.

Баринъ думать сталъ другую думу:
«Выдамъ жерновъ я ему безъ шуму,
«Пусть несетъ его, куда онъ хочетъ,
«Только ужъ со мною не хлопочетъ».
Отдалъ жерновъ. Нѣтъ борьбы упорной:
Поклонился головой покорной
Пѣтушку нашъ баринъ за обиду
Тотъ вспорхнулъ и улетѣлъ изъ виду.
А затѣмъ съ добычею богатой
Появился скоро передъ хатой,
Гдѣ старуха плакала тоскливо.

Нынѣ вновь она живетъ счастливо.

Р Ъ П К А.

Давнымъ-давно на свѣтѣ жилъ
Старикъ съ своей старухою.
Была старушка добрая,
Пекла блины овсяные,
Варила кашу яшную,
Кормила старика.
Вотъ разъ она промолвила:
«Мнѣ рѣпки захотѣлося.
«Земли у насъ достаточно
«На потолокъ наношено.
«Достань сѣмянъ щепоточку,
«Посѣй, авось и вырастетъ—
«Полакомлюся я».

Старикъ, не знаю, какъ и гдѣ,
Досталъ сѣмянъ щепоточку,
Граблями землю влажную
Разрыхлилъ всю старательно,
Посѣялъ вечеркомъ.

На третій день ранехонько,
Лишь только зорька алая
Взошла на небо синее,
Старуха говорить:
«Старикъ, иди, провѣдай-ка:
«Велика-ль рѣпка выросла?»
Сходилъ и молвилъ: «съ пуговку».

На пятый день опять ему
Сказала на зарѣ:
«Теперь провѣдать надобно—
«Велика-ль рѣпка выросла?»
Отвѣтилъ: «съ перстенекъ!»

Прошло семь дней. «Провѣдать бы—
«Велика-ль рѣпка выросла?»

Отвѣтилъ: «съ ложку красную».

Прошло еще двѣнадцать дней.

Опять старуха молвила:

«Провѣдать рѣпку надобно».

Старикъ отвѣтилъ ей:

«Ужь рѣпа съ блюдо выросла,

«Пора ее повыдергать:

«Сегодня послѣ завтрака

«Пойду за ней съ мѣшкомъ».

— «А развѣ ты одинъ пойдешь?

«Зачѣмъ же я остануся?

«Вдвоемъ скорѣе справимся,

«Возьми меня съ собой!» —

— «Пойдемъ, но какъ ты, старая,

«На потолокъ подымешься?

«У насъ худая лѣстница,

«Съ трудомъ по ней хожу».

— «Такъ вотъ что я придумала:

«Вѣдь ты мѣшокъ подъ рѣпу-то

«Съ собой возьмешь не маленькій—

«Усядуся въ него;

«А ты съ такою ношею,

«Надѣюся, управишься:

«Подымешься по лѣстницѣ

«Легко на потолокъ».

— «Ну, что же? Ладно сказано.

«Но съ уговоромъ, старая;

«Сиди въ мѣшкѣ смиренхонько!»

«И ни о чемъ не спрашивай,

«Пока не подымусь».

Полѣзъ старикъ съ мѣшкомъ въ зубахъ;

Руками крѣпко держится

За лѣстницу высокую.

Старухѣ же не терпится:

Узнать скорѣе хочется—

Далеко-ль потолокъ.

— «Да скоро ли подымешься?»

— «Одна ступень осталася»,

Отвѣтилъ ей старикъ,
Но изъ зубовъ повыронилъ
Мѣшокъ-то со старухою.
Она на землю грянулася,
И Богу душу грѣшную
Мгновенно отдала.

Дѣдъ молвилъ съ укоризною:

«Зачѣмъ, болтунья старая!

«Напѣ уговоръ нарушила?

«Кабы меня послушала,

«Сидѣла бы смиренхонько,—

«Жива бы ты осталася

«И рѣпки бы покушала».

Старикъ погореваль,

Да дѣлать больше нечего:

Искать пришлось плакальщицъ,

Причетчицъ созывать.

Идетъ по полю чистому,

Навстрѣчу заяцъ выскочилъ:

— «Куда пошелъ ты, дѣдушка?»

— «Искать причетчицъ-плакальщицъ—

«Старуха умерла».

— «Возьми меня, пожалуста».

— «Какъ будешь ты оплакивать?»

— «Ту-ту-ту-ту! гожуся ли?»

— «Тебя, косою, не надобно:

«Не мастеръ ты оплакивать».

Идетъ. На встрѣчу волкъ.

— «Куда пошелъ ты, дѣдушка?»

— «Искать причетчицъ-плакальщицъ—

«Старуха умерла».

— «Возьми меня, пожалуста!»

— «Какъ будешь ты оплакивать?»

— «У-у-у-у! гожуся ли?»

— «Нѣтъ, сѣрый волкъ, не надобно:

«Не мастеръ ты оплакивать».

Идетъ по лѣсу темному,

Медвѣдя повстрѣчалъ.

— «Куда плетешься, дѣдушка?»

— «Ищу причетчицъ-плакальщицъ».

«Старуха умерла».

— «Возьми меня пожалуста!»

— «Какъ будешь ты оплакивать?»

Какъ рывкнулъ зычнымъ голосомъ
Топтыгинъ—эхо громкое
По лѣсу разнеслось.

— «Тебя, медвѣдь, не надобно:

«Не мастеръ ты оплакивать,

«Ревѣлъ ты оглушительно;

«Я чуть не умеръ самъ».

Идетъ. Съ лисицей встрѣтился.

— «Куда плетешься, дѣдушка?»

— «Искать причетчицъ-плакальщицъ—

«Старуха умерла».

— «Возьми меня пожалуста!»

— «Какъ будешь ты оплакивать?»

Лиса заводитъ жалобно:

«Была старушка добрая,

«Пекла блины овсяные,

«Варила кашу яшную,

«Кормила старика.

«Но вотъ бѣда случилася:

«Старушкѣ не стерпѣлося,

«Скорѣй узнать хотѣлося—

«Далеко-ль потолокъ?

«И уговоръ нарушила.

«За то, что не послушала

«Совѣта старичка,—

«И рѣпки не покушала,

«Упала свысока,

«И жизнь свою покончила».

— »Вотъ это правда сущая...

«Куда какъ ладно сказано:

«Умѣешь ты оплакивать—

«По слезъ меня разжалобишь,

«Пойдемъ со мной, лиса!»

Пришли. Она причетами

Холодный трупъ оплакала

И тѣмъ вдовца потѣшила.

Потомъ и на погостъ

Отправили покойницу.
Пока старикъ могилу рылъ,
Да въ землю гробъ закапывалъ —
Лиса поминки справила:
Слизнула пѣтушка.

З Е Р Н О.

Было то давнымъ-давно.
Князь нашель одно зерно
Въ поставцѣ своей свѣтлицы
Съ яйцо какой-то птицы.
«Гдѣ родилось и когда?
«Какъ могло попасть сюда?»
На языкъ вопросъ просился.
Долго князь съ зерномъ носился:
Призывалъ къ себѣ вельможъ,
Много разъ на общей сходкѣ
Разсуждали о находкѣ:
«Что — пшеница или рожь?»
Такъ и такъ зерно вертѣли,
Разкусить его хотѣли,
Причинили боль зубамъ.
Но зерна не раскусили.
А потомъ заголосили.
Не послать ли по избамъ
Кликать кличъ во всѣ предѣлы,
Чтобъ сходились земледѣлы,
Старики преклонныхъ лѣтъ,
Князю дать прямой отвѣтъ:
Кто, живя въ частливой долѣ,
Сѣялъ зерна эти въ полѣ?

* *

И приказъ былъ очень строгъ.
Старики явились въ срокъ.
Вотъ одинъ изъ нихъ, дряхлѣйшій,
Былъ введенъ на костыляхъ
Въ красный теремъ, гдѣ свѣтлѣйшій
Возсѣдалъ на соболяхъ.

Князь подумалъ: «Удивленье!
«Что за странное явленье?
«Не видалъ такого вѣкъ;
«Онъ не трупъ, не человѣкъ.
«Словно снѣгъ бѣлѣтъ волосъ,
«Еле живъ дрожащій голосъ;
«Два пятна на мѣстѣ глазъ,
«Ибо свѣтъ давно угасъ;
«Точно листъ трясется губа,
«Горбъ съ котель, во рту ни зуба;
«Лобъ въ морщинахъ, слухъ тугой;
«Ноги выгнулись дугой.

— «Ты сто лѣтъ на свѣтѣ бѣломъ

«Занимался сельскимъ дѣломъ»,

Князь промолвилъ старику;

«Вѣроятно, на вѣку

«Ты видалъ чудесъ не мало.

«Вотъ случайно мнѣ попало

«Это дивное зерно.

«Объясни намъ: что оно?

«Вѣдь такія же едва ли

«При тебѣ не созрѣвали?

«Можетъ быть, что ты ихъ самъ

«Разсѣвалъ по полосамъ?

«Если нѣтъ скажи откуда,

«Изъ какой чужой страны

«Были къ намъ привезены?

— «Не видалъ такого чуда,

Молвилъ старецъ взявъ зерно:

«Не слыхалъ, чтобъ въ наше время

«Кто сѣвалъ такое сѣмя...

«Знать водилось давно...

«Здѣсь отецъ мой--пригласите,

«У него о томъ спросите:

«Можетъ быть, и знаетъ онъ».

И отвѣсилъ онъ поклонъ.

* *

«Твой отецъ сюда явился?!»

Князь свѣтлѣйшій удивился,

Отпуская старика:

«Не ошибка-ль языка?
«Такъ позвать его скорѣе!
«Чай войдетъ¹ одинъ скелеть.
«Если прожилъ столько лѣтъ». —
Къ удивленію, бодрѣ
Сына входитъ старина:
Чуть погнулася спина,
И не такъ бѣлѣетъ волосъ;
И звучитъ пріятнѣй¹ голосъ.
Несравненно тоньше слухъ.
При¹ одномъ, а не при двухъ
Костыляхъ предсталъ у трона.
Князь вручилъ ему зерно:
«Ты, старикъ, по¹ Божьей волѣ
«На землѣ живешь давно;
» Можетъ, зерна эти въ полѣ
«Сѣялъ въ годы старины...
«Если нѣтъ,¹ скажи¹ откуда,
«Изъ какой чужой страны
«Были къ намъ привезены?»

— «Не видалъ такого чуда...
„Гдѣ взросло,¹ не знаю,⁹ нѣтъ,¹“
Говоритъ старикъ⁹ въ отвѣтъ:¹
„Здѣсь отецъ мой,¹ пригласите
„У него о томъ спросите:
„Можетъ быть, и знаетъ онъ“.
Поклонившись,⁹ вышелъ вонъ.
„...“

„Что за дивное явленіе?
„Если молвить безъ обидъ,
„Чѣмъ моложе поколѣнье,
„Тѣмъ дряхлѣй оно на видъ;
„И напротивъ, чѣмъ старѣе,
„Тѣмъ глядитъ оно бодрѣе.“
„Внукъ“ и сынъ¹ сказали „нѣтъ“
„Что-то намъ¹ отвѣтитъ дядя?
Молвилъ князь своимъ вельможамъ:
„Отъ него⁹ развѣдать можемъ,
„Вѣроятно⁹ о зернѣ:
„Зрѣло-ль въ нашей сторонѣ?»

„Такъ позвать его къ отвѣту!“
Бодро входитъ къ князю-свѣту
Самъ старикъ безъ костылей:
Хоть украшенъ сѣдиною,
Не погнулся онъ спиною,
Зубы блестятъ бѣлизною,
Очи ярче двухъ углей,
Грудь высокая широка;
Голосъ звученъ какъ труба;
Слухъ безъ всякаго порока.

— „Ну, старикъ, твоя судьба
„Презавидная на свѣтѣ,
„Если ты чрезъ столько лѣтъ
„Сохранилъ здоровье въ цвѣтѣ!
„Дай же мнѣ прямой отвѣтъ:
„Кто я гдѣ, въ какое время,
„Разсѣвалъ такое сѣмя?“
Князь спросилъ, подавъ зерно.

— „Было время, но оно
„Укатилось давно.
„Что же вы сочли за диво?..
„Я такія зерна самъ
„Разсѣвалъ по полосамъ;
„Самъ изъ нихъ варилъ я пиво;
„Пили мы, богатыри,
„Иногда недѣли три;
„Веселились, не пьянѣли...
„Пѣсни славно такъ звенѣли
„Отъ зари и до зари...
„Дань платили годовую
„Преисправно мы князьямъ;
„Бли рыбу пудовую,
„Подносили медъ друзьямъ.
„Безъ запрета средь долины
„Сѣкли дубы исполины...
„А прекрасные грибы
„Дѣти брали у избы.
„Нынче люди стали плохи—
„Все хворають, мрутъ, какъ блохи.

„Перевелся красный звѣрь..
„Все не то пошло теперь..
„По зубамъ оно родное,
„Это зернышко ржаное“,
Звучно дѣдъ мой пробасилъ
И зерно перекусилъ.

Сила молитвы.

Въ дремучемъ лѣсу, надъ обрывомъ крутымъ,
Стоитъ одиноко сторожка;
Межъ камней, заросшихъ бурьяномъ густымъ,
Къ ней вьется глухая дорожка.
Здѣсь жилъ, по преданью, когда-то лѣсникъ
Вдвоемъ со своею подругой.
Жилъ долго—во всякія дебри проникъ,
И зорко слѣдилъ за округой.
Онъ слылъ нелюдимомъ; а въ образѣ совѣ,
Какъ въ селахъ носилися слухи,
Къ нему по ночамъ изъ дремучихъ лѣсовъ
Слетались нечистые духи.
Цорой разразится свирѣпо гроза,
Завоютъ мохнатая ели;
Огнемъ у него заблестаютъ глаза,
Встаетъ онъ съ убогой постели:
Трасутся колѣни, дрожитъ голова,
Поспѣшно выходитъ онъ въ сѣни,
Кому-то невнятно лопочетъ слова;
Витаютъ какія-то тѣни.
Однажды въ убогую хату свою
Онъ поздно пришелъ изъ обхода;
Въ молчаніи сѣлъ онъ къ столу на скамью;
А въ окна стучить непогода.
Старуха-хозяйка за пряжею льна
Дремала на лавкѣ за печью.
„Я скоро умру... Не пугайся, жена“,
Онъ къ ней обращается съ рѣчью:
„Но только сама не рѣшайся умыть
„Мое посинѣвшее тѣло...
„Сходи за людьми, чтобы худу не быть;
„Не сходишь—ужасное дѣло“...

Онъ тяжко вздохнулъ и невольно умолкъ:
Упалъ, а глаза помертвѣли..
Подъ окнами буря завывала, какъ волкъ;
Какъ змѣи, лѣса зашипѣли
Старуха трепещетъ—страхъ въ душу проникъ.
И думаетъ грустную думу:
„Сходить за людьми завѣщалъ мнѣ лѣсникъ—
Боюсь осенняго шуму..
„Куда же пойду, коль не видно ни зги?
„Сама по немногу устрою..
„Царица Небесная, мнѣ помоги!
„Умою, холстиной покрою“..
На лавку она подостлала сѣнца,
Покрыла какой-то ветошкой,
И ложе готово: кладезь мертвеца..
Вдругъ кто-то мяукаетъ кошкой.
Затеплить свѣчу непослушной рукой
Старуха спѣшитъ хлопотливо
И шепчетъ: „Раба твоего упокой“,
И смотритъ кругомъ боязливо.
Въ ночной темнотѣ свирѣпѣетъ гроза;
Мертвецъ шевелится на ложѣ..
Зеленымъ огнемъ загорѣлись глаза,
И съ лавки встаетъ онъ. „О Боже!
„Святые угодники, будьте со мной!
„Спасите меня отъ напасти!“
Взълилась: „Не знаю молитвы иной—
„Избавьте отъ адовой пасти!“
Вдругъ дверь отворилась... И свѣтъ просіялъ..
Вошли въ облаченьяхъ церковныхъ
Священникъ и дьяконъ. И трепетъ объялъ
Умершаго въ путахъ грѣховныхъ.
И буря умолкла въ густой темнотѣ—
Исчезла нечистая сила.
— „А кто Вы такіе?“ — „Мы самые Тѣ,
„Кого ты въ молитвахъ просила.
— „Побудьте со мною, святые отцы!“
— „Не бойся, вернемся мы вскорѣ..
— „А нынѣ зовутъ насъ въ другіе концы—
„Несчастье случилось на морѣ“.

Гостя съ погоста.

Спалъ малютка въ колыбели.
Я гашу гонь въ свѣтцѣ...
Вдругъ ворота заскрипѣли,
Кто-то стукнулъ на крыльцѣ.
Въ сѣни входитъ. Кто? узнай-ка!
Слышь, берется за скобу...
Дверь открылась и хозяйка
Тихо входитъ къ намъ въ избу.
И стоитъ у колыбели.
„Ты зачѣмъ теперь у насъ?“
Я спросилъ слетѣвъ съ постели.
— „Какъ зачѣмъ? провѣдать васъ!..
„И домашнюю скотинку
„Накормить вѣдь надо мнѣ,
„И малютку сиротинку
„Приголубить въ тишинѣ“..
Отвѣчаю рѣчью строгой:
„Убирайся-ко къ себѣ...
„Мы идемъ своей дорогой,
„ Не нуждаемся въ тебѣ“..
— „Если такъ, уйду вѣстимо...
„Больше въ здѣшней сторонѣ
„Ты меня не встрѣтишь, Тимо,
„Приходи-ка ты ко мнѣ!
Говорилъ я съ нею смѣло...
Право, будто бы съ живой...
Какъ ушла—иное дѣло:
Точно сталъ я самъ не свой.
Натерпѣлся вдоволь страха;
Не смыкалъ всю ночь я глазъ,
И тряслась на мнѣ рубаха,
Пока зорька не зажглась.

Т Р Я П К А.

Валялась тряпка въ грязной лужѣ.
Пріютъ, признаться, не хорошъ,
Но могъ вѣдь быть гораздо хуже:
Цѣна тряпицъ—мѣдный грошъ,
А гибнуть вещи и дороже,
Когда судьба накажетъ строже:
Ее-жъ послѣдняя спасла.
Толпа дѣтей во школу шла.
«Ребята, въ лужѣ-то ветошка!»
Воскликнулъ весело Антошка:
•Промыть ее да разодрать—
«Ей можно доску вытирать».
И такъ попала въ столъ тряпица,
Гдѣ были книги и тетрадь.
«Ты кто? скажи! ты что за птица?»
Она назойливымъ допросомъ
Терзаетъ слухъ имъ свысока:
«Туда, гдѣ грифель, я, доска—
«Нельзя соваться съ вашимъ носомъ!»

Когда глупцу окажутъ честь,
Не знаетъ онъ куда и сѣсть.

С Л У Ж Б А.

Извѣстный службой безпорочной,
Курьеръ летитъ съ бумагой срочной.
«Пошелъ, ямщикъ! пошелъ, злодѣй!»
Кричитъ Ивану онъ сердито,
Хоть паръ валитъ отъ лошадей,
И тѣло ихъ кнутомъ избито.
Примчались къ станціи стрѣлой:
— «Какой же ты сегодня злой»,
Ивану молвили лошадки:
«Вѣдь мы неслись во всѣглопатки,
«А ты кнутищемъ бухъои бухъ! »
«Едва изъ насъ не вышибъ духъ!»
«Вѣдь, это, братъ, совсѣмъ не дружба!»

— «Когда бы вы могли понять,
«Не стали-бъ мнѣ за то пенять:
«Не я васъ гналъ кнутомъ, а служба».

Я Б Л О Н Я.

«Стояла яблонь у села.
Весной, когда она цвѣла,
Летала въ гости къ ней пчела;
Въ густой листьѣ лѣтали птицы;
Въ тѣни прохладной въ лѣтній зной
Сидѣлъ здоровый и больной,
И плодъ срывали наливной
Старухи, красныя дѣвицы.
Пришла печальная пора:
Дряхлѣетъ тощая кора—
И горе яблонькѣ безплодной:
Никто не лѣчитъ, чуть жива...
И наконецъ зимой холодной
Ее срубили на дрова.

Пока работалъ въ полной силѣ,
Не знаяши отдыха, Панфилъ,
Онъ былъ и дорогъ всѣмъ и милъ;
Ослабъ—забыли о Панфилѣ.

Орелъ и сычъ.

Случилось встарь:

Пернатый царь

Лѣсовъ и горъ

Хотѣлъ умножить птичій хоръ.

Онъ вѣдалъ хищничьи проказы.

Чтобъ оградить со всѣхъ сторонъ

Отъ ястребовъ

И отъ воронъ

Своихъ пѣвцовъ—

Послалъ указы:

«Не ѣсть яицъ

«У пѣвчихъ птицъ»».

И поручилъ сычу надзоръ за выполненьемъ.

Но сычъ ничуть не восхищался пѣньемъ;

И самъ всегда яичный столъ имѣлъ,

И доносить царю на тѣхъ не смѣлъ,

Кто силенъ былъ иль клювомъ, иль когтями:

Порою были тѣ его гостями.

Пришлось сычу отчетъ нести орлу.

Тяжелъ подъемъ для слабыхъ на скалу,

Такъ сычъ стянулъ яичко у синицы»

И закусилъ

Для подъ крѣпленья силъ.

Потомъ летить въ гнѣздо царь-птицы

И говорить: «Карай, о царь, куницы:

Онѣ зорять всѣ гнѣзда пѣвчихъ птицъ.

За дерзость съ нихъ сними пушныя шубки».

У самого-жъ во рту торчатъ скорлупки.

«Клеветъ и лжи я слышать не хочу»,

Отвѣтилъ царь и за доносъ

Отрѣзалъ носъ

Сычу.

Кому быть секретаремъ.

Въ лѣсахъ разносится молва,
Что секретарь погибъ у льва.
Кричитъ лисица безумолку:
«Теперь почтеннѣйшему волку
«Чреда предстать передъ царемъ.
«Кому же быть секретаремъ,
«Какъ не любезнѣйшему куму?
«И безкорыстно и безъ шуму
«Даетъ дѣламъ законный толкъ,
«Хранить онъ свято честь и долгъ».
И глупый волкъ, уловку эту
Принявъ за чистую монету,
Промолвилъ: «Вижу самъ теперь:
«Моя кума—добрѣйшій звѣрь...
«Давненько къ ней забрался въ гости,
«И пожираю все до кости
«Съ ея роскошнаго стола;
«Отъ ней же мнѣ и похвала».
Подслушавъ это разсужденъе,
Хорекъ сказалъ ему въ отвѣтъ:
«Вскружило голову, мой свѣтъ,
«Тебѣ слѣпое заблужденъе:
«Лиса совсѣмъ не такъ добра...
«И если только хвалить кума,
«То для того, чтобы безъ шума
«Его повысить со двора».

Д Ъ Д У Ш К А.

Отъ людей почету
Нынѣ много мнѣ.
Вынесъ все безъ счету
На своей спинѣ.
Баринъ былъ худенекъ
Тѣломъ и душой:
Много тратилъ денегъ—
Лакомка большой.
Покутить безбожно,
Глядь—въ мошнѣ изъянъ.
Все возьметъ, что можно,
У своихъ крестьянъ.
Впрочемъ, что-жь такое?
То прошло давно...
Вспоминать лихое
Грустно и грѣшно.
Насъ, рабовъ радивыхъ,
Вышній наградилъ:
Отъ господъ строптивыхъ
Царь освободилъ.
Я кровавымъ потомъ
Тысячу скопилъ:
Пустошь за болотомъ
Барскую купилъ.
Вывезъ лѣсъ отборный
Къ берегу ручья,
До мѣ себѣ просторный
Тутъ поставилъ я.
А въ трудахъ упорныхъ
Богъ меня хранилъ:

Пять сыновъ покорныхъ
Выросилъ, женилъ.
Тѣсновато стало—
Велика семья,
Такъ домовъ не мало
Вновь построилъ я.
И хозяйство наше,
Общее для всѣхъ,
Словно въ красной чашѣ
Золотой орѣхъ.
Внуки пашутъ нивы,
Правнуки въ порѣ—
Всѣ къ труду ревнивы
И живутъ въ добрѣ.
Въ срокъ вношу поборы
Въ земскую казну...
Не вступаю въ споры,
Шапочки не жну.
Не хожу стыдливо
Къ богачу въ подваль...
Баринъ такъ счастливо
Прежде не живаль.

Кто на днѣ?

Ты мыслишь лукаво: «Стою наверху,
«Высокій душой, недоступной грѣху;
«Блеститъ золотая одежда на мнѣ,
«Языкъ мой съ небесною волей въ роднѣ:
«Кого онъ осудитъ на грѣшной землѣ,
«Кипѣтъ тому вѣчно въ горящей смолѣ».

О, нѣтъ! ты упалъ ниже всякаго «дна»,
Свидѣтель тому ужъ надежда одна.
Чтобъ пышно одѣться, ты сколько другихъ
Оставилъ на свѣтѣ босыхъ и нагихъ?
И такъ изолгался твой праздный языкъ,
Что въ слово свое ты и вѣрить отвыкъ.

Лукавыя думы прельщаютъ тебя:
Ты «цвѣтомъ людей» величаешь себя.
Въ обширныхъ палатахъ блаженствуешь ты,
Къ услугамъ твоимъ чудеса красоты—
Созданья искусства, и рабство льстецовъ,
И столъ утонченный изъ тучныхъ тельцовъ;
Но «цвѣтомъ людей» называться стыдись:
На «днѣ» твое мѣсто, туда и садись:
Что разомъ однимъ поглощаетъ твой ротъ,
Тѣмъ труженикъ бѣдный питался бы годъ.

Но тотъ на вершинѣ высокой горы,
Кто съ ранняго утра до поздней поры
Въ трудахъ проливаетъ кровавый свой потъ:
Въ немъ сила святая и жизни оплотъ.

М О Л О Т Ъ.

Много лѣтъ тяжелый молотъ
Сталь упругую коваль:
Въ лѣтній зной и зимній холодъ
Онъ покоя не знавалъ.

Въ поднебесной все не вѣчно.
Ослабѣлъ онъ наконецъ,
И тогда его безопасно
Бросилъ въ сторону кузнецъ.

И съ тѣхъ поръ въ трудѣ жестокомъ
Не является нигдѣ;
Но молва о немъ потокомъ
Разливается вездѣ:

Вотъ коса въ лугу росистомъ,
Чуть зардѣется заря,
«Молотъ билъ меня», со свистомъ
Вторитъ пѣснѣ косаря.

Ежедневно въ зимній холодъ,
Оглашая темный боръ,
«Билъ меня тяжелый молотъ»,
Звучно стучаетъ топоръ.

БАРЫШЪ.

У купца-Барыша
Загорѣлась душа
Страстью къ золоту:
Разослалъ онъ гонцовъ,
Чтобъ лихихъ кузнецовъ
Звали къ молоту.

И куютъ топоры
До холодной поры —
До Крещенія...
Смерть дремучимъ борамъ —
Шлетъ Барышъ по дворамъ
Извѣщенія.

Начинать, силачи!
Ото сна палачи
Повоспрянули;
И природы краса,
Вѣковые лѣса
На земь грянули.

И торчатъ тамъ одни
Обгорѣлые пни
Нынѣ, братія!
А народъ отъ души
Барышу за гроши
Шлетъ проклятія.

В Ъ Х И. !

Въ полной силѣ зима: шлетъ трескучій морозъ,
Засыпаетъ дороги мятелями...
Въ чистомъ полѣ ползетъ за обозомъ обозъ,
И бредутъ пѣшеходы артелями.

Вѣхи путникамъ кажутъ прямые пути,
Пробуждаютъ въ душѣ бодрость сильную;
А безъ вѣхъ бы инымъ и родныхъ не найти—
Вѣтеръ спѣлъ бы имъ пѣсню могильную.

Въ дни ненастья, народныхъ волненій и смуть,
Не внимая коварныхъ ученію,
Такъ избранники неба заблудшихъ ведутъ
Къ несомнѣнному ихъ назначенію.

Добрый хозяинъ.

Ой, не плачь, родная рожа,
Что продамъ тебя за грошъ.

Помни: красною весною
Снова встрѣтишься со мною:

Хоть и втрое заплачу.
Все-жъ назадъ я ворочу.

Съ давнихъ поръ
Выше горъ
Ищешь ты того, напрасно,
Что божественно прекрасно.

Снизойди,
Погляди
Безъ лукавства, пошлой ласки
Своему младенцу въ глазки:

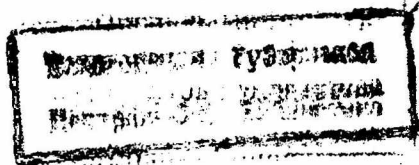
Чистота,
Красота
Въ нихъ для насъ неизъяснима,
Какъ во взорѣ херувима.

Хоть ты очень хитра,
Дорогая сестра;
Но со мною, смотри,
Не хитри, не хитри!
Помни: далъ мнѣ Творецъ
Вѣдать тайны сердцеъ,
Такъ не скрыть отъ меня
Въ сердцѣ страсти—огня.
Вѣдь я знаю, о комъ
Ты вздыхаешь тайкомъ,
И зачѣмъ ходишь ты
Къ быстрой рѣчкѣ въ кусты;
И что свѣтитъ въ глазахъ,
И что шепчутъ уста,
Какъ стоишь ты въ слезахъ
Предъ иконою Христа.

На нескромный вопросъ
Ждалъ я гнѣва, угрозы,
Свѣтлоокая,
Какъ въ дубравѣ весной
Повстрѣчалась со мной
Одинокая.

«Да», отвѣтила ты.
И покрыла черты
Тѣнь сдѣдливая,
И порывы къ борьбѣ,
И покорность судьбѣ
Молчаливая.

Пахучій плодъ едва созрѣлъ среди листвы,
А жадный червь уже ползетъ къ нему съ травы.
О злость и зависть, это вы!

О Т Ъ Р Е Д А К Ц І И.

1. Подписавшіеся въ разсрочку благоволятъ, при высылкѣ послѣдующихъ платежей, сообщать номеръ бандероли, подъ которою высылается журналъ.

2. О неполученіи какой-либо книжки журнала необходимо присылать заявленіе тотъ-часъ же по полученіи слѣдующей книжки.

3. Присылаемые въ редакцію рукописи просимъ писать такъ, чтобы одна сторона листа оставалась чистою. Посылать рукописи можно, какъ дѣловыя бумаги, подъ бандеролью, или въ не заклеенномъ конвертѣ, не вкладывая въ него письма, имѣющаго характеръ личной переписки. Значительныя по объему рукописи можно высылать посылками.

4. Каждая статья должна быть снабжена подписью, подъ которою авторъ желаетъ опубликовать ее (полная фамилія, инициалы, псевдонимъ и т. п.), и сверхъ того къ ней должно быть приложено (для свѣдѣнія редакціи) сообщеніе объ имени, отчествѣ и фамиліи автора и его почтовомъ адресѣ. Безъ соблюденія этого условія рукописи не только печататься, но даже и просматриваться редакціей не будутъ. Разборы вновь выходящихъ книгъ будутъ печататься только за полной подписью авторовъ.

5. Адресъ для рукописей и подписной платы: Вологда, редактору-издателю журнала «Отклики народнаго учителя и его досуги» Аванасію Ѳедоровичу Знаменскому.

6. Рукописи размѣромъ болѣе печатнаго полулиста возвращаются авторамъ въ томъ лишь случаѣ, если на пересылку ихъ прислана, почтовыми марками, достаточная сумма. Рукописи менѣе печатнаго полулиста ни въ какомъ случаѣ не возвращаются.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ 4 р., на полгода 2 р. 10 к. и на 3 мѣсяца 1 р. 10 к. На другіе сроки подписка не принимается.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка на слѣдующихъ основаніяхъ: при подпискѣ 1 р., къ 1 марта 1 р., къ 1 іюня 1 р. и къ 1 сентября 1 р.

За объявленія уплачивается 15 р. за страницу за каждый разъ; за полстраницы 8 р. за каждый разъ.

Вновь подписавшимся будутъ высланы всѣ вышедшіе номера, начиная съ перваго.